

СТАНИСЛАВ
КОНОПЛЯНИК

ОКОВЫ СНА

Глава секретного отдела диверсий и промышленного шпионажа собирается украсть не очень-то секретные данные у одной из мегакорпораций. Казалось бы, рядовое дело, но у судьбы свои планы, которые с планами Шопа не согласуются.

Глава 1. Тёмные

Уже много недель подряд мне снится один и тот же сон. Нет, он не одинаков в деталях, каждый новый словно является продолжением предыдущего. Он снится мне каждую ночь и я уже забыл что такое обычный сон с бредовыми образами. Это самое странное, что со мной происходит, но ради того, чтобы узнать, что в этом сне будет дальше, можно продолжать жить.

Высокие деревья, заходящее солнце, лёгкий туман над водой, тепло, свежий лес, мягкий мох, птичьи трели, шум воды и образ девушки с неопрятными чёрными волосами, бледной и худой, с безжизненным взглядом.

Я понял, что начинаю засыпать, и помотал головой.

— Ну как у вас там что?

Уже десять минут с тех пор как группа вошла в здание и тишина. Естественно наша вылазка не останется незамеченной, но наш отряд был готов почти ко всему. Главное, чтоб никакой тёмный не ждал за углом. Говорят эти придурки могут раскидать целый отряд, не получив ни одного ранения. Ходят себе с саблей на поясе и умеют всякое. А ещё никогда не ходят по одному, но никогда не появляются по двое. Но это всё слухи.

Бизнес центр Ашура был большим, как и полагалось представительству компании. Таких центров в городе всего было три: Ашура, Виктория и Йомсбур — три столпа мировой экономики, встреченные лбами на Нейтральной Земле — Городе, возникшем на стыке трёх государств.

— Меня вообще слышно? — не выдержал я и вновь нарушил радиомолчание.

В краю глаза иконка входного сигнала на мгновение стала зелёной:

— Шон, сука. Сказано молчать! — раздался голос Майклсона.

Это был капитан отряда. Фактический капитан. Формальным был я — Шон Йомсбур приёмный сын Альфри Йомсбура, главы многомиллиардной корпорации. Папа вообще понимал, что его сын, участвуя в таких переделках, может и в архив упасть? Вопрос нужно было ставить иначе: заботило ли его это?

Я исправно наблюдал в прицел снайперской винтовки за выходом. Второй и третий фокус оптической системы следили за крышей и зданием. Из-за особенностей строения моей нервной системы я не мог позволить себе качественный сопроцессор, потому приходилось прибегать к хитростям: двойная буферизация вместо FastAndFury протокола передачи данных, субтитры вместо потокового распознавания речи и SimpleDiff вместо нейросети распознавания движения. Быть мной в современном мире было очень непросто. Как результат на SimpleDiff дающий ложные срабатывания я не надеялся, полагался больше на собственные мозги, поэтому переводил внимание с оптического прицела на второй и третий фокус. Там было тихо.

Дали бы мне опробовать «паучье логово», не пришлось бы вообще туда лезть, но вся команда завопила, что система ещё не протестирована, нельзя опробовать в бою и вообще лучше по старинке. Хотя даже то, чем они занимались тут по старинке, было моим планом.

Днём ранее я сидел на корпоративном закрытом собрании по региону Талласа, среди крупных шишек. Голографические проекторы, куча цифр вгружающихся прямо в подсистему хранения цифровых данных рядом с биологическим мозгом, какие-то графики, схемы, отчёты. И кругом мелькает одно: Ашура нависает лезвием гильотины над нашей шеей.

Отец, хоть и приёмный, но всё же отец — седой, но ещё не старый, с длинными волосами, собранными в хвост, с тонкой бородкой и аккуратными тонкими усами, с морщинистым лицом, но поджарый и стройный, строго окинул всех собравшихся взглядом.

— Проект «Рост», — он скривился. Ему не нравилось это название. Наш продукт назывался Осьминог и имел огромное количество аллегорий и метафор. Здесь же был просто Рост. Название, говорившее само за себя, но абсолютно безвкусное. — Главный наш конкурент по направлению автоматизированного учёта вкладами. Люди уходят из нашей системы, идут к ним. Нацеято — в чём причина?

Молодой и перспективный глава отдела кибербезопасности, мой последователь, подскочил на месте:

— Наша система дала просадку на тесте безопасности в три пункта, что довольно существенно. Их система использует более современные алгоритмы передачи данных.

Я понимал смысл каждого сказанного им слова. Отец собирался оставить Йомсбург Инкорпорейтед мне, но впахивал я так, что был на грани выгорания постоянно. К своему тридцатилетию я пять раз менял сферу деятельности и не прекращая учился. Каждые два года я приобретал запредельный багаж знаний, какой только можно получить, совмещая менторинг с виртуальным обучением и стажировкой в Йомсбург Инкорпорейтед, уже побывав на месте аналитика, разработчика баз данных, специалиста по качеству, по подбору персонала и по обеспечению кибербезопасности. Везде нужно было успеть сделать внушительную карьеру, везде я справлялся, готовясь к этой роли с самого детства, которого я практически не помню. Сейчас же мне был поручен отдел, о существовании которого даже я не знал до недавнего времени — контрразведка и саботаж.

— Безопасность алгоритмов — это одно, — стал в задумчивости рассуждать я. — Но на деле нет ничего неприступного. Нужно показать пользователям, что аудит — не показатель, и данные всё равно могут улететь в сеть. Данные с пользователями и их паролями.

— Смелое заявление, господин Шон, — нахмурился Нацеято. Он был моим ментором, полгода работал моим же подчинённым, сейчас вновь говорил на правах главы отдела кибербезопасности.

— Пусть продолжает, — указал рукой отец.

— Мы выкрадем данные, — предложил я.

— Сервер... — начал было Нацеято, но я поднял руку.

— Я всё знаю. Данные на сервере зашифрованы. Ключ находится в ресурсах приложения, но даже так если мы сольём пароли, они будут не более чем подсоленными хэшами, которые нельзя будет взломать. Всё верно. Тем более что у нас уже есть взломанная база пользователей за прошлый год, и это нам не дало ничего. Однако что, если мы в этот раз сольём исходники?

— На сервере нет исходников.

— Нам не нужен сервер. Нам нужна их система контроля версий, которая обычно находится на отдельной машине. Их несложно будет заполучить.

— И? Что нам это даст?

— Соль. Ту часть, что добавляется к паролю, и алгоритм.

— Господин Шон, при всём уважении, с чего вы решили, что у них соль хранится в коде, а не генерируется динамически как в любых полиморфных решениях?

— А у нас полиморфное решение? — ухмыльнулся я.

Нацеято смутился.

— Нет. Потому что программа является приложением киберпространства и хранится на сервере, откуда нет доступа к бинарным данным.

— Это был мой аргумент. Он был обусловлен недостатком финансирования.

Отец поднял бровь.

— Да, господин Альфри, — на публике я именовал отца только так. — Полиморфное решение слишком дорогостояще и оправдывает риски лишь в одном случае. В случае физического вмешательства и потери соли.

Всем нам известно, что инициатива делает с инициатором. Моя задача была пока в малом: следить за выходом. Утром перед заданием мы собрались на брифинг. Не все, только ветераны, которым за всем нужно было следить. Я, Лидия, Майклсон, Вирр и Гримма. Черноволосый, беловолосая, голубоглазый, лысый и гром-баба.

— Войти, слить данные с машины А382С23. Я на щепку автозагрузку поставил, так что херачишь, даёшь права администратора, а дальше она сама всё сделает. На всё про всё нужна будет минута, не больше. Я не жадный, — пояснял я.

Вирр слушал и кивал.

— Нас же наверняка заметят, — мялась с ноги на ногу Лидия.

— И что?

Мне отец всегда давал задания, в которых не было абсолютной победы. Потому для меня решённая грязно задача — это решённая задача, а не «ну ты и мясник, можно было изящнее». Нельзя сделать по-тихому? Не будем делать по тихому.

— Как мы выйдем? — волновалась беловолосая девушка. — Они просто опустят ширму и нам конец! В прошлый раз мы едва успели.

— Не опустят. Я позаботился об этом.

На все сто я уверен не был...

— Сколько можно там ковыряться? — буркнул я. — Вас не за солью, вас только за смертью посылать.

Я переключился на третий фокус, на крышу. Как раз вовремя, чтобы заметить движение. Фигура в чёрном перевела свой взгляд на здание, в котором я находился. Я уже брал его в прицел своей снайперской винтовки, параллельно активируя последовательность оповещения для остальных, как тёмный посмотрел мне в глаза. Я был уверен, что он посмотрел мне в глаза.

А где один тёмный, там и другой.

— Блять, — шепнул я и перекатился через плечо, выхватывая клинок и складной щит.

За спиной я услышал звон стали, ударившей по бетону.

Веерный щит распахнулся в плоский диск у меня в руках ровно в тот момент, когда прилетел второй удар.

Как они это делают? Один из них только посмотрел на меня, а другой уже оказался у меня за спиной! Их толпа и они объединены в кластер? Или это один и он телепортируется? Нет таких технологий! Даже намёка на них нет.

Сигнал отправлен, Майклсон предупреждён, двое из браво будут у меня через минуту, операция всё ещё продолжается.

Сейчас же нужно было продержаться.

Я отскочил на шаг, выглянул из-под щита, увидев закутанное в чёрную мантию тело с коротким ятаганом. Тёмный расплылся в пространстве, ударяя. Синаптические ускорители позволили разглядеть его движения, анализаторы ближнего боя услужливо подсказали

стойку и вероятные удары из неё. Я подставил клинок своего меча, скрежет стали давил на мозг.

Один удар, второй, третий и первый шаг назад.

Ты не сможешь победить, не переходя в нападение. Однако эта истина работает только в обычных ситуациях.

Пятьдесят две секунды. Ещё столько времени нужно продержаться, а у меня за спиной через пять шагов стена и отступать больше некуда.

Я отбил удар щитом, сделал ложный выпад в надежде поменять стойку, но тут же пришлось опять шагнуть назад. Удары сверкали, словно молния. В какой-то момент мою ногу ниже колена резануло жгучей болью. Спустя мгновение такой же болью разразилось плечо. Его меч проходил сквозь нанотрубчатый доспех, будто я был голым.

Ещё шаг назад.

Двадцать четыре секунды.

Я специально открылся в надежде перехватить удар. Как раз перезаряженные синаптические ускорители позволяли среагировать должным образом. Враг сделал режущий горизонтальный ровно такой, какой мне требовался. Я поднырнул под него, но не заметил локтя и видел, как стремительно и точно рука тёмного движется по направлению к моему лицу, и я ничего не успеваю сделать.

Тело тёмного вжало в стену с такой силой, что меня сбilo с ног волной воздуха. Я шлёпнулся на задницу, прикладываясь спиной и затылком в стену. Зрение не могло сфокусироваться, но среди светлых и тёмных пятен я увидел человеческий силуэт.

...Несанкционированный доступ...

...Открыто зашифрованное соединение...

Блокировать!

...Блокировка соединения недоступна...

Посыпались ошибки в системный лог. Он мастерски обошёл все мои файрволлы, словно был Миротворцем, и через мгновение в голове раздался голос:

— Совсем жиром заплыл.

Да кто он такой? Он меня знает?

Зрение успело сфокусироваться ровно в тот момент, когда и тёмный, и таинственный некто исчезли.

— Шон, что случилось?

В комнату влетела Лидия. Снежно-белые подстриженные волосы были собраны в тугую косу и спрятаны под бронёй. Девушка с приятной внешностью, с некоторых пор полностью игнорирующая мои знаки внимания, ведущая себя холодно и... Я бы хотел сказать, что резко. Но не резко, просто холодно.

Я пытался проморгаться. Каждый раз, закрывая глаза, я видел символ — шестиугольник с глазом с блеклым, подёрнутым бельмом зрачком и красными воспалёнными капиллярами на роговице. То ли его грубое вмешательство повредило мне оптику, то ли головой хорошо приложился.

— Тут был тёмный.

— Куда он делся? — покрутила она головой, сканируя следы боя.

Проморгавшись, я заставил себя прийти в себя, перешёл на внутренний канал связи и схватил винтовку — принялся следить.

— Движение на втором этаже, — доложил я. — Хватайте всё, что успели и выходите.

— Принято, — отрапортовал Майклсон. — Выхо... Ох, чёрт!

...Звуки стрельбы...

...Шум...

...Крики...

Я плотнее вжался в прицел, перевёл все фокусы на здание, запустил термоскан. По этажу принялись подсвечиваться красные точки потенциальных целей.

— Это тёмный! — чей это голос? Вирр скорей всего.

Ребята, не нужно там дохнуть только!

— Они опустят ширму, — стояла над душой Лидия, почти над самым моим ухом.

Мне было сложно думать, когда я слышал её дыхание.

— Не. Опустят, — сжав зубы процедил я.

— Как в тебе может быть столько уверенности?! — почти кричала она.

Я быстрым движением сменил обойму на нейтрализующие заряды. Прицелился, выстрелил. Послышался звон стекла и упал охранник, стоящий у главного входа.

— Потому что, — тихо шептал я, — у них аудит безопасности. Я натравил на них три газеты и они рассказали, какие у них крутые ребята в охране, в безопасности...

Я прицелился вновь, задержал дыхание, нажал на спусковой крючок, ускоряя реакцию и просчитывая рикошет. Пуля отскочила от стены и ударила охранника, который прятался за колонной — он упал.

— Путь чист, — шепнул я в общий канал.

Я неотрывно следил за обстановкой.

— Так вот, подними они шумиху — и их репутация окажется в жопе. Не важно, что там происходит, занавес они не опустят — это будет репутационное поражение. Шах и мат!

...Звуки стрельбы...

Я взял сигнал камеры наблюдения, принялся подбирать к ней ключ доступа, но у меня всё не получалось влезть в систему.

— Дай помогу, — положила Лидия мне свою руку на плечо.

Я мгновенно сбился, но она открыла соединение с серверной станцией в машине, что стояла внизу, и дело пошло быстрее. На сетчатку правого глаза упало изображение с камеры. Я послал пару управляющих команд, выискивая нужную камеру.

...Тёмные выныривали из тени по одному, наносили удары и растворялись в тени, словно призраки. Мои ребята высаживали в них обойму за обоймой, но я не видел ни одного трупа, хотя был уверен, что раз они даже попали. Тёмные оставались мистическим неуничтожимым супероружием, появившимся у Ашуры пять лет назад и с тех пор становившимся всё сильнее и сильнее.

Он выскочил на Вирра, повалил его, но бравый солдат отмахнулся прикладом, выстрелил из дробовика в воздух и вскочил на ноги, чтобы его отодвинула Гримма, взмахивая молотом. Тёмный отступил и они побежали.

А я принялся проверять камеры.

— Следующий поворот, за углом, — предупредил я, но пакеты данных терялись.

Я пытался отметить его как цель, но у меня не получалось зацепиться.

— Где? — переспросил Вирр. Все замедлились.

— Двигайтесь, уже не за углом.

Один из силуэтов скользнул рядом с Гриммой.

— Сбоку! — крикнул я.

Нет сигнала.

Чёрт.

Лезвие мелькнуло и камера зафиксировала, как голова Гриммы отлетела от тела. Тело ещё постояло какое-то время и упало, после чего активировался протокол ликвидации и Гримму с треском разнесло на мелкие кусочки.

— Чёрт! Чёрт!! — кричал Майклсон, пробираясь к выходу.

Вирр хромал, но бежал.

Я подстрелил ещё одного охранника и заблокировал в лифте специально охранное подразделение. Ребята вылетели пулей, а я принялся упаковываться.

Кучерявый Майклсон, лысый Вирр и беловолосая Лидия сидели за барной стойкой в Баламуте. Я стоял рядом. Лидия закурила, Майклсон смотрел на свои руки, Вирр пил уже четвёртый шот:

— Бывает. В прошлом году так же Вортеса потеряли.

Среди всех он был солдатом. Участвовал во второй корпоративной войне.

— Или пей, или иди к дочке, — командным тоном заявила Лидия, глядя на Майклсона.

Тот с силой ляпнул по столу:

— Проклятые тёмные! Откуда они взялись?

Музыка в Баламуте была не сильно громкой. Да и клуб был не сильно людным. Лишние люди сюда не заглядывали. Всех, кто тут был, я знал чуть ли не лично — место отдыха после подобных приключений. Ещё писать отчёт, оформлять компенсацию родным за Гримму, её молот назад забрать у организации. А ещё нужно лекции по соционике прослушать, сделать доклад на тему калибров оружия, передача ещё эта висит...

Задачи и дела принялись давить на меня едва подъёмным грузом, клонило в сон.

Впрочем, самое главное мы выполнили — данные были у меня.

— Ребят, можете сидеть, а я пойду, мне ещё учиться.

— Я тоже, — помахала всем рукой Лидия и отправилась со мной.

Улица дохнула сыростью осенней погоды, хоть было ещё достаточно тепло. Вечер опустился хмурый, скрыл едва выглядывающее из-за постоянно висящего смога солнце. В дымке растворялись многоэтажки, терялись старые одинокие голографические вывески, лишь всплывающая в оптических имплантах реклама оставалась такой же, как раньше. Я часто отключал «активный перехват» и смотрел на город вот так, обычными глазами, потому что город преобразился.

Говорят ещё пятьдесят лет назад он был совсем не таким. Он был весёлым и жизнерадостным, разукрашенным в яркие кислотные краски, пусть и сплошь состоящие из рекламных баннеров разного рода. Сейчас же изменения шли другого рода: уже появились первые виртуальные пешеходные переходы, для людей без имплантов выглядящие как просто проезжая часть. Таких людей остаётся всё меньше и меньше, в основном старой закалки, люди за восемьдесят лет. Всё чаще вместо оформления фасада дома крепятся маячки-биконы с программами, транслирующими «скин» на сетчатку. Уже появилась первая «морфирующая одежда», для людей без имплантов выглядящая просто как серый бесформенный костюм. Даже пластическая хирургия уходит на второй план, её заменяет «активный перехват зрительного потока». Не дай высшим силам систему загрузит и вместо привлекательной красотки перед тобой появится пропитая бомжиха с выбитыми зубами.

— Ты хотел поговорить, — напомнила мне Лидия.

— Это было на прошлой неделе, — нахмурился я.

— Это по поводу цветов?

Я посмотрел на неё. Девушка держалась холодно и колюче, то подпуская к себе почти вплотную, вот как сейчас, то отдаляясь на невероятные расстояния. Мой отец обставил всё так, что сейчас я никто и звать меня никак, хоть я и занимаю должности. Зарплаты нормальной нет, социальных гарантий нет. Я, конечно, понимал, что это для моего же блага, но иногда мне казалось, что старый пердун перегибает планку. От того девушкам оставалось вестись лишь на мою индивидуальность.

Что ж, может так оно и лучше, — думалось мне, но руки сами собой сжимались в кулаки.

— По поводу нас, Лидия.

— Нет никаких нас и... — она хотела сказать «быть не может», но этим лишила бы себя пространства для манёвров. — Шон, я рада, что ты проявляешь знаки внимания, но давай не мешать работу с личной жизнью.

Сказала та, которая сама месяц назад утащила меня в постель, на утро была холодной как лёд, а после старательно делала вид, что ничего не было. И на самом деле она имела ввиду не это. Я не был настолько глуп, чтобы не уметь читать между строк.

— В гости зайдёшь?

— И что там будет? — подняла она бровь.

— Посидим, поболтаем. Как в баре, только тише и спокойней.

— Тебе ещё отчёт писать, — напомнила Лидия, но на самом деле слова значили «Я откажусь, но потому что ты не можешь, а не я».

— Отчёт подождёт.

— Шон, честно, ты вновь начнёшь жаловаться, как тебе тяжело.

Она скривилась, а я понимал, что вот это уже правда. Никакие дополнительные регуляторы пульса, адреналиновые стимуляторы и зашитые в теле ампулы с синтетическим кофеином не могли вернуть силу и энергию, когда я начинал думать о том, что мне предстоит сделать. Иногда казалось, что моя ноша просто неподъёмна. Я уже сделал больше, чем самые успешные люди за всю свою жизнь, и папе этого было мало.

— Не буду я жаловаться, но вообще ты не понимаешь...

Я замолчал. Пустота внутри засасывала слова, не давала им вырваться из сингулярности моего сознания.

— Говори давай, — с раздражением буркнула она.

Говорить или нет? Открыться? Вылезти из ракушки? Ай, хуже уже не будет.

— Иногда хочется поддержки, которой просто неоткуда получить.

— Так попросил папу нанять тебе мозгоправа, — вроде бы и обычным голосом произнесла Лидия. И вроде обычный такой совет, совершенно нормальный. Однако с горечью на душе приходилось признать, что поддержки я от неё не дождусь.

— Ай ну тебя. Ты слышала когда-нибудь...

Зрительный сопроцессор сигнализировал — я остановился.

...Запрос на синаптическую связь...

Нужно было срочно сообщить об этом Лидии, но по защищённым каналам. А она чего-то тормозила.

...Отказано...

Давай ещё раз!

...Соединение установлено...

«Вон там» — я подсветил место на крыше невысокого дома, одного из старых, что остался здесь от старого города.

«Тёмный?» — удивилась Лидия.

Ага, и что ему здесь надо?

Мы включили режим разговоров на отвлечённые темы, отточенных на курсах до состояния автопилота. Шли и разговаривали, совершенно не воспринимая слова друг-друга, а внимание наше было приковано к тёмному, силуэт которого мелькал, возникая и исчезая.

«Как думаешь, сколько таких тёмных у Ашуры?» — задался я вопросом.

«Не меньше сотни. Смотри, на каждом углу».

Год назад мне тоже так казалось. Казалось, что каждый из них — это свой тёмный, просто объединённый в сеть. Но сейчас я сомневался, ведь так быстро подкрасться ко мне у него не вышло бы, да и никто не видел никогда двух тёмных в одном месте одновременно. Я всё больше был убеждён, что это был некто, кто умел прорывать пространство и время.

— Я к тебе всё равно не пойду, — сообщила Лидия.

— Сама сможешь добраться домой?

— Вызову группу, пусть она его спугнёт, — пожала плечами Лидия.

Я почти нашёлся, чтобы отговорить, словить тёмного на живца, но не стал. Я слишком устал для того, чтобы хоть как-то отреагировать.

— Удачи, — буркнул я.

— Ага, спасибо, — махнула она рукой.

Я сидел за столом и глаза слипались. Лектор долго и нудно вещал, отчёт не писался, постоянно нужно было лазить в базу сверяться, ужин в глотку не лез, хотя есть очень сильно хотелось. Напряжение во всём теле не стихало, роились мысли, учёба не давалась.

— «Ага, спасибо», блять. Можно ведь было сказать «и тебе, Шон», «спокойной ночи, Шон», «удачно отучиться, Шон»...

И всё же какая же она была красивая: с белыми волосами, гибким и накаченным телом, мягкими губами. Тот вечер я долго ещё вспоминал, пусть она и была пьяной в стельку и почти ничего не соображала. Накинулась на меня, словно ураган, выдувая из головы все лишние мысли.

— Ладно, — я смахнул видео лектора, поставил на паузу подписку на учебные материалы и воткнул чип с данными.

Дерево с каталогами, вот та информация, которая мне нужна. Стоп, почему здесь вместо cIn128 вдруг cKn128?

Сердце забилось быстро и часто, испуг ошпарил тело, ладони намокли, руки затряслись.

Я выгрузил чип из системы, запустил заново. Да, путь из папок был сформирован правильно вплоть до последней, где нужно было достать данные из раздела Code Information 128, где обычно на серверах хранится код. А программа скопировала что? Багнулась?

Я открыл исходники, прошерстил. Среди скриптов рекурсивных обходов значилась константа. Нырнув внутрь я впал в уныние — в константе с именем C_IN_128 лежала строка cKn128. Опечатка...

Я попытался открыть cKn128 — зашифровано. Конечно, базы знаний всегда зашифрованы в отличие от кода.

Чувство потерянности и обессиленности накрыло меня окончательно. Сил даже злиться не осталось. В голове всё ещё крутился тот ворох задач, которые я должен был сделать, а я не мог.

«Не нужно унывать, стоит двигаться дальше. Неудачи случаются со всеми.»

«Как я мог так ошибиться? Это же детская ошибка! Я же тестировал после этого!»

«Мы потеряли Гримму ради этого. Ради чего?»

«Все мы прокляты Мелиссой на вечные страдания.»

«Никто не проклят, просто я накосячил. Снова.»

Я плюхнулся на кровать, поджимая под себя ноги и в сумятице так и не заметил, как задремал.

Туманный лес, привычный для меня.

Каждый раз, засыпая, я оказывался здесь, вот уже на протяжении двух месяцев. Станным было видеть каждый раз один и тот же сон, но я списывал всё на переутомление. Вторым вариантом был сбой в работе центрального когнитивного сопроцессора.

Я не шёл ни к мозгоправу, ни к нэтраннеру, ни к наладчику.

Деревья возвышались огромные, но подлесок был скуден. Лишь высокая трава там, где я лежал. За моей спиной была поляна в несколько сотен метров. За поляной я видел возвышающееся серое строение, похожее на сложенную из камня полуразрушенную башню. Сейчас, в вечернем солнечном свете, она казалась какой-то волшебной.

Повернувшись к поляне спиной, я пошёл вперёд.

В лесу царил полумрак. Иногда что-то поскрипывало и потрескивало. Босые ноги ступали на мягкий мох. Было немного прохладно, но ни холода, ни жажды я не ощущал. Как не ощущал и боли, если щипал себя. Хотя прикосновения все чувствовались очень реалистично. Впрочем я искал информацию об управляемом сне и нашёл что то, что я сейчас переживал, очень было на него похоже.

На мне были льняные штаны подпоясанные широким расшитым знаками поясом и белая льняная рубаха. Первое время было странно видеть свою кожу такой светлой, но спустя два месяца я даже привык. Волосы длинные, руки с отросшими ногтями. Ирви в прошлый раз обещала это исправить.

Я шёл довольно долго и вскоре услышал шум воды. Выйдя к чистой и быстротекущей реке я пошёл по течению. Деревья немного расступились, не желая взбираться на каменистое плато. Я всё шёл, пока не увидел на заветном камне сидящую девушку.

Чёрные как смоль её волосы были привычно растрёпаны, блеклые серебряные глаза с залёгшими под ними синяками смотрели на воду совершенно без эмоций. Кожа её была бледной, болезненная худоба портила фигуру. Она была в сером сарафане, подобрала голые ноги под себя и не шевелилась.

Завидев меня, она взглянула на меня.

Холодно, без улыбки.

— Садись.

Голос её был мягким, но в каждой нотке пробивалась усталость.

— Ты всё так же не выспалась? — удивился я и улыбнулся ей.

— Ты тоже, — кивнула она и достала острые длинные ножницы. — Присаживайся.

Я сел напротив неё.

— Спиной, — я развернулся. — Начнём с волос, — произнесла она на удивление спокойно.

— Ты больше на меня не злишься? — решил я на коварный вопрос.

— Наверное, и уже давно, — пожалала она плечами. — Это странно.

В первую встречу она кидалась на меня с кулаками и пыталась придушить. Я не

сопротивлялся, ведь все знают, как это во сне бывает, когда ты кулаком размахнулся, бьёшь, а удар выходит ну оочень слабый. Её руки ложились мне на шею, я почти не чувствовал её веса, даже не начинал задыхаться, а она бледнела ещё больше и падала на меня. Такая слабая и обессиленная. Мы оба были слабыми и обессиленными.

Я послушно уселся, глядя на бегущую воду. Девушка принялась орудовать ножницами. Острые лезвия щёлкали у меня за спиной в непосредственной близости от шеи.

— Я не умею стричь людей, — сообщила она мне. — Но нужно ведь за собой ухаживать немного.

— Это фраза, которую я тебе когда-то говорил.

— Она мне нравится. Что ещё остаётся?

— Во сне-то? Ничего, — пожал я плечами.

— Не шевелись, а то криво выйдет. Ты сегодня более уставший, чем был.

— Сил нет даже рассказывать.

Но я рассказал. Без эмоций, серо и скупое, пересказывая факты. Пересказ всё равно вышел длинным, хотя со вчерашней нашей встречи прошло не так мало времени. На этапе, когда я рассказывал про Лидию, она замерла — ножницы перестали щёлкать. Потом, в конце повествования, она ускорила, стряхивая с меня волосы.

— Кровь Гриммы на моих руках, а я облажался... — выдал я. — Вот что теперь делать?

Я повернулся к ней, она посмотрела на меня своими большими блеклыми глазами, пожалала плечами. Она неуверенно пошевелилась на камне, под села ближе и обняла меня.

Я замер, боясь пошевелиться. Она была словно дикая кошка, необузданная, свирепая и всегда холодная. Но сейчас в её взгляде я увидел что-то вроде сочувствия. И это был первый раз, когда она меня обняла.

— Иногда нельзя сделать ничего, и тогда всё, что остаётся, это смотреть, как мимо тебя течёт время, — прошептала она.

А я внезапно почувствовал то, чего мне так не хватало и мои глаза защипало.

Сон — проявление потаённых желаний, реализация тех эмоций, тех потребностей, которые не выходит реализовать в реальности. Я сейчас ощущал то, что перестал ощущать с шести лет, когда умерла моя мать — тепло.

Я обнял Ирви, ощущая, насколько худое и хрупкое у неё тело. Казалось, что если я обниму её хоть чуть-чуть сильнее, она сломается пополам, словно тростинка.

— Если бы не ты, я бы уже сошёл с ума, — проронил я и задумался. — А что, если я уже сошёл с ума?

— А это имеет какое-то значение?

«Умри! Сдохни! Ты должен умереть! Вы все должны!» — кричала она в первую нашу встречу. И спрашивать у неё, что изменилось — бесполезно. Она ведь всего лишь плод моего воображения.

— Ты права. Патология обязана мешать, а не помогать.

Солнце принялось садиться, мне скоро пора была уходить. Я понимал, что это странные правила этого места, но не мог их нарушить — каждый вечер до захода солнца я должен был опять вернуться на поле. Именно так я мог проснуться. Однажды я так не сделал и очнулся в больнице с диагностированной комой, пролежал я в коме неделю, хотя пропустил лишь один вечер, бродя по лесу за Ирви и пытаюсь с ней поговорить.

И всё же это сон, а в реальности у меня ещё очень много дел.

— А что же Лидия? Думаешь, она просто не покидает свою зону комфорта?

— Я такого не говорила, — смутилась Ирви. — По твоим словам она холодный и расчётливый соратник, готовый прикрывать спину.

— Ага, она хороший человек. Иногда мне кажется, что именно она мне и нужна, — проронил я.

Ирви выпустила меня из объятий, посмотрела колко.

— Ты... — начала она яро и будто бы не нашла в себе сил, вздыхая. — Тебе пора, ищи своё счастье, — она не опускала взгляда, но в глазах на мгновение вспыхнул огонь. — Я немного могу сделать, но так уж и быть помогу тебе. У тебя всё получится, Шон Йомсбур.

Я встал с камня, развернулся, собирался уходить.

— Шон, — окликнула меня Ирви. — У тебя майка грязная.

— Где? — удивился я, пытаюсь себя рассмотреть — не выходило.

— Иди в речке посмотри.

На лице её застыла хитрая усмешка. Она усмехнулась. Уставшая, тощая, с растрёпанными длинными волосами, в мятом сарафане. Всегда хмурая и кроме первой нашей встречи всегда безжизненная. Усмехнулась.

Я улыбнулся в ответ и наклонился перед ручьём: на рубашке на груди около самой шеи был вышит символ, который мне мерещился прошлым днём — раскрытый глаз с белёсым зрачком и алыми капиллярами в шестиграннике.

Пора просыпаться.

Глава 2. Миротворцы

Мои сенсоры вопили, но сделать я ничего не мог.

Приклад ударил мне в голову, всё завращалось. Без каких-либо колебаний меня заломали, перевернули на живот и руки стянули лентой.

— Где данные? — рявкнул голос.

В поле зрения попал человек. Он не скрывался: серое вытянутое лицо, морщины под глазами, седая бородка и короткие седые волосы. Он был поджар и крепок.

— Как вы...

«...пробрались сюда?».

Я захлопнул варежку.

Ответ был на виду: форма этого человека была иной. Это не были люди Ашуры. Это не были люди Виктории и естественно это не были мои люди. Элитные экзоскелеты без опознавательных знаков — Миротворцы. Что им здесь надо?

В общем-то данные, которые я выкрал.

Всё вокруг кружилось, я пытался прийти в себя, но геройствовать не собирался. У меня уже копился ряд вопросов к моему дорогому отцу и я обязательно собирался их задать.

— На столе щепка лежит.

— Второй, проверь! — скомандовал Седой.

— Нет ничего, — ответил второй.

— Как нет? — простонал я.

— Ты за кого нас держишь? — чей-то третий голос и удар под ребро.

Я скрутился, застонал, ощущая острую боль в подреберье и спазм по всем внутренностям.

— Ребят... — прохрипел я. — Всё же просто, есть камера. Вон в том углу, я бы показал, да нечем.

— Ёрничаєте, молодой человек, — нахмурился Седой. — Четвёртая?

Он единственный, чьё лицо я сейчас видел. Хоть с кровати не стянули и то ладно.

Сеть была заблокирована — один из них был нэтраннером с бэкдорами ко всем протоколам. Что ж ты возьмёшь с Миротворцев? У них всегда были развязаны руки и дана абсолютная власть.

— Что вам до каких-то там исходников «Роста»?

Пришла нотификация о несанкционированном доступе в систему безопасности — нэтраннер не терял времени.

— Молодой человек, не стройте из себя глупого, вам не идёт, — всё так же хмуро отозвался Седой.

— Данные с камеры за период с трёх до пяти ночи повреждены, — отчиталась Четвёртая. — Носитель с данными исчез. TotalMatch не обнаружил других изменений, кроме примятого ковра, но следы нельзя идентифицировать.

— Забирай след и пошли отсюда.

— Сэр...

Они перешли на зашифрованный синаптический канал.

Седой пару раз изменился в лице. На миг его лицо отражало удивление, а я ликовал — не с одним со мной херня творится. Я вспоминал слова Ирви о том, что у меня всё

получится, и как-то пока с реальностью это не соотносилось.

— Уходим.

— А меня развязать?

Но они собрались и ушли.

Я решил не шевелиться, подождал, пока система безопасности перезагрузится, и набрал Майклсона.

— Выручай, приятель, — буркнул я.

Бок всё ещё болел. Наверное ребро сломал.

— Что случилось?

— Всё при встрече. Мы налажали...

Я бы мог героически доползти до кухни, найти там нож, разрезать ленту и освободиться, но я остался лежать, решив, что раз уж день начался ужасно, то лучший способ будет вообще не вылезать с кровати. Тем более что до сих пор всё моё тело болело. Голова тоже болела, но не только лишь потому, что по ней вмазали прикладом.

— У-у, — стонал я от осознания всего случившегося.

Все три мегакорпорации враждуют уже больше сотни лет. Когда-то даже прогремело несколько войн на землях «воюющих стран», две из них очень крупные. Войны закончились — конфликты нет. Шпионаж, убийство, нападение, воровство данных — обычное для корпораций дело. Более того, Миротворцы поощряют, а не запрещают подобного рода действия. Не официально, конечно, но это прослеживается во всех межкорпоративных судебных процессах, где обычно вину нарушителя доказать не удавалось даже при имеющихся записях с камер и показаниях свидетелей. В прошлом году у нас из-под носа увели прототип чипа «Возмездие» и пришлось менять стратегию продаж, перезаключать сделки и поставки в так называемые «воюющие страны». В отместку мы сунулись и слили базу пользователей Ашуры, хоть и зашифрованную. Викторянцы при этом не стеснялись «уронили в архив» нашего финансового директора прямо на конференции, потому что он был ключевым в разработке стратегии захвата рынка «скинов внутренних интерьеров». Дико, однако когда ты добираться до позиции, с которой все действия выглядят не более чем ходы на шахматной доске и принимаешь эту реальность — всё становится на свои места.

При этом каждая магакорпорация гордится своими заказами от Миротворцев. Наш математик разработал для них новый протокол шифрования, отдав им и патент, и в итоге перейдя работать на Нейтральную Территорию. Ашура вроде как снабжают их оружием. Виктория хвастались, что сделали для Миротворцев новые модули синаптической связи. У них только самое лучшее, все их знают, все им доверяют. Они — залог равновесия в этом уравнении.

И всё же сейчас мы сделали что-то, чего делать было скорее всего нельзя.

А что сделали-то? Разработали план, как подпортить репутацию. Пошли, в надежде украсть необходимые данные. Украли, но потеряли человека. Оказалось, что украли совершенно не то.

А теперь оказывается, что украли что-то, в чём замешаны Миротворцы. Грязь, компромат? Я попытался вспомнить, что это были за данные и тут же пресёк попытку. Мгновение осознания длилось вечность — у меня в голове система двойной буферизации. Вдруг данные со щепки заэкшировались в ней?

Но нэтраннер Миротворцев ничего не заметила.

Потому что у меня старьё вместо оборудования, а вместо стандартов качества палёная

двойная буферизация с утечками памяти, купленная на чёрном рынке и поставленная мне Шарлоттой.

Звучит как утешение. И даже если так, в системе кэшировалась и графическая информация, и файл обмена там был и даже некоторые особенно сложные мысли складывались туда в виде энграмм. Очень вряд ли, что что-то выжило, особенно после сна.

Я на всякий случай остановил службу двойной буферизации, отключил обновления, отключил автоподкачку данных, связь с сетью и некоторые сторонние сервисы.

Щёлкнула дверь, в комнате появился Майклсон. Я его буравящий взгляд спиной чувствовал.

— А чего это ты связан, но не голый?

— Развязывай, умник.

Нужно срочно к отцу — отчитаться. А ещё я вчера отчёт не сделал. И к семинару не подготовился, который в пять будет, а нужно. И ещё...

Груз дел надавил на меня так, что силы резко из меня улетучились, как воздух из сдувающегося шарика.

Майклсон разрезал ленты, я сел, потирая запястья, взглянул на кучерявого вояку и сделался грустным.

— Мы всё проебали.

Я встал, хлопнул его по плечу.

Хотелось есть, но ничего не хотелось. Я, словно пьяный, добрался до холодильника, заливая в себя протеиновый коктейль. Куда же ехать, что делать вначале, что потом? Нужно было к Шарлотте заскочить. С другой стороны раз пришли за мной, значит скоро обо всём будет знать отец. А лучше, чтобы он узнал от меня, а не от Миротворцев.

Только какую же историю ему рассказать?

— Нужно в отдел, подкинешь?

Майклсон посмотрел на меня с опаской.

— Шон, суббота. Ты когда-нибудь отдыхаешь?

— Работа — моя жизнь, — соврал я. Не все знали, что я сын Альфри Йомсбура, далеко не все. Отношение ко мне было как к обычному вояке, которого должны были повесить и сместить самого Майклсона.

— Так хочешь на моё место? Не ври, Шон. От переработок можно и умом тронуться.

— Так ты меня подкинешь?

Он вздохнул и пожал плечами.

План, мне нужен план. Как я буду оправдываться? Ошибка в программе, которая перестала работать, но работала? Это детское оправдание. Так не бывает. Но я ведь тестировал! Лично сливал информацию с нашего корпоративного сервера. Или не было такого?

Тот день был как во сне — подёрнут серой дымкой.

Это тоже, наверное, диагноз, когда сон становится ярче реальности.

Офис не закрывался никогда. Особенно для отца, который проводил там совершенно всё свободное время. Ноги мои еле переставлялись, потому что одно дело идти просто на работу, другое — самолично решать конфликт, в котором ты накосячил.

Путь на восемьдесят седьмой этаж оказался бесконечным. Лифт останавливался, туда заходили люди, после останавливался снова, люди выходили, а сердце моё отбивало мелодию боевых барабанов.

— Господин Альфри Вас ожидает, — сообщила улыбочивая девушка — личный помощник моего отца.

— Ожидает? — вылетело у меня раньше, чем я успел сообразить.

План! Его всё ещё не было. Потому что на руках у меня была одна шваль, без козырей. Чем играть?

Как минимум я мог рассказать как есть. Рассказать то, кто мог потенциально выкрасть щепку с данными... Нет, проработав столько времени на контроле качества я зарёкся делать поспешные выводы. Естественно, что в голову приходит, что её выкрал один из тёмных, или Тёмный, если он всего один, но если Тёмный работает на Ашуру, значит и данные вернулись бы на родину, и никакого шума не было бы изначально. Какой-то из тёмных отбился от стада?

— Проходите, господин Альфри уведомил меня впустить Вас как только Вы появитесь, — подгоняла меня личный помощник.

Я неуверенно толкнул дверь, застав середину разговора.

На меня не обратили внимания, а я не стал перебивать или вмешиваться.

— ...в этом случае обязанность за протокол четыре ложится на вашу компанию, сэр, — уверенно заявил Седой моему отцу.

Отец спокойно стоял в стороне, глядя в окно и сложив руки на груди.

Протокол четыре — откат операции с возвратом всех потерь всех сторон. То, что мы потеряли Гримму, естественно, в официальных отчётах фигурировать не будет. Грязная сторона политики. Её вообще спишут так, будто бы Гриммы никогда не существовало. Если бы меня изрезал тёмный, меня списали бы так же.

— Это разумно, — произнёс Альфри Йомсбур. — Один вопрос: не окажете ли вы услугу рассказать, что это были за данные?

— Нет необходимости. Данные нарушают антимонопольное законодательство — точка, — холодно заявил Седой. — Кто будет исполнителем?

— Он уже здесь, — отозвался отец.

Седой уставился на меня.

— Давно не виделись, — улыбнулся я.

— Ёрничаете, молодой человек, — нахмурился поджарый старик. — С Вами будет работать Четвёртая, она ждёт у выхода из здания. Начинайте прямо сейчас.

— Но...

— Какие тут могут быть «но», Шон? — холодно заявил отец.

— Я хочу с вами поговорить, господин Альфри. Наедине.

Отец обратился к Седому:

— Мы закончили?

— Да, пожалуй. Мне нужен результат к концу завтрашнего дня.

Эффективный менеджер-чайка, блин.

Я дождался, пока он уйдёт и мы останемся вдвоём. Мы не так редко видимся наедине, да и отношения не такие тёплые. И вообще этот мир холоден и суров: в нём есть только обязанности и никаких прав — так что я на радушный разговор не рассчитывал, но он мой приёмный отец в конце-то концов.

— Отец, я бы...

— Операция, которая могла принести миллиарды, — перебил меня отец и сделал паузу. Эта пауза была не для того, чтобы я что-то сказал. Она была скорее для того, чтобы я

почувствовал себя ещё большим говном. — Погиб один из офицеров. А ты не догадался перепроверить написанную тобой программу?

— Я проверял, — хотя я сам не был ни в чём уверен.

— Не рассказывай сказки, Шон. Ты не в том возрасте, чтобы так жалко оправдываться. Если бы ты не забыл проверить программу, всё было бы совершенно иначе!

— Я. Проверял.

Отец повернулся ко мне. Суровое его лицо не отражало ни одной эмоции. Он лишь покачал головой. Груз накопившихся проблем и так действовал мне на нервы. Понятно, что нужно было искать эти чёртовы данные, но почему вместо поддержки нужно обязательно отчитать? Всегда так.

— А мог и не проверить, — согласился вдруг я. — А знаешь почему? Да потому что я загружен под завязку. Вот скажи, мне пропустить сегодня вечером семинар по оружейному делу? У меня же такая важная задача! — развёл я руками.

Отец изменился в лице.

— Если ты пропустишь семинар, то можешь дальше на моё место не рассчитывать, — в голосе послышался гнев.

— Я про это и говорю. То есть если меня вынудят пропустить семинар по объективным причинам, я лишусь места?

Альфри смягчился в лице. Однако это не означало, что он сейчас скажет что-то ободряющее. Я знал своего отца очень хорошо.

— Враг никогда не создаёт ситуации, в которых есть правильный и неправильный выбор, сын. Враг ходит конём, и выбор всегда невелик — или потерять пешку, или потерять королеву.

Я сжал зубы и зарычал.

Я так скоро в архив упаду от такой нагрузки!

В итоге я просто сел там, где стоял, прямо на ковролин, расстеленный здесь.

Отец никак не отреагировал, просто сел за свой стол. Как у него все волосы ещё чёрные? Или он их красит?

Не о том ты думаешь! К тебе приставили няньку, некую Четвёртую. Не было бы её, был бы в тысячу раз легче. От неё бы избавиться. А ещё попытаться достать данные из буфера, и если вдруг это удастся, это будет хотя бы какой-то поддержкой. А с тем, как переполошились Миротворцы, у них всё не очень хорошо с поиском. Слишком мало вводных, нет зацепок, но не был бы я наследником Йомсбур Инкорпорейтед, не умей я действовать в критической ситуации.

Я зевнул, чувствуя себя опустошённым уже в начале дня.

Я хотел опять к Ирви. Туда, в лес. Где меня никто не будет трогать. Где она скажет «У тебя всё получится», и я действительно в это буду верить. Туда, где есть хоть какая-то поддержка. Туда, хотя бы в грёбаный, бесполезный и бессмысленный сон, вымышленный мир, придуманный моим безумным и опустошённым сознанием.

— Я всё понял, — встал я, потирая лицо и прогоняя дрему. — Можно мне позвонить из этого кабинета?

Единственным, в чём я не сомневался, было разрешение от моего отца действовать любыми доступными мне способами.

Он кивнул.

У выхода меня ждала маленькая улыбчивая девушка в кожаной куртке и кожаных

шпанах с берцами на ногах. Один её висок был коротко острижен, там был разъем для быстрого подключения. Справа, со стороны уха и являясь продолжением ушной раковины торчала заострённая чёрная антенна.

— Вы Шон? — уточнила она, улыбаясь.

— Да, можно на ты. Тебя как зовут?

— Четвёртая, — всё так же мило улыбнулась она.

С такой же милой улыбкой она будет отрезать мне при необходимости пальцы — фаланга за фалангой.

Я вздохнул.

— Ну хорошо, Четвёртая, — она вытянулась по струнке. — Поехали.

— Куда?

— Для начала в кафе, мне нужно поесть. А после к знакомому подпольному криптоаналитику, вдруг наши данные уже через него проходили.

Ринжина, старая злая тётя Ри не будет в восторге, что я привёл ей Миротворца, но намного охотней окажет содействие. Везде есть плюсы.

С парковки центрального офиса Йомсбура я взял подержанную «победу» — колымага была старой, без автопилота, работала до сих пор на электричестве вместо магнума, но её можно было брать для рабочих поездок. Если это не рабочая поездка, то я тогда даже не знаю что.

Четвёртая с недоверием уселась со мной в машину.

— По моим каналам всё пусто. И есть ещё пару вещей, про которые ты должен знать, — стала она вводить в курс дела.

Она всё равно не казалась мне агрессивной тварью. Где-то на грани сознания я представлял, как она встречает меня с работы в фартуке, проводит на кухню с наготовленной едой, как мы растим наших детей. Её образ мешался с образом Ирви и Лидии и голова совсем шла кругом. Я зевнул, заводя мотор. Четвёртая продолжила:

— Данные, которые попали к вам, мне не удалось отследить. Единственное, что я знаю, что ты их пытался открыть. Не удивляйся, на них есть триггер в автозагрузке. Крайне важно знать, кто пытался получить доступ к данным, поэтому при попытке открытия... — Она посмотрела на меня. — Ну... В общем мы всё знаем.

— То есть если бы их попытались взломать, ты бы уже всё поняла?

— Не обязательно. Если твой знакомый достаточно умён, то он знает, что загружать щепку прямо в мозг — плохая идея. Нужен специальный ридэр, блокирующий автозагрузку, а дальше разбирать, что там есть. Ни одна программа не работает без процессора и не выполняется сама по себе.

— То есть я недостаточно умён?

Она смутилась, покраснела.

— Я этого не говорила, — буркнула она и сложила руки на груди.

Она по крайней мере была эмоциональна. Как жаль, что нам с ней придётся распрощаться.

Мы ехали по городу не спеша. Я то и дело смахивал надоедливые уведомления, всплывающие на сетчатке всякий раз, когда мы проезжали дешёвую забегаловку. Пару-тройку раз мой старый имплант дал сбой и вместо красивых залитых солнцем улиц я увидел истинную суть нашего города — затянутые смогом огромные массивы серых, мёртвых, убогих строений. Вот он наш новый центр. Таким будет и всё остальное.

— Это не всё, — опомнилась она, следя за маршрутом. — Мы верим, что ты не прятал запись, потому как у тебя нет записей в логах об отключении камеры.

— А теперь всё?

Я вспомнил, как они «шептались» по защищённым каналам о чём-то.

Она неуверенно кивнула.

— Наш главный подозреваемый — кто-то из Викторянцев, кто мог пронюхать о вашей операции.

— Какой операции? Это ж чистая случайность. Я допустил ошибку в алгоритме.

— А что если?.. Нет, бред какой-то.

— Ты уж говори.

— Да ну, ты ж человек не глупый, насколько я знаю. Сам понимаешь — ошибка есть ошибка.

Она окончательно смутилась, попыталась вжаться в кресло. Потом посмотрела на меня:

— Мне командир всегда говорил, что я слишком много болтаю. Что если это диверсия?

— Типа кто-то подменил программу? Даже не саму программу, а текст программы до того, как я её скомпилировал? Я написал её за один вечер, — напомнил я.

— Ну потому и бред. Но тогда это уже не чистая случайность.

— И тогда выходит, что меня подставили, — подыграл я.

Я всё равно считал, что тёмные просто сошли с ума и предали своего хозяина. А что если даже не так? Что если у Ашуры эти данные давно есть, но Ашура хочет поймать и меня, и весь Йомсбур в моём лице? Выглядит достаточно правдоподобно. И данные никуда не утекли, и Миротворцев натравили, и Викторию подставили.

Я оставил эту мысль при себе.

...Входящий вызов — неопределённый адрес...

— Извини, нужно ответить по закрытому каналу, это личное, — буркнул я.

— Хорошо, я не буду подслушивать, — кивнула Четвёртая, а сама, я был уверен, уже лезла ко мне через бэкдоры.

«Это касается данных, встретимся в восемь на углу восьмой и пятой», — голос мужской, глубокий, приятный.

...Разрыв соединения...

Я глянул на Червёртую. Та удивлённо глянула на меня. Я так и не понял, успела она что-то или нет, но на всякий случай решил ничего не говорить о странном сообщении.

— Всё, я поговорил, — сообщил я. — И мы приехали.

Заказал я себе того, что обычно и заказывал — синтетический бульон, второе — протеиновая каша, всё очень простенькое, как и само заведение. Четвёртая морщила нос, но заказала в итоге того же, что и я, хотя и съела всего по пару кусочков.

— Не будешь есть — не вырастешь, — заметил я.

Она показала язык, а после покраснела.

— Ой, это неприлично, мы на работе.

— А после работы хочешь ко мне на чай?

Я ляпнул, а сам подумал про Ирви и у себя в голове отметил, что я совсем с ума сошёл, что вдруг подумал, что у меня есть девушка.

— На палку чая? — хохотнула она без капли смущения. — Нет уж, откажусь.

Ну и славно.

— Пошли тогда.

Мы расплатились и поспешно сели в машину, выруливая на окраину, близ трущоб.

— Знаешь что, Шон, — вжавшись в кресло в задумчивости произнесла Четвёртая. —

Может быть, если эта история закончится хорошо, я бы хотела ещё с тобой пообедать.

— Замётано, — натянуто улыбнулся я.

Сам же я пока думал о другом. Если Миротворцы подозревают Викторянцев, может быть подкинуть Миротворцам причину их подозревать? Я как раз Квиллу из Викторянцев задолжал и долгу уже скоро три года будет. Вернуть бы ему, но не реальную инфу, а сыграть на информации и на моих условиях. Тогда, засуетись он правильным образом, я бы на него стрелки и перевёл, и всё, от меня бы отстали. Блин, но Четвёртая в голову ползет, снова будет подслушивать, а в офисе у отца такая мысль мне в голову не пришла. Как же с ней сложно?

И глядя на маленькую нэтраннершу мне становилось её жалко. Как мне от неё избавиться? Как отвязаться? Хотя бы на пять минут? Она же не отлипнет от меня, будет следить даже ночью, подключится ко всем моим системам и...

А ещё и этот семинар, да и отчёты сами себя не напишут. Я зевнул.

— Не высыпаешься?

— У меня много работы. Давай быстро наши дела порешаем.

Я остановился у горы с мусором. Через дорогу был дом с выбитыми окнами. На третьем этаже группа людей палила костёр. Из окна высунулся нарик, выблёвывая наружу всё, что он успел когда-либо съесть за свою жизнь, да так и остался висеть на перилах.

— Он умер? — удивлённо посмотрела на меня Четвёртая.

Я лишь пожал плечами:

— Пошли быстрее.

Мы вошли в серое здание, и тут же в конце коридора упёрлись в железную дверь. Я надавил звонок:

— Кого там черти носят? — голос женский, но с хрипотцой.

— Ринжина, это я, со мной гостья и не заставляй меня её представлять. Лучше сразу открой, — буркнул я.

Тишина, длинная пауза и звук отпираемой двери.

Я пустил вперёд Четвёртую, пошёл следом сам.

Это была шахта баллистических ракет когда-то пятьдесят лет назад. Сейчас естественно давно заброшенная. Глубина больше двух сотен метров. Из освещения лишь светодиоды встречаемые иногда, чтобы хоть как-то осветить лестницу. Спускались мы долго, минут десять. Назад подниматься будет ещё веселее. Уже пять минут назад связь перестала ловить.

— Не шевелись, — скомандовал я, достав пистолет и взведя курок.

Звук взводимого курка в тихом едва освещённом месте был слышен очень хорошо.

Четвёртая дёрнулась от испуга и медленно подняла руки.

— Моё отсутствие обнаружат очень скоро и не только у тебя, но и у всего Йомсбура будут огромные проблемы. Но мне казалось ты умнее, — голос её дрожал.

— А я и умнее. Но если надо, то вышибу тебе мозги. А теперь отвечай, чего я ещё не знаю?

— С чего ты решил?..

— За идиота меня не держи! — крикнул я ей и упёрся стволом в затылок для пущей убедительности.

Она задрожала всем телом.

— Это секретные данные...

— Они повредят делу? Вряд ли. Они разоблачат секреты Миротворцев? Тоже вряд ли. Они нарушат баланс? Может быть. Но тебе не кажется, что Миротворцы прям всё подряд делают секретным? А ещё я считаю тебя достаточно умной для того, чтобы сохранить нашу маленькую беседу в тайне.

— Мои записи проверяют. Я пишу всё. Ты не понимаешь...

— Четвёртая!

Она построилась по стойке смирно.

— Хорошо, не убивай, п-пожалуйста. Я сделаю луп, это не сложно.

— Выдыхай, — более мягко бросил я.

У меня у самого руки дрожали. Одно дело устраивать спецоперации. Совсем другое — угрожать безоружному человеку. Но отец не зря меня учил, что зоны комфорта для людей его уровня просто не существует.

— А теперь говори, — приказал я.

— Сп... Спрячь оружие, пожалуйста.

Я спрятал, пошёл вперёд.

— У любого взломщика будет след, — сообщила она и остановилась в повествовании.

— Логи? — удивился я.

— Нет, не логи. Это не файл на файловой системе. Вернее он на файловой системе, но без дескриптора, он в теневой области. Его можно вытянуть специальным оборудованием. Нейросетевой tcp/ip пишет туда любые действия. Даже не так. Такой файл есть на всех уровнях стека протоколов, но не на всех и не всегда всё пишется.

— Я смотрел код протокола — нет там ничего.

— Это на уровне драйвера, в прошивках оборудования. Подожди, это не всё. Твою камеру взломали, побиты данные с трёх ночи до пяти утра. Но никаких следов взлома нет.

— И это значит?..

Она молчала, просто молча шла вперёд, видимо соображая.

— Ну очевидно же. Камеру потёр один из ваших, — не выдержал я.

— Не очевидно и ничего не значит, — в голосе звучало сомнение. — Вообще не значит. Трейсы есть, но не за этот период, — она резко повернулась ко мне с безумным взглядом. — Пойми, файл не имеет дескриптора и внутри у него крайне сложная структура, чтобы жаться, шифроваться и не выдать себя при статистическом анализе оборудования. Его нельзя «подтереть», его можно только побить целиком, когда он просто перестанет писать, хотя и это сделать сложно — там избыточное кодирование. Шон, взломать камеру и не наследить попросту невозможно.

— Но это случилось. Значит возможно, — пожал плечами я. — Пошли, недолго осталось. И помалкивай, говорить буду я.

Мы подошли к двери, я её толкнул, оказавшись в таком же тёмном помещении.

Ринжина крутанулась в кресле, оголяя белоснежные зубы на тёмном лице и взмахнула рукой.

Удар.

Приближающийся пол.

Женский вскрик.

Темнота.

Трава казалась жёстче, чем я ощущал её в прошлый раз. В этом месте постоянно,

сколько я здесь был, царило лето, но не знойное. Всегда хорошая погода. Всегда чистое небо.

Я встал и не теряя времени пошёл искать Ирви. Прошёлся по привычному лесу с реденьким подлеском. Вдоль журчащей реки к камням. Она ждала меня.

Тонкая, с тёмными волосами, совершенно неопрятными. Она смотрела своими безжизненными глазами на воду, перевела взгляд на меня, краешки её губ дрогнули.

— Ты приходишь сюда раз за разом, — заметила она, показывая мне рукой на камень.

— Тоже могу сказать про тебя, Ирви.

— Я не Ирви, — бросила она в пустоту. — Но можешь продолжать меня так называть.

Кто такая Ирви?

— Так звали в детстве мою кошку. Она умерла, когда я был маленьким. Через год после матери.

Я уселся на камне, бережно приобнял Ирви. Она убрала мою руку, отодвинулась, а после легла на колени и достала ножницы.

— Давай сюда руки.

Я послушно дал и она лёжа у меня на коленях обрезала мне ногти. Я, затаив дыхание, следил за этим.

— Чего молчишь?

— Хочешь слушать моё нытьё? — удивился я.

— Раньше слушала, — пожала она плечами, обстригая последний ноготь и складывая ножницы в полы своего сарафана.

Я вздохнул и принялся пересказывать, перескакивая с одного на другое.

— И эта Четвёртая за мной увязалась так, что теперь не могу от неё избавиться, — хмурился я.

— А просто убить её и оставить там внизу не выйдет?

— Её хватятся через пару часов. Мне нужно больше времени. А с чего такая кровожадность?

— Она тебя гулять пригласила. Я тебе скоро перестану быть нужна, — надулась Ирви, а после опомнилась: — Но если ты выберешь её, я не буду против и пожелаю вам счастья, только про меня не забывай.

Её исхудавшее лицо не смотря на истощение всё равно было привлекательным. Да и появилась Ирви в тот момент, когда мне больше всего нужна была поддержка. Мог ли я ей доверять при этом? Конечно — это ведь, считай, отражение меня.

— То есть меня ревнует к девушке мой же сон? — улыбнулся я.

— Я не сон. Я настоящая. Я — это я, отдельная от тебя.

Впервые мы заговорили о подобном.

— Ну а как это доказать? Любой образ в моём сне может на словах сказать, что он не сон. Так жаль, конечно, что ты просто сон. Я бы с тобой тут и остался, вот сидел бы так...

Я провёл рукой по её засаленным волосам, она улыбнулась.

— Нет, нужно соблюдать правила, — строго заявила она.

— Раньше ты мне такого не говорила. Однажды я из-за тебя даже заблудился.

— То было тогда, а это сейчас, — развела она руками. — А что было раньше... — она замерла, будто в осознании. — Не должно иметь значения, что было раньше. Но на самом деле имеет.

Её глаза сделались стеклянными.

— Мне моё я подсказывает идти вперёд не глядя на ошибки?

— Я не твоё «Я». Я — это я. Та, которая приходит и садится на один и тот же камень уже, кажется, вечность. И смотрит, как бесконечно долго течёт время. И у меня есть мои мысли и мои мечты.

— И какие же мечты есть у такой отдельной тебя?

— Убить вас всех, — вздохнула Ирви. Скрытая агрессия? — Но этим мечтам не суждено сбыться, потому что вроде как мне не хочется, чтобы ты умирал. Ты должен соблюдать правила, потому что я за тебя переживаю. Иначе мы никогда больше не встретимся.

— Честно, пробуждаться после удара прикладом в голову мне не хочется. А тебя ещё причесать нужно, хоть и нечем.

— Я дам тебе в следующий раз расчёску, только ты приходи, хорошо?

— Приду завтра в то же время, — улыбнулся я. — Обещаю.

— Не обещай того, чего не исполнишь, — надулась Ирви и отвернулась, подложив тонкие худые руки под голову.

— Чего это не выполняю?

— Да потому, что тебя иногда по пару дней нет. А я каждый день прихожу и сижу на этом самом месте. Жду тебя.

Сон утверждает, что скучает и живёт отдельно от меня. Очень смешно.

— Почему ты улыбаешься? Вообще-то ты встревожил мой покой, теперь ты обязан... Нет, ты ничем не обязан мне. Ты... Напоминаешь мне моего мужа...

— Ты его любила? — едва нашёлся я.

— Очень и очень сильно, сильнее всего на свете. Он был смелым, отважным, сильным и очень добрым. Несгибаемым. Возвращайся ко мне и я дам тебе расчесать мои волосы, буду сидеть рядом и слушать твоё нытьё. А сейчас уходи, тебе пора.

— Не хочу, там только боль и страдания.

— Я...

Она села, посмотрела на меня большими бледными глазами, на лице был нездоровый румянец.

— Я хочу сделать тебе подарок. Я отберу твою боль. Иди, но обязательно возвращайся. Прошу тебя, возвращайся, а то я с ума сойду от вечного ожидания.

— Хорошо, обещаю, что обязательно вернусь.

Я улыбнулся ей, а она обняла меня напоследок. Такая непутёвая и хрупкая, но она была той единственной странной особенностью, которая всё ещё удерживала меня в мире живых, заставляя продолжать бороться, ведь вне зависимости от того, что произошло, в конце каждого дня, а иногда и не в конце, я усну и вновь увижу её.

Глава 3. План «капкан»

Обычно, когда открываешь глаза после удара прикладом или после удара головой о стену, воспринимается это как после конкретной такой попойки: голова раскалывается, тошнит, свет режет глаза, звук приносит боль, всё вокруг кружится, а зрение не может сфокусироваться. И так ещё несколько дней.

Я пришёл в себя и какое-то время не совершал никаких движений — боли не было. Она обязана была быть. Хотя бы та, от шишки, что мне оставили утром. Или от порезов после встречи с Тёмным. Хоть порезы и затянулись, но нервные окончания всё равно какое-то время были воспалены и должны были посылать сигналы.

Никакой боли не было — Ирви её забрала.

Она первая и единственная, кто что-то для меня сделал по своей воле не желая получить ничего взамен.

Или я окончательно сошёл с ума.

Я повертел головой, будучи привязанным к стулу — головокружения тоже нет.

Помещение с приглушённым светом, экраны старинных мониторов, старинные манипуляторы вроде механических клавиатур и оптических мышей, гудящие серверные стойки. На сколько марок здесь было оборудования?

— Шустро ты очнулся, я смотрю, — голос Ринжины звучал дерзко.

— Привет, Ринжина. Я тут к тебе по делу, вообще-то, а ты меня так...

— Пф, — фыркнула она. — Кто-то забыл как «дело» в прошлый раз закончилось.

Серверная в огне, группа захвата, четыре трупа, спасённая часть информации, много криков.

— Что-то не припомню, — улыбнулся я в ответ.

Напротив меня была Четвёртая, так же как и я привязанная к стулу с опущенной на грудь головой. Она как раз придёт в себя не сразу и не так просто.

— Ой, я уверена, что помнишь. Такое не забывается. Что, пришёл вернуть долг?

— Вернул уже, с процентами, — буркнул я. — У меня к тебе дело есть.

— С места в карьер?

Её тёмная лоснящаяся кожа бликовала в свете аппаратуры, кучерявые волосы падали на лоб и глаза. Её услугами пользовались все. Так или иначе. Наш математик-криптограф, перебравшийся к Миротворцам, был у неё в подчинении какое-то время. Многие называли Ринжину гением, я же гения в ней не наблюдал. Просто целеустремлённый человек, асексик, прагматик и лишённый другой радости в жизни, кроме игры с цифрами. Она в прямом смысле тратила всё своё свободное время на разработку алгоритмов и работу в области вычислительной математики и криптографии. Большинство патентов нашего времени были так или иначе её, хоть и у неё купленные за большие деньги. При этом она никогда не хотела быть чьей-то, оставаясь в стороне.

— С места в карьер, как ты любишь, — попытался улыбнуться я. — Мне нужно, чтобы если к тебе попадёт запись с файлом cKn128 зашифрованный странным алгоритмом, ты бы не вскрывала его, а сообщила напрямую мне.

Она посмотрела на меня и рассмеялась прямо в лицо. Я заметил в тени двух мордovorотов. Раньше у Ринжины охраны не было, а сейчас вдруг появилась. Видимс прошлая встреча не прошла незамеченной.

— Если уж этот файл и попадёт ко мне, то явно я его не из спортивного интереса ломать полезу. С чего мне тебе что-то сообщать? Йомсбур платит? То-то же, я знаю, что не платит. А заплатит. Когда Альфри узнает, кто у меня в заложниках.

— Ты хочешь навлечь на себя гнев корпорации? — удивился я.

— Мелко мыслишь. У вас денег — тонны. Это не выкуп, это скорее освобождение от больничного. Что такое восемьдесят тысяч марок для вас? Пустой звук. У ваших менеджеров наручные часы — старьё ебаное — и то дороже стоит. У тебя я уверена внутри имплантов на миллион.

— Ошибаешься, — ухмыльнулся я и даже взгрустнул. — Насчёт меня. Не насчёт корпоратских денег. Но план, если честно, так себе.

Я не верил, что отец сильно хватился бы моего отсутствия. Дождался бы, пока Ринжина меня выпустит, ещё и по шапке сверху надавал бы, что сунулся к ней.

— Всё выгорит, вот увидишь. Для вас сумма — пустяк. А мне — недостающий узел с МЗ процессорами с поддержкой квантовых вычислителей. У меня три вычислителя, а МЗ станции нет — дорого. Где я тебе восемьдесят тысяч сейчас достану?

— А если я предложу?

— Ты? Мне? Не смейся, — фыркнула она. — Ты нищеврод ещё тот.

— Когда стану главой Йомсбур Инкорпорейтед — по-другому заговоришь, — стиснул зубы я.

— А станешь ли? Твой старик только обещаниями разбрасываться умеет. Заимел себе бесплатного и очень ответственного сотрудника. Но ты-то ладно, тебя продать можно. А вот девчонку твою придётся просто грохнуть. Мальчики?

— Погоди-погоди. Пока ты не совершила самую большую ошибку в твоей жизни. Давай ты просто согласишься на мою просьбу и отпустишь нас, идёт?

— С какой-такой радости?

— Она из Миротворцев.

Пауза. Козырь разыгран идеально. Нет ничего хуже, чем рассыпающийся в дребезги уже оформленный и продуманный план. Восемьдесят тысяч, уплывающих от тебя и маячащие люди в масках с топовым оборудованием, от которых ты не скроешься даже в «воюющих странах».

— Блять, — выплюнула Ринжина, замирая и глядя своими тёмными глазами на меня. Её круглое темнокожее лицо больше не выражало радость. Она поджала губы, наливаясь яростью. — Ну и с-сука же ты, Шон. Нахуя ты припёр сюда Миротворца?

— Она и так бы к тебе завалилась бы. И помягче в выражениях, она всё пишет даже без сознания.

— Освободите её.

— А меня?

— А ты сиди пока, помучайся. Голова не болит? Странно, должна болеть. Мальчики, сделайте так, чтоб болела.

— Не советую. Я нанят Миротворцами и временно считаюсь одним из них, — блефовал я.

Правильно разыгранный козырь помог блефу казаться очень правдивым.

— А-ааа! — закричала Ринжина, размахивая руками. — Ну что за жопа?

Я включил автопилот, а сам принялся ломиться по защищённому протоколу. Автопилот контролировал моё тело и рассказывал очень важную информацию, потому как если бы я

сейчас замолчал, Четвёртая пересматривая записи явно что-нибудь бы да заподозрила.

...Затребована авторизация...

...Ошибка асимметричного шифрования...

...Соединение заблокировано...

Ох тётя Ри, не доверяет.

Я всё разговаривал, напрягая сопроцессор и разгружая сознание. Ринжина делала тоже самое, настраивая соединение.

Я повторно запросил соединение, на этот раз указал специфический древний протокол шифрования и передал приватный R73 сертификат.

...Соединение установлено...

«Что там, Миротворец наш?» — в голосе сквозила обида.

«Мне понадобится твоя помощь, не сейчас, но понадобится. В следующий раз выруби только её. Сколько бы не стоило, я всё заплачу»

«С какого ляда?.. Ай, блять, хуже не будет. Идёт».

Я готовил почву. Понадобится помощь её или нет, я не знал.

— ...вот такая вот история, поэтому будь предельно осторожной с этой щепкой, — закончил мой автопилот.

— Я пробую по своим каналам связи, может она упала какому другому криптоаналитику. Мне не падала — клянусь. А теперь забирай свою девку и пиздуй отсюда, я свяжусь если что-то найду.

Да, с Ринжиной всегда разговор короткий.

Четвёртую развязали, я попытался привести её в себя, но у меня не вышло. Тогда я закинул миниатюрную и лёгкую девушку себе на плечо и пошёл вверх по бесконечным ступеням...

— ...Что произошло, где я, — простонала Четвёртая. — Ой, я...

Я, сидящий за рулём и приходящий в себя после долгого подъёма, выскочил из машины, которую только-только завёл и открыл ей дверь. Четвёртая высунулась и её тут же вырвало. Она вытерла рот рукой, посмотрела на меня. Я протянул ей воду.

— Плохо?

— Вертолёты, слабость, но бывало хуже.

— Иди вперёд сядь, меньше укачивать будет. Льда нет, но шишка небольшая.

— А ты чего такой живчик? Тебя же тоже вроде били? — нахмурилась она, пытаясь сфокусировать взгляд.

— Мне Ирви помогла, — пожал плечами я. Пусть знают, что я сумасшедший. — Девушка, которая мне снится.

Четвёртая удивилась, не поняв, шутка это или нет.

— Повторяющийся сон признак нейроистощения — нужно ставить тротлинг и прошивку пересматривать на момент утечек памяти. Давай я, ой... — она сдержала рвотный позыв. — Не сейчас, дай мне время.

— Не нужно мне в голову лезть, окей? — нахмурился я.

Мало ли, ещё из буфера информацию извлечёт.

— На сегодня всё? — спросил я. — Куда тебя подвести?

— Середина дня, — она взглянула на часы. — Ещё можно по местам моих дознавателей проехаться. Или просто подождать, вдруг кто позвонит.

— Четвёртая, — она сидя вытянулась в струну. — У меня ещё дел выше крыши, давай ты

всё же от меня отстанешь и дашь мне позаниматься своими делами. Мы закинули удочку, будем ждать. Что мы ещё можем сделать?

Она посмотрела на меня своим расфокусированным взглядом.

— Давай прекращать этот танец, — нахмурилась она. — Ты же понимаешь, что мне нужно за тобой следить.

— Ну так и следи!

А раз она будет следить, то явно и встреча меня с неким незнакомцем, который знает про данные не пройдёт незамеченной. А тут и прятаться не нужно, она ж всё же не школьница, а опытный военный нэтраннер — поможет. Только вот разговор я утаил.

— О, чёрт! — разыграл я забывчивость.

— Что такое? — засуетилась она.

— Есть ещё одна зацепка. Ты давай пока сделай то, как обещала, — намекнул я на луп не называя его, чтоб не светиться, — а нам нужно ещё дальше за город, я знаю одно место.

Мы ехали пустырями, пару раз объезжали заваленные обломками улицы, где проехать уже было невозможно. Вскоре мы выбрались на старую трассу, по сторонам от которой тянулась сколько мог откинуть взор пустыня. Там, через пару десятков километров, должна была быть лачуга, которую я давно присмотрел в один из дней, которые должен был провести в подростковое время с отцом, а провёл один. Потом впоследствии я туда не раз водил всяких девах, чтоб отец не знал. Место было особенно тем, что здесь не было покрытия дронами, потому что старую вайфай вышку никто так за двадцать пять лет не отремонтировал.

— Так и что это за зацепка?

— Тебя уже не мутит? Сможешь ко мне в голову залезть? Найди там звонок с неизвестного номера сегодня между двенадцатью и часом.

Она изобразила удивление на лице.

— Когда тебе по личным вопросам звонили? Ты тогда как-то очень быстро поговорил.

— А ты всё равно пыталась подслушать.

— У меня работа такая, — покраснела девушка, вжимаясь в кресло. — Ты мне не доверяешь?

— Подосланному нэтраннеру от Миротворцев, которые сегодня уложили меня мордой в матрас? — Шишка не болела, её вообще не было. — Мне действительно нужно отвечать на этот вопрос, или он риторический?

Она смутилась ещё больше.

— Я пытаюсь помочь. Я стараюсь, Шон. Я тут далеко не только ради того, чтобы следить за тобой, мне это самой не нравится, но протокол есть протокол. А что изменилось?

— Ты мне раскрыла секрет, хоть и под дулом пистолета. А ещё ты мне симпатична, — пожал я плечами, вспоминая слова Ирви про «желаю вам счастья». Я вспомнил, как она лежала у меня на коленях. Так реалистично, будто это действительно было. Мне сделалось грустно, пустоту нечем было заполнить. Ох, Шон, если ты хочешь заполнить пустоту сучкой из Миротворцев — ты допускаешь большую ошибку.

Но Четвёртая сидела смущённой.

— Я буду тебе помогать, обещаю, — улыбнулась она.

Ох, теперь всё становится ещё сложнее. Хотя...

— Четвёртая, — она вытянулась, — у нас одна цель — вернуть данные. У меня есть вероятность, что вор сам вышел на связь. Он хочет встречи, мы ему можем её обеспечить, но

на наших условиях.

— Кто он? — похлопала она глазами.

— А вот это ты мне скажешь, когда приедем.

Мы ехали недолго. Вскоре свернули в заброшенный трейлерный парк и я, сориентировавшись, пригласил её в один из вагончиков. Завёл генератор магнума, засветил все лампы, разложил старый компьютер, написал своим, обещая тройной оклад и премии сверху. Пока ничего конкретного, просто чтоб были на связи.

— Что делать? — спросил я у Четвёртой.

— Вмешательство немного неприятное, лучше лечь.

— Хорошо, — я плюхнулся на матрас. — Ключи доступа давать?

— У меня всё есть, — выдала Четвёртая и смутилась. — Начинаю.

Времени это заняло больше, чем я ожидал. Уже мне пришли нотификации от всех членов моего отряда, а Четвёртая всё что-то возилась.

— Ты уверен, что с двенадцати до часу?

— Ну да, мы ехали обедать. Точного времени не скажу. Ну как там что?

— Ничего...

— Нет в базе такого номера? Можно, наверное, по голосу отследить, — предложил я.

— Нет записи. Нет звонка. Нет ничего.

Она села рядом, скидывая куртку и тяжело вздыхая. Она взглянула на меня и подавила приступ рвоты.

— Хорошо... — протянул я, пытаюсь вспомнить. — «Это касается данных, встретимся в восемь на углу»... как же там было? «восьмой и пятой». Вот и всё сообщение. Разберёмся с этим делом, а дальше можно будет и пожрать сходить, — размечтался я и тут же вспомнил слова Седого: — И результат им, сука, нужен завтра! А мне сегодня ещё на семинар идти и отчёты ебучие неписанные, а ещё нужен сильный парень в отдел разведки вместо Гриммы и нужно его прособеседовать. А ещё...

Я зевнул.

— Не кажется ли, что многовато? — подняла одну аккуратную чёрную бровь Четвёртая.

Я же понял, что принялся засыпать, нужно срочно было шевелиться, поэтому я дёрнулся, но не смог подняться.

— Я сейчас сдохну... — простонал я.

Спиной я лежал на кровати, ноги валялись на полу. Из этого положения я создал конференцию на всех: Лидию, Майклсона, Вирра и Четвёртую, — поставив в фоне мозгодробительный металл, под который я всё равно мог заснуть.

— Ребят, — перекрикивая музыку, бросил я в конференцию. — Задача срочная, в восемь сегодня организовать засаду.

— Кто эта баба с нами? — Лидия как обычно не разменивалась на любезности.

— Зовите меня Четвёртой, я буду вашим нэтраннером.

— Хуюшки, место занято, — буркнула Лидия.

— Она суппорт от Миротворцев, — пояснил я. — Лидия, чуть больше субординации.

— Выходной вообще-то, это ты мне должен, а не я тебе, — возмутилась Лидия.

— У меня у дочки завтра день рождения вообще, — раздражённо добавил Майклсон.

— Дело на полчаса, плачу как за целый день по тройной ставке. Вирр?

— А я чё? А мне по-охуй!

Вирр клацал в какой-то игрушке мышью: доносились лишние звуки стрельбы и

матерщина.

Четвёртая плюхнулась на матрас рядом, смущая меня таким неформальным поведением.

— Итак, вы в курсе что мы столкнулись с тёмными.

— В рот их ебать.

— Спасибо Вирр. Именно так. Потом мы столкнулись с ними с Лидией, пока по городу гуляли.

— Странно, — выдала вслух Четвёртая. — Тёмные на контракте у Ашуры, они вне подозрений. Им не за чем воровать данные, если нам о пропаже сообщила сама же Ашура.

— Спятивший Тёмный, или несколько? — удивился Майклсон. — Умеешь ты, Шон, находить странности по всему городу. И что теперь? Вернём свою щепку? Но у которого тёмного она?

— Постой пожалуйста, MisterAwesome123, - попросила Четвёртая. Она в конференции была просто под ником 4. — Слишком много выводов, основанных ни на чём. У нас есть сведения, что в восемь часов некто, кто имеет отношение к данным, будет на пересечение восьмой и пятой. Не больше.

— И мы, — включился я, — предполагаем, что это один из тёмных, и что у него наша щепка, и подбираемся к вопросу Майклсона, который попытался сэкономить нам время. Спасибо Четвёртая.

Я видел, как она краснеет.

Я же озвучил вопрос:

— Итак: у которого тёмного она? Скорее всего у того, который объявится.

— И что, ты станешь посреди перекрёстка и будешь руками махать? — буркнула Лидия.

— Лидия, что я говорил?

— Не критикуй, а предлагай варианты, — надулась девушка, но вовремя вспомнила, кто у них лидер. Между прочим не я, а Майклсон, но формально всё же я.

— Ну так и предложу. Я уже посмотрела всю инфу, сделаем всё быстро и чётко...

Это место нельзя было назвать кафе. Больше подходило слово «забегаловка». Забежал, поел, потом если повезло, то побежал дальше. А если не повезло, забежал ещё несколько раз и избавился от съеденного. Приглушённый свет ввиду отсутствия нужного количества работающих ламп, хамоватый обслуживающий персонал, универсальный синтезатор химического дерьма вместо повара — высокие технологии в условиях капитализма.

— Как было бы здорово, если бы мы сейчас нашли щепку с данными и Миротворцы бы от тебя отстали, — с опаской глядя на синтетическое крахмальное нечто, напоминающее картошку и прислушиваясь к своему организму проронила Четвёртая.

— Эх, будет всего на одну проблему меньше.

«Вирр, ты точно справишься?»

«Твой скин — кусок говнища, но лучше уж так, чем никак. На семинаре видно не будет».

«Запомни, это не Авантия, там нет партизан, там просто тупой препод, ничего не понимающий в настоящей войне».

«Будет сложно его не убить, но я справлюсь».

«Спасибо, Вирр, ты делаешь очень важное дело, я твой должник».

Я всех должник.

Я потёр глаза руками, хватаясь за голову. Волосы короткие, ёжиком, но немного

отросли и принялись загибаться барашками. А во сне длинные и прямые.

— У нас всегда много проблем — это проклятие Мелиссы, — заявила Четвёртая с таким лицом, что у меня газировка носом пошла.

— Ты серьёзно веришь в эти сказки?

— Это не сказки, это история.

— Это не история, это легенды, придуманные корпоратами, чтобы убедить трущобы, что они так страдают не зря.

— А ты хоть её знаешь, эту легенду, чтоб судить? — нахмурилась Четвёртая и отставила картошку.

— О том, что когда-то была страшная и злобная Мелисса Нотре, которая мучила всех и убивала, ела детей на завтрак и принимала ванны из крови девственниц, а потом могучие предки Йомсбура, Виктории и Ашуры собрались и одолели великое зло и стали жить в мире? Ну звучит как откровенный малобюджетный бред, на маркетологов всегда у нас денег нет.

— Всё не так было, — всё ещё нахмуренная произнесла Четвёртая, не собираясь сдаваться. — Мелисса собиралась сжечь этот мир, и это было действительно давно, больше тысячи лет назад, но учёные по крупицам восстанавливали сведения и говорят, что это правда. Это было на самом деле.

— Это те же учёные, которые объясняли, почему прострелить череп корпорату — смертная казнь, а обычному парню с улицы — самооборона? Извини, но ты как-то такую тему задеваешь болезненную...

— Я знаю, что ты из трущоб, — смутилась Четвёртая. — Имеешь право злиться на систему. Ты потому так хочешь место главы?

— И поэтому тоже, — буркнул я. — Стараюсь не забывать, как живут обычные люди. Ты мне лучше скажи, ваши учёные там могут сказать, где мне прийти и посмотреть на труп Мелиссы Нотре, раз она такая прям вся из себя историческая, а не легендарная?

Четвёртая помотала головой.

— Говорят, что где-то в Туирских горах, туда паломники ходят. Но они просто к горам ходят. А где именно гробница — никто не знает, а горы большие и изучены нами пока на два процента.

— Мы создали бога и посадили его под дерево, но потом мы посмотрели под деревом, и там его не оказалось. Тогда мы пересадили его на вершину горы. Когда мы взобрались на вершину горы, его не оказалось и там. Тогда мы отправили бога в космос и теперь ищем его там.

— Она уже мертва, — напомнила мне Четвёртая, — но прокляла нас всех.

— А мне кажется мы сами себя прокляли, а значит сами и должны разбираться.

Она смущённо пододвинула картошку и принялась её жевать, поглядывая на меня.

— Что, расхотелось со мной обедать?

Она завертела головой.

— Ты... — она залилась краской. — Давай с делами вначале разберёмся, а то отвлекаешь.

— Как тебя зовут?

— Давай потом, ладно?

Я пожал плечами, выходя из здания.

Мелисса Нотре — тёмная владычица, создательница вся человечества, кровожадная и властная, и трое храбрецов, носивших по стечению обстоятельств имена корпораций. Как

люди вообще ведутся на подобный бред?

Объект под кодовым именем «капкан», высотное здание в пятьдесят этажей. Вертолётной площадки нет, крюк зацепить не за что, с соседнего здания фасад прослеживается, а комнаты расположены по одному единственному узкому коридору — один вход и ровно один выход. Если уж ты добрался до комнаты, выйти из неё можешь только тем же путём.

Майклсон стоял у окна с автоматом и смотрел на часы.

— Где там твой друг? Мне ещё за тортом ехать.

В углу был развёрнут автоматический пулемёт, который стрелял во всех по белому списку. То есть не стрелял только в меня, Майклсона и Четвёртую. Последняя разместилась на табуретке, положив руки на колени и нервно покусывала губу.

— На камерах чисто, в сети никого, Миротворцы об операции знают, — тихо шепнула она. — Шон, ты уверен, что тебе звонили?

И теперь, когда я вспоминаю тот звонок, воспоминание словно подёрнуто дымкой. Это всё от переутомления. Когда я последний раз отдыхал?

— Да. Уверен.

Я зевнул.

«Фасад чисто», — Лидия следила за зданием.

«Коридор чисто», — это был Таретто, младший сержант на замене у Гриммы, пришлось подключать его группу, потому что не хватало людей.

«Альфа — чисто».

«Браво — чисто».

...Входящий вызов — абонент засекречен...

«Ты где?» — раздался тот самый глубокий приятный мужской голос.

«Играем по моим правилам. Бизнес центр Акустика, комната 3718»

Я прервал вызов.

— Он где-то рядом, — объявил я.

«Я уже здесь», — произнеслось в канале синаптической связи не смотря на то, что я уже прервал вызов.

Лязг раздался сзади, посыпались искры и пулемёт, дёрнувшись, заискрил и заскрипел. Человек в чёрном стоял в углу, держа в руках саблю. Майклсон не растерялся, высадил в него очередь. Я вот растерялся и пытался выхватить из ножен клинок и развернуть щит, но реакции не хватало и драгоценные секунды были потеряны.

Тёмный шёл на Майклсона не спеша, повернулся ко мне. В сознании вспыхнул шестигранник с выпученным глазом и тут же растворился, оставив после себя лишь дурноту.

Я видел, что отбойник автомата Майклсона замедлился, стал выплёвывать гильзы будто бы лениво. Каждый выстрел проносился белой вспышкой по утопающей в алых тонах заходящего солнца комнате. Я видел, что Четвёртая зажмурилась, пытаясь взломать нейросеть Тёмного. Я видел, как Тёмный повернулся ко мне с привычной скоростью. Я видел и себя с привычной своей скоростью. Просто всё остальное будто бы замедлилось.

— Я знаю, что ты видишь её, ты даже удостоен чести разговаривать с ней, — заговорил Тёмный, глаза его сверкали. — У меня очень мало времени и объяснить тебе всё я не могу. Запомни — это всё может подчиниться тебе, и достаточно лишь веры, чтобы творить великие дела. Преодолей свою привязанность к этому месту. Прямо здесь, прямо сейчас.

Я не мог шевельнуться, будто мои руки и ноги в чём-то увязли.

Тёмный же подошёл к Майклсону, лицо которого принялось меняться на удивлённое, толкнул в грудь и словно шарик с гелием направил в окно.

— Ты можешь его спасти, ты хочешь его спасти, — будто бы дразнясь, произнёс он, глядя мне прямо в глаза. — Сделай это. Поверь в то, что он будет жить! И чтобы тебе чуть-чуть помочь, я тебя подтолкну к первому шагу...

Он подошёл и ко мне, схватив меня, словно пушинку.

— Лети следом.

Он растворился, автомат перестал стрелять. Синаптические ускорители сработали. Я видел удивлённое лицо Майклсона, последние мгновения осознания и крик. А дальше моё тело понеслось с тридцать седьмого этажа, набирая скорость. Шум ветра в ушах перебил все звуки, закатное небо и серая земля мелькали, сменяя одна другую в немыслимой круговерти.

Я ничего не понимал.

Единственное, что я знал, что просто обязан вернуться к Ирви живым.

— У него шок, — сообщил мужской незнакомый голос.

Мне светили в глаза фонариком, кто-то подключался по нейропротоколу.

— Н-ничего там не ттттрогайте! — рявкнул я на каких-то людей, которые сновали рядом. Зуб на зуб не попадал.

Где я? На лавочке. Кто все эти люди, что они делают, что случилось? Почему я мокрый и воняю, как кусок дерьма? Почему так холодно?

— Ч-что произззошло? — я окидывал снующих взглядом, выловил Четвёртую.

Она не могла ничего ответить. Рядом всхлипывала Лидия.

— О, стал приходить в себя, сучка драная! — подлетела она ко мне, вся в слезах и соплях, размахивая руками. — Шон, я буду эскалировать на совет директоров! Мы лишились второго офицера за два дня, а я не собираюсь становиться третьей. Я требую твоего отстранения, иначе уйду я!

Глаза красные, волосы растрёпаны. Лидия была не в лучшей форме. Четвёртая переводила взгляд с меня на Лидию, вообще ничего не понимая.

— Майклсон мёртв? — дошло до меня. — А я жив. Как?

Я словил взгляд Четвёртой, она ожила и принялась тараторить:

— Ты угодил в открытый канализационный люк, пролетел лестницу и плюхнулся в узел с... фекалиями, там глубина три метра! Ты самый удачливый человек на всём белом свете!

Четвёртая была восхищена и не скрывала этого, прям светилась от восторга. Я её восторга не мог разделить.

— Что с Тёмным? Как он это сделал? Как он туда попал?

— Вы с ним дрались, долбоёб! — всхлипнула Лидия. — Всё, я так больше не могу. Надеюсь мы больше не встретимся...

Она хотела добавить «никогда», но тогда лишила бы себя места для манёвров.

— Мисс, не давите на него, у него шок. Дайте вашу руку, — последнее было сказано мне.

Я понял, что руку я протянуть не могу, посмотрел на неё и увидел резаную рану и остановленную запёкшуюся кровь.левой рукой я нащупал такую же рану на лице.

— Ваш полис не позволяет вас госпитализировать, к сожалению мы можем только...

Четвёртая достала значок, сунула в лицо.

— Госпитализируйте! — скомандовала она. — Отмойте, накормите. Шон, я приеду завтра. Не переживай, я всё узнаю, всё раскопаю, пройду по зданию и мы найдём эти

данные, обещаю!

— Кто бы ещё отчёт за меня написал. Майклсон...

Глаза зашипало и потянуло в сон. От усталости я закрыл глаза.

— Кладите его.

Меня подняли, перенесли, уложили.

— Мистер Шон, мы вам вкололи обезболивающее. У вас отсутствует модуль со сведениями об аллергических непереносимостях, мы его зарегистрировали. Ещё наш нэтраннер отладил ваш модуль когнитивного восприятия, там было обнаружено больше тысячи ошибок...

— Куда кто влез? — осознал я и должен был бы содрогнуться от ужаса, но ужаса не было, была лишь усталость. — Ай, не важно. Не трогайте мою систему!

Я откинулся на носилках и понял, что проваливаюсь в сон. Я ждал, когда же почувствую жёсткую траву под собой, когда увижу синее небо над головой вместо вечного смога и скинов приятной погоды. И проваливался всё глубже и глубже. Подальше от этого места: от нарушающего все мыслимые законы природы Тёмного, от истеричной Лидии, от прилипчивой Четвёртой, от мёртвого Майклсона, у которого завтра у Аделины День Рождения... Голова принялась кружиться, мелькали образы, тёмная фигура, искры из пулемёта, навалившиеся дела и пустота, длившаяся, казалось, целую вечность.

Утром я открыл глаза, потянулся, смачно зевнул, чувствуя, что первый раз за долгое время я отлично выспался.

Страх сковал грудь.

— Ну ё-моё, Ирви. Кажется, я нарушил своё обещание...

Глава 4. Покой нам только снится

Амниотическая жидкость покрывала моё тело, словно клей. Тёплая и приятная, сейчас она раздражала. Дыхательные трубки было тяжело доставать — я закашлялся, вытягивая их. В камере царила абсолютная темнота, но к моей синаптической системе были подключены необходимые модули и я включил неяркий свет.

Руки дрожали, осознание постепенно накатывало. Где моя Ирви?!

Я сидел так минут двадцать. Бодрость как рукой сняло, снова приняло клонить с самого утра в сон, хотелось не вставать с кровати.

...Входящий вызов...

— Да, отец.

— Я слышал о нескольких вещах сегодня утром, — сообщил его суровый голос.

— Майклсон Гривус мёртв, была засада Ашуры — напал Тёмный, мы ещё не зашли в тупик с расследованием, я решил проблему с семинаром.

— Я слышал, как ты решил эту проблему. Оказаться в двух местах одновременно? — в голосе отца не было слышно угрозы.

— Я выкрутился! — сжал зубы я. — Безвыходных ситуаций не бывает ведь?

— Да, сын, не бывает. Но то, как ты ведёшь дела, недостойно лидера. Я продлеваю срок твоей службы на год, тебе придётся лично разговаривать с семьёй Гривуса, ты возьмёшь ещё шестьдесят часов тактического планирования.

— Всё ясно, отец, — буркнул я.

— Высококвалифицированные кадры могут неожиданно закончиться на рынке, а ты несёшь слишком серьёзные убытки. Миротворцы ожидают результатов сегодня вечером — не подведи.

Я промолчал, он разорвал соединение.

Зубы я стискивал так, что они, казалось, вот-вот раскрошатся.

Не долго думая, я встал и прошлёпал в душевую камеру, отмылся. Порезы уже затянулись, от раны на лице остался лишь тонкий рубец. Рядом лежала одежда, полностью высохшая. Я отметил в системе выписку и вышел в коридор. Длинный подземный комплекс содержал сотни подобных комнат автоматической терапии. Люди в них варились в амниотической жидкости, под синаптической блокадой у них брали анализы, делали автоматические операции, некоторым ставили импланты, после все повреждения оперативно излечивали.

На выходе из здания меня ждала Четвёртая.

— Доброе утро, Шон. Сегодня мы пойдём...

— Для начала покушаем, — продолжил я за неё и попытался улыбнуться.

— Что-то не так? — удивилась она.

— Всё в порядке. Только вот вчера у меня умер друг, а подруга собирается эскалировать конфликт и уходить из отдела, — пожал я плечами. — Отчёты не писаны, данные не найдены. Понять бы ещё, разбомбил ли семинарию Вирр и выдал ли себя или всё же справился... А так всё в порядке.

— Ну и славно, — смутилась она и пошла к машине. — Я подогнала машину. Я не очень умею водить, пришлось грузить дополнительный модуль, но я никуда не врезалась!

Она ждала, что я её похвалю.

— Четвёртая, — произнёс я и она построилась по стойке смирно. — Спасибо за всё.

Как жаль, что придётся от неё избавиться.

Мы сели в машину, я глянул на часы и понял, что нужно поторапливаться. После включил необходимый мне сервис — драйвер FastAndFury для быстрой передачи данных и сглотнул — тошнота подошла к горлу. Терпи, мужик, это для дела!

— Шон, тебе не обязательно всё на себе тянуть. Не обязательно становиться главой. Идём к нам, к Миротворцам. У тебя есть необходимые навыки и связи, а ещё понимание мира. Оттуда мы заставим корпорации пересмотреть систему, поможем людям.

— У нас в городе десять миллионов человек. Клиника рассчитана на две сотни камер.

— Люди не бо... — она осеклась и замолчала.

— Корпораты не болеют, — вздохнул я. — А трущобники не попадают в больницы. И я бы не попал, если бы не ты. Может ты и права. Как тебя зовут?

— Меня...

Она замолчала. Меня уже начинало слегка колотить, во рту пересохло.

— Что изменится, если ты скажешь? — провоцировал её я.

— Я не могу, это против правил. Если ты не пойдёшь к нам, то я пойду к вам! — заявила она и покраснела.

Мы почти доехали, но я решил на последний вопрос:

— Что ты во мне увидела?

Она задумалась. Я запарковался, а она всё думала.

Мы вышли из машины, меня уже лупила слабая дрожь.

— Что с тобой? — спохватилась Четвёртая и полезла ко мне в голову.

Её тряхнуло и она осела на пол.

— Наладчика! Срочно, где наладчик!?! — закричала она, не в силах подняться.

— У тебя...

— Н-нес-совместимость, — меня коротило, говорить было сложно. — В-в больнице...

— Не продолжай, молчи!

Распахнулись двери грузовичка, с пассажирского сиденья выскочил бородатый дядька в спортивном костюме.

— Я врач, что случилось?

— Несовместимость нейропротоколов на уровне железа, — отрапортовала Четвёртая. — Что вы делаете?

Он схватил меня под мышки и принялся волочь в фургон. С модифицированными руками и ногами у него неплохо это получалось.

— Нужно срочно доставить его в мою клинику.

— Я еду с вами! — запротестовала Четвёртая.

Доктор улыбнулся.

— Исключено.

И хлопнул дверью, не давая шансов Четвёртой перехватить инициативу.

Мотор завёлся, грузовик тронулся.

У меня зуб на зуб не попадал.

Бородатый доктор всё возмущённо бухтел:

— Вот же сучка, в голову сразу полезла. Нет, не хочу, отключить сервис, нет я не хочу сейчас сканировать систему! Всё, — выдохнул он и уставился на меня близко-близко, заглядывая прямо в глаза. — Так, что у тебя?

Будто бы по мне не видно?!

Меня била дрожь, все мускулы напряглись так, что желудок свернуло в калачик, а сердце выпрыгивало из груди. В голове танцевали кабаре тараканы, в глазах пускали салюты, кишки завязывались узлом, а он спрашивает, что у меня.

— Шарлотта, ббббблять...

— Шярлёттэ, — сложив руки щепоткой и подняв их перед собой произнёс доктор, выключая мне устройство.

Меня отпустило, я смог вдохнуть и резко сел:

— Оборудование при тебе? — выпалил я на выдохе.

— До клиники не потерпит? — поднял Шарлотта кустистую бровь и попытался меня уложить на кушетку, но я сопротивлялся.

— Шутишь? Сейчас Четвёртая взломает транспортную систему и вызовет к твоей клинике целый вертолёт! Ты чем слушал? Это же Миротворцы!

— Миротворцы, корпораты... Какая нахрен разница.

— Ну?

— Оборудование при мне, ты за кого меня держишь?

— За Рамонду Шарлотту, мужика с целыми двумя женскими именами.

Он сплюнул, не став мне ничего объяснять. А вот я стал и очень быстро.

— Нужно сделать две вещи и обязательно: извлеки данные из буфера файловой системы и поломай мне когнитивный модуль.

— Чего? — удивился Шарлоттэ. — Для справок: я наладчик, а не ломальщик, — упёр он руки в бока.

Я вздохнул.

— У нас минут пятнадцать, пока по городу колесить будем. Потом Четвёртая нас выследит. Давай быстрее. Вначале буфер. Мне нужен файл cKn128, зашифрованный. Остальное мусор.

— Там у тебя и так будет только мусор. Ложись давай.

Я лёг на кушетку. Он поправил автопилот, чтоб тот вёл ровнее и почти не разгонялся и не тормозил, выбирал маршрут подлиннее и без светофоров.

— После этого я тебе ничего не должен.

— Если сделаешь две этих вещи.

— Блять, — подумал он, прошёлся по салону. — Ну ладно, я постараюсь.

— Я в тебя верю.

«Запомни — это всё может подчиниться тебе, и достаточно лишь веры, чтобы творить великие дела.» К чему эти разглагольствования? Как бы я не хотел спасти Майклсона, упав с тридцать седьмого этажа не...

А я ведь выжил. Случайно.

— Так, давай, я серьёзно, я в тебя верю, у тебя всё получится!

Я побил себя по щекам.

— Ты чего, Шон? Рехнулся? Да ты точно рехнулся. Подключаю.

Всё погасло. Вырубились частично импланты, я стал хуже слышать, почти перестал видеть, сердце замедлилось, мышцы налились бесконечной слабостью, и я почувствовал жёсткую траву, лежащую подо мной.

Ощущения пропали, потом вернулись вновь.

— Дамп собрал. Проанализирую в клинике. Ничего не обещаю. Выслал тебе копию.

Я сел на кушетке.

— Спасибо. Если соберёшь файл, отправь его Ринжине.

— Рехнулся? Блин, да ты вообще с головой не дружишь.

— Отправь, я тебе говорю! И отправь ей это.

— Что это? — замахал он руками, будто слизняков увидел, а не данные.

— Коды доступа к кластеру суперкомпьютеров Йомсбура, мои личные.

— Убери! Не стану я их даже трогать!

— Надо, Шарлотта, надо. Без этого мне кранты.

— Ну хорошо... Это и есть твоя вторая вещь?

— Значит три вещи!

— Блять, Шон!

Он вздохнул.

— Рамондо, прошу тебя, умоляю.

— Выкладывай.

— Меня вчера починили и теперь я не вижу свой сон, мне нужно откатить изменения до последнего бэкапа. Я знаю, что это неприятно, но мне надо.

— Эээ, чел, ты путаешь. Я наладчик, а не нэтраннер. Это тебе к твоей беловолосой бабе нужно.

— Точно никак?

— Стоп, что?! Ты не видишь сон?

Я кивнул. Он потрогал мой лоб.

— Тебя коротнуло, определённо. Ты давай там нагрузку убавляй, а то я за тебя переживаю.

— Это важнее всего на свете. Эта просьба должна была быть номер один в списке.

— Сон, значит... И из-за этого?.. Нет, чумба, это точно не по адресу. Даже если бы умел, не помог бы, извини. А так-то слава Мелиссе проклявшей нас всех быть рукожопами — я не умею.

— Ты хорошо подумал?

— Не такие операции, — покачал он головой. — Тут совсем другое оборудование нужно. Вначале нужно сделать бэкап, потом организовать своп, потом из бэкапа восстановить. На любом этапе ты можешь стать овощем или упасть в архив, если я что-то сделаю не так, а нюансов куча.

Я сам это знал, но всё же надеялся.

— Мы почти приехали, — напомнил он.

— Разыгрываем сцену?

Он кивнул.

Я сидел на лавочке и поглядывал на часы. С момента, как мы собирались «разыгрывать сцену» прошло больше получаса. Четвёртой видно не было, но я не решался сходить с места, чтобы её случайно не потерять.

Пока было время я медленно и методично разгребал дампы. Моё железо было старым и медленным, дампы разбирались тяжело. Естественно зашифрованный файл я не найду, но вот файлы записей, диалогов, чего-нибудь полезного могут обнаружиться. Среди мелькающих образов и энграмм была заэкширована запись в аудиоформате.

«Это касается данных, встретимся в восемь на углу восьмой и пятой».

Четвёртая не нашлась, а наладчик физически собрав телеметрию с чипа смог обнаружить.

Трэйс Тёмный обходит, но данные всё равно остаются. Но лишь в моём допотопном буфере. Везение?

Как в люк с говном угодить — в принципе везение, только вот радости это не вызывало, от того, что я постоянно чувствовал себя уставшим.

Медленно и неуверенно подъехала «победа», стала у дороги, заглушила мотор. Оттуда вынырнула взъерошенная маленькая Миротворка, побежала прямо через улицу в моём направлении, тыкая в машины своим значком.

— Фух, ты жив! — выдала она, добежав.

— Цел и очень даже в порядке. Мне отключили устройство, которое случайно включилось, судя по всему, в больнице. Тут недалеко есть кафе, нужно...

— Мы опаздываем уже, поедим чуть позже. Садись за руль, а то все мои старания зря. Мы едем в Аштуру, пойдём нагибать самого Самого.

— Хм, есть преимущества быть Миротворцем. Ты считаешь, что они саботировали пропажу данных?

— Это будет угроза безопасности и подорванные отношения с Миротворцами. Они никогда этого не признают. А вот то, что они помешали следствию — факт. Пусть выделяют ресурсы, отзывают своих, предоставляют доступ к архивным сведениям.

— У Миротворцев же это и так всё есть, — пожал я плечами. — погоди, ты действуешь слишком опрометчиво. Прямо наехать на SEO. Это очень важная информация, чтоб её разыгрывать так...

— Как?

— Бездарно. Только не обижайся, ладно?

Она надулась.

— Я ничего другого не придумала.

— Говорить буду я в таком случае, а ты чуть что поддакивай. И будешь должна.

— Что должна, за что должна?

— За то, что я тут всю грязную работу делаю, а ты явно повышение получишь.

Она миленько улыбнулась — угадал.

— А что должна? — она старалась на меня не смотреть.

— Ничего такого, чего бы ты с лёгкостью не сделала бы, — ушёл я от ответа.

Четвёртая ещё долго ничего не говорила, до самого центра Аштуры.

— Шон, что я могу с лёгкостью сделать? — смущённо и неуверенно выдавила она из себя заветный вопрос.

— Мне нужны услуги опытного нэтраннера, которому я бы доверял.

— А-а, — то ли обрадовалась, то ли расстроилась она.

— Сколько тебе лет?

— Два... А какое это имеет значение?

— Ну ты уже спалилась, говори давай.

— Двадцать два, — покраснела она. — И я в тебе увидела волнорез!

Я рассмеялся.

— Волнорез?

— Ты не боишься волн, ты идёшь им навстречу.

— Скорее лежу, или ползу, когда силы есть.

— Не важно, — помотала она головой. — А за тобой спокойно.

— Что-то твои метафоры не вяжутся с реальностью, — отмахнулся я и переключился на

деловой лад: — Ты видела как Тёмный вошёл? По лицу вижу, что не видела. Камеры смотрела? Дай угадаю — испорчены.

— Нет, на них просто ничего нет.

— Ещё интересней, — задумался я. — Значит он просто появился.

— Куда мы идём?

— На лавочку, нужно переговорить. Мы в одной лодке, результат нужен сегодня.

— Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

— Конечно.

Она смутилась.

— Что, неприятно почувствовать себя мной?

Она смутилась сильнее, отвела взгляд.

— Да не парься. Давай проблему решать. Тёмный телепортировался, остановил время и выкинул меня из здания, после чего... Как бы тебе сказать. Я не дрался, меня не полосовали мечом.

— Это состояние шока, Шон. Подмена тяжёлых воспоминаний на более...

— Ещё более тяжёлые? — перебил её я. — Проиграть в бою менее позорно, чем когда тебя как котёнка вышвыривают из здания, говоря, что я каким-то образом могу спасти своего друга, — я стиснул зубы. С Майклсоном мы и побухать успели, и поработать. — Странно что я вообще жив. Кто этот Тёмный такой?

— Это эксперимент, робот, — отозвалась Четвёртая. — Там нет ничего живого, всё заменено на протезы. Но про порталы никто ничего не говорил, таких технологий нет. Как и остановка времени. Ты уверен, что это не синаптические ускорители твои сработали?

Я лишь поднял бровь.

— Молчу, — смутилась Четвёртая. — Конечно ты уверен. Но твои слова звучат...

— Безумно, я знаю. А ещё... — я хотел уже было рассказать про сон, но передумал. — А ещё он говорил что-то про веру и силу, что-то очень эзотерическое.

А ещё про то, что я виделся с «ней». С кем? С Ирви? Тёмный был в моём сне? Ну ладно побывать в чужом сне не большая проблема с современными технологиями, но при чём здесь это? Ирви, у неё время течёт иначе, наверное уже неделю меня ждёт.

Так, стоп, она всего лишь мой сон! Подождёт.

Но на душе было беспокойно и гадко.

— У него нет голосового модуля. Не должно быть, — нахмурилась Четвёртая. — Так и что мы будем говорить?

— Увидишь.

Мы шли по коридору, оказавшись почти у двери.

Стоило мне коснуться ручки двери, как меня словно обожгло — я увидел глаз с алыми капиллярами на роговице. Помотал головой, открыл дверь.

За дверью спиной в открытом окне стояла Лидия. Я её ни с кем не спутаю.

И она шагнула вперёд со сто восемьдесят первого этажа.

Стоящий у стола узкоглазый Само́то Ашура посмотрел на меня, после туда, куда я смотрел и ничего не увидел. Я ещё раз помотал головой.

Кабинет главы одной из трёх крупнейших мегакорпораций был уставлен всяческой мебелью: ковры, резные столики, стеллажи с бумажными книгами, какие-то совершенно старинные вещи. Никакого стеклопакета, никаких голограмм, никакой аппаратуры. Он предложил нам присесть за резной деревянный столик в кресла с вельветовой обшивкой.

— Чем могу быть любезен, уважаемые Миротворцы?

Голос, этот голос я слышал, когда встретился с Тёмным и почти проиграл ему тогда, во время кражи данных.

Сам Самото Ашура был невысок, абсолютно лыс, с узкими раскосыми глазами. Сейчас он был в чём-то, напоминающем халат, обвязанный поясом с изображением глаза с алыми прожилками в шестигранниках.

— Я уверен, — стал медленно и вдумчиво говорить я, подбирая слова, — что Самото-сан осведомлён о том, что я не Миротворец. Более того, не вижу большого смысла даже представляться.

— И всё же мне интересно, о чём будет эта беседа.

— О том, что я совсем жиром заплыл, Самото-сан, — улыбнулся я.

Четвёртая на меня посмотрела странно, но Самото лишь слегка приподнял бровь.

— Ожидаемо, но неожиданно. Для наследника Йомсбура Ваш ум работает на достойном уровне.

— К чему тогда эти танцы, Самото-сан? Вначале помочь выкрасть данные, затем саботировать операцию, затем пустить по ложному следу Миротворцев, и наконец помешать Миротворцам вновь? Может просто выложим весь расклад начистоту и все останутся довольны, хоть и ничего не поменяется?

— О каком раскладе идёт речь, господин Шон. Вы придумали себе интересную историю, сами в неё поверили и исходите из ложных предпосылок. У меня украли данные — это факт. Не те, которые я бы ожидал — тоже факт. Дальнейшее история умалчивает.

— Кроме ещё одного: Вы лично помогли их выкрасть — это тоже определённо и точно факт.

— Я не помогал выкрасть данные, просто возвращал старый долг господину Альфри. Да и что эти данные вообще значат? Мы кружим этот танец уже пятьдесят лет. Я не мешаю вам лезть в наши дела, вы не мешаете мне лезть в ваши — всем хорошо, всё развивается, все конфликтуют и конкурируют — идеальная благодатная среда. А господину Альфри было бы крайне неприятно осознавать, что его сын по глупости упал в архив. Верно ведь?

— И просто были в нужном месте в нужное время?

Он развёл руками. Сама невинность. Всё у него так хорошо упирается в личные мотивы, что не подкопаешься. От Самото веяло так же, как от моего отца — холодной и расчётливой властью. Он мог сказать всё, что угодно, если ему это было выгодно. Пресони его Четвёртая, которая сейчас сидела чуть ли не с открытым ртом, и Самото ответил бы просто «нет» и его слово было бы против видеозаписей нашей оперативной группы. Иронично, но его слово оказалось бы весомей.

Я настроил динамик, но звук не воспроизводил.

— Итак, что мы имеем? — сделал я вид, что резюмирую. — Пропали данные катастрофической важности. Не подскажите, кстати, что там?

— Без понятия. Я даже напрямую не участвую в инциденте, это вам к моему отделу безопасности.

— Утекли. Возможно, были сняты копии.

— Вряд ли, — скривился Самото. — О том, что данные важны, знаете только Вы да Миротворцы, ну и мы, соответственно. Но Вы продолжайте, занятно послушать Ваши доводы.

— Данные критические, но Вы жертвуете репутацией и обращаетесь к Миротворцам.

Так ведь? Да, вижу, что так. В обход отдела безопасности, который на самом деле вряд ли работает над пропажей. Почему?

— Ну и почему же?

— Потому что у вас завелась крыса из Викторианцев. И я знаю кто это, могу предоставить доказательства, информацию. К делу, это, правда, не относится, но у меня есть обязательства, однако ресурсов недостаёт. Мне необходимо будет, чтобы вы оказали мне услугу, но не сейчас, а потом, соизмеримую с полученной информацией. Равноценный обмен.

— На kota в мешке, — заметил Само́то. — Впрочем, мне никто не запрещает пост фактум отказаться.

— А как же честь и гордость, Само́то-сан? Мы с Вами знаем, что репутация намного дороже любых издержек, будь то деньги или человеческие жизни.

— Альфри тебя хорошо готовит. По рукам.

Я воспроизвёл аудиодорожку. Из небольшой колонки рядом с моим ухом раздался голос Тёмного, говорящий о данных.

— Это Тёмный. Что с ним делать, решайте сами, однако я уверен, что данных у него нет — слишком уж это рискованное дело держать их при себе. И пока мне необходимо от Вас запросить кое-какие сведения на правах участника расследования. В общем это даже не я прошу. Четвёртая?

Девушка дёрнулась, вытянулась по струнке.

— Отдел Миротворцев требует предоставления всей телеметрии объекта под кодовым названием «тёмный». Спутниковое наблюдение, перемещения, мониторинг внутренних систем, состояние памяти и последние команды за последний год.

— Только вот «тёмный» — не робот, — пожал плечами Само́то Ашура, — потому некоторую информацию мы вам не предоставим. Ждите, наш инженер с вами свяжется. Это всё?

— Я не вижу удивления на лице, — заметил я.

— Могу изобразить, мне не сложно, — улыбнулся Само́то. — Спасибо за предоставленную информацию, она действительно ценна.

— Тупик? — уставилась на меня Четвёртая.

— Ну, не совсем. У нас же будет телеметрия.

— До вечера точно не успеем, — нахмурилась она. — Пойдём теперь поедим.

— Нет, поехали сразу ко мне. Ты мне должна, — напомнил я. — А потом я сяду писать отчёты, будь они трижды неладны. А ты всё равно за мной следишь, можешь не прятаться и делать это с комфортом, например, сидя на кухне.

Она косо на меня посмотрела, но ничего не сказала.

Дома я снял с себя верхнюю одежду и плюхнулся в кресло, приглушая свет. От постоянных зевков сводило челюсть. Четвёртая убежала на кухню и вернулась с парой бутербродов, собранных из того, что было в холодильнике.

Квартира хоть и находилась в приличном районе, но слишком близко к трущобам и район часто менял статус с приличного на неблагополучный. Нередко пахло паленым в подъезде, из этого места хорошо были слышны выстрелы, окошки напоминали бойницы дзота, а стены без активного перехвата зрительного сигнала были страшными и серыми. Холодно, сыро, неудобно.

— Я, если честно, в шоке, — выдала Четвёртая.

— Думала наследник корпорации будет жить достойно? Отец считает, что мне нужно расти с самых низов, чтоб мотивация была. В чём-то он, конечно, прав, — я зевнул, — но как же заебал. Давай начинать.

— Что начинать?

— Точно, — хлопнул я себя по лбу. — Я ж не рассказал ничего. Мне нужно, чтобы ты восстановила бэкап за вчерашнее число, но сохранила мои текущие воспоминания.

— Зачем? — удивилась она.

— А ты всё равно не поверишь.

— А ты попробуй объясни.

— Чтобы всё это транслировалось на всех Миротворцев?

— Я сделаю луп, честно.

— Ты говори что хочешь, я всё равно не проверю.

Она зарычала, сделавшись красной.

— Как тебе доказать? Давай я дам тебе полный доступ к своей системе? Будешь видеть всё, что происходит. Ты же технически подкован и если я попытаюсь тебя надурить — легко поймёшь. Покажу тебе... — она смутилась, это было что-то интимное. — И трафик покажу, и файловую активность.

— Ну давай... — проронил я.

...Вас добавили в синаптическую группу на правах администратора...

Ух, что бы я сейчас мог с ней сделать с полным доступом к базам Миротворцев! Такой возможностью и не воспользоваться? Я мог просто не отдавать ей права, контролировать её. Мог получить доступ ко всей информации Миротворцев. Мог подставить её, скинуть часть своих обязательств на неё, сделать её своей рабыней и знал, как сделать это так, чтобы никто, даже она сама, не заподозрили бы. Безграничные возможности, только протяни руку и возьми.

Но я посмотрел на неё, которая так искренне мне помогала. Даже мои ребята работали все из-под палки. Понятное дело, что с ней придётся расстаться и пойдёт она обратно к Миротворцам, а я своей дорогой, но чтобы пойти на тот шаг, на который я собирался пойти, мне нужно было переступить через себя.

Как отца своего убить, хотя некоторые из коллег советовали. Тихое покушение и уже сейчас нет кандидата лучше, нежели я. Чего ждать? Вероятно это как-то меня характеризовало.

— Да, всё вижу.

Я обратил внимание, что она перешла в оффлайн режим, поостанавливала сервисы, перевела систему в аварийный режим и режим энергосбережения. Ещё я заметил что она с интересом рассматривает моё лицо, руки и грудь, испытывая что-то вроде сексуального возбуждения, но держит эти эмоции при себе.

— Теперь рассказывай.

— Да нечего рассказывать. Звучит как и весь бред, что последние пару дней я говорю. Мне уже пару месяцев снится девушка, Ирви. Она странная, пыталась меня убить, но не смогла. И она хорошая... В плане она кровожадная, но ко мне добра, заботится обо мне и поддерживает. Я ей очень дорожу.

— Мы сейчас про сон, верно? — удивилась Четвёртая.

— Да, про сон. Ну я же говорю, что странно. Этот сон — это то небольшое, что у меня есть из того, чем я дорожу.

— Раз он пропал, то это был баг в системе. Сенсорная перегрузка. Электронно-физиологическая симуляция процессов, необходимых для восполнения гормонального баланса. Когда у тебя последний раз была девушка?

Она говорила совершенно без смущения, как говорят наладчики или гражданские нэтраннеры.

— Месяц назад, и сон не пропал.

— Ты получил те же эмоции, что испытываешь во сне?

Придётся признать себе, что с Лидией таких эмоций получить невозможно.

— Нет, не получил. И что теперь?

— Тебе нужна поддержка? Я тебя буду поддерживать! Я уйду из Миротворцев, стану твоей правой рукой, буду шпионить для тебя, буду... Как тебя можно поддержать?

Синаптическая связь порвалась от количества эмоций.

— Четвёртая! — повысил я голос и она вытянулась по струнке. — Мне нужен назад мой сон. Пусть он и ошибка, но он мой. И... Понимаешь, это звучит странно, но я обещал, что вернусь к ней, к Ирви.

Она надулась. Включилась ревность. Я попытался её выключить:

— Ирви сказала, что желает нам с тобой всего самого лучшего.

Она выдохнула, потёрла лицо.

— Ладно, так... Марго, успокойся, это всего лишь сон. Какой-то там сон, — она уставилась на меня. — Но это же неправильно! Шон, это просто баг! Ты просишь меня поломать тебя, перегрузить твою нервную систему. Ты же будешь страдать...

— Я. Так. Решил.

Она вздохнула.

— Хорошо. Но такие нестабильные сны опасны. Обещай, что проснёшься.

— Это что получается, что меня теперь с двух сторон ждут? — ухмыльнулся я.

Она залилась краской.

— Ты всё неправильно понял!

— Если ты не притворяешься, то я очень ценю нашу дружбу, — проронил я. — Начинай.

Жёсткая трава была хорошим знаком, как и длинные волосы у меня на голове, и ясное небо. Я был на всё той же поляне, всё в том же сне. Наверное, что-то поменялось. Я ощущал это своим нутром, но большего сказать не мог. Что-то определённо поменялось.

Я пустился бегом, добежал до реки, пробежался вниз по течению и стоило мне увидеть её, я, раскрыв объятия, кинулся к ней.

Она сидела, глядя пустым взором на бегущую воду. Увидела меня не сразу, улыбнулась, но так и не встала.

— Садись.

— Я уж думал, что сюда не попаду, — опустив руки, присел я рядом, умеряя пыл.

— Почему?

— Я перестал видеть этот сон. Лишь однажды, но это было неожиданно и страшно.

Я обнял её, а она меня. Такая хрупкая и тощая.

— Это плохо, — произнесла она.

— Да, потому что иначе я бы не смог выполнить обещание.

— И не только это, — кивнула Ирви.

— Ты принесла расчёску?

Она выпрямила руку и в ней появилась расчёска. Возникла из воздуха. Я взял её и

принялся расчёсывать волосы, начиная с самых кончиков. Параллельно я рассказывал, что же со мной произошло. Рассказ вышел длинный.

— Значит ты обрёл поддержку, — кивнула Ирви.

— Тебя не смущает, что я про Тёмного рассказывал? Про его странные фразы. Он же сказал, что видел тебя.

— Да, я знаю его. Это Дункан Корвус, мы встречались, но почти не разговаривали.

Дункан Корвус? Я всё же получил доступ к базе Миротворцев или это просто моё воображение?

— А то, что он какой-то бред нёс?

— Это не бред. Ты сильный.

— Мне отчёты писать. Мне с Гривусами разговаривать, ребёнка успокаивать, объяснять, почему их папа их оставил и где он сейчас, — я впервые позволил себе заплакать. Позволил, и не мог выдать даже скупую слезу. А вот злость во мне просто клокотала: — Отец продлил срок на год. Четвёртой приходится врать. Что с данными — непонятно. Гримму хоронить во вторник, уже нотификация приходила. Лидия уходит из отряда и будет на меня жаловаться. У меня ни машины, ни квартиры, ни карьеры. А мне тридцать один. И детей тоже у меня нет! Тридцать один год, Ирви... Где тут сила?

— Ты со всем справишься, — улыбнулась она. — Для тебя нет невозможного, просто ты это ещё не понял. Я тебя научу.

Теперь её волосы не были взъерошенными. Ровные тёмные посеченные грязные волосы. Но она и так была мне симпатична, сейчас расчёсанная стала чуть более симпатичной.

— Меня уже твой Дункан пытался научить. Я чуть не умер.

— Он больше не причинит тебе вреда. Он никогда не хотел.

— Он собирался меня зарезать! Помнишь, я говорил, и там был... Там был Самото, он меня спас!

— Он спасал только себя. Опасайся его.

— А кого ещё?

— Лидию.

— Почему?

Она посмотрела на меня. Видно было, что она с собой борется.

— Она одна из вас, — нашлась Ирви.

— Ты что-то знаешь, но я не понимаю. Объясни мне, чтобы я понял.

Она вновь посмотрела на меня, в упор, так близко, что, казалось, хочет заглянуть внутрь меня. А после прижалась своими губами к моей щеке и по моему телу побежали мурашки.

— Выбор мой невелик, — она указала правой рукой на свой левый указательный палец: — Держать всё как есть, и это хорошо. Потому что ты можешь приходить ко мне и разговаривать со мной. А ещё мы вместе можем смотреть на то, как беспощадно и бесконечно течёт время.

Она замолчала, трогая правой рукой свой средний палец, сжимая его.

— Либо? — подтолкнул её я.

Взгляд её был холоден.

— Либо я расскажу тебе всё, ты мне поможешь и придётся их всех убить. Скорее всего и тебя тоже.

— Почему? — не совсем тот вопрос, который я хотел задать, но я растерялся и именно это слово слетело с моих уст.

— Потому что вы это заслужили, — сквозь зубы процедила она.

— Я всё равно не понимаю.

Ирви вздохнула, плечи её расслабились.

— И это замечательно, — улыбнулась она и прижалась ко мне.

— Кстати, я видел Лидию, как она шагнула из окна. Мне показалось?

— Это неважно.

— Как неважно?

— Показалось, не показалось — это неважно. Важно не то, что ты видел, а то, во что ты веришь, понимаешь?

— Нет, это не логично, — покачал я головой.

— Зато правда...

Мы сидели и смотрели на бегущую и журчащую воду, а солнце опускалось всё ниже и ниже. Уходить не хотелось, ведь тут так спокойно, хоть и непонятно, а там понятно, но это не помогает избавиться от безумия.

Видимо покой нам только снится.

Интерлюдия 1. Разговор, которого не было

Камера, висящая в кабинете у Самото Ашуры, писала и звук, и картинку. Камера, записи с которой никто не увидит, пока этого не захочет сам директор компании, расположившийся на сто семьдесят третьем этаже высотного здания, в котором только здесь окна были заменены на экзотические деревянные вместо пластиковых, где только здесь были вышиты ковры из натуральных тканей и из натурального меха.

Дань прошлому.

В кабинете были двое: лысый человек с раскосыми глазами и желтоватой кожей — Самото Ашура, в одеяниях своих предков, подпоясанный абсолютно белым поясом без какой либо вышивки или символики; второй была девушка с гибким и стройным телом, красивым ухоженным лицом и белыми волосами.

— Кто к Альфри приставил Миротворца? Я же говорила, что нельзя!

— Альфри? — поднял бровь Самото.

— Альфри, Шону, какая разница?

— Отсутствие наблюдателя пошатнуло бы баланс системы, — тихо ответил Самото. — Ты пришла за этим? Не за тем, чтобы сознаться, что это ты выкрала данные?

Девушка фыркнула:

— Ты мне так не доверяешь?

— Доверие — понятие эфемерное. Оно варьируется в зависимости от ситуации.

— Не доверяешь — твоё право. Я не брала данные, могу поклясться на крови, если хочешь. Только ты мне всё равно не поверишь. Данные взял твой Тёмный. Что-то с ним не так.

Самото скривился.

— С Тёмным всё в порядке, зря беспокоишься. И в сущности это ведь ничего не меняет.

— Раз ничего не меняет, на кой ляд было приставлять к Шону субличность?!

— Таковы правила, — развёл руками Самото.

— «Правила», а мне разгребать. И Тёмного убери, он создаёт помехи.

Девушка стала на подоконник, открыла большое, в рост человека, окно.

Самото посмотрел на неё в последний момент, прежде чем дверь открылась и на пороге появились двое: тёмнокожий мужчина с едва отросшими чёрными волосами и миниатюрная Миротворка.

Беловолосая девушка сделала шаг...

Глава 5. Вера в успех

В комнате было темно, когда я открыл глаза. Солнце либо уже зашло, либо скрылось за заводами промзоны и из маленьких окошек под потолком лился тусклый свет. Усталость никуда не делась, хотя я вроде как поспал. Более того, мысли стали чёткими и я отчётливо увидел глубину той ямы, в которую умудрился угодить.

Воскресенье, вечер...

Письмо «Жду отчёта о выполненной работе» с подписью Реджинальд Гривус. Видимо Седого так зовут, кто ещё отчётов может ждать? Наньята из отдела кадров может ждать отчёт о смерти двух офицеров. Майк из хэдхантинга может ждать отчёт об открытых позициях. Юдора из бухгалтерии может ждать ведомость с лицевыми счетами пострадавших семей. Профессор Юсуф Идорович определённо точно ждёт просроченный мной доклад по сравнению ТК-127 с ТК-173. И я так и не позвонил Вирру.

Гудки были долгими.

— Вирр?

— А кто ж ещё, приятель?

— Не злишься, что я такую подставу сделал?

— Война есть война, — вздохнул Вирр. — Ты не привык, наверное. В общем там тебе два балла по стобалльной на семинаре.

— Чего это вдруг?

— Да не помню я, сколько весит «амёба»! Ну стреляет она херово, пятьдесят метров предел, оптика у неё хуёвая. Какая разница мне, сколько она весит!

— Не горячись и не переживай. Отец всё равно всё узнал, но ничего не зря.

— Эх, Шон, оптимист ты. Я семь лет в окопах просидел — всё зря.

— Не зря, ты получил бесценный опыт, — вспомнил я слова отца.

— Мой бесценный опыт настолько бесценен, что никому нахуй не упал. Ладно, Шон, встретимся в понедельник, там поговорим. С тебя тартар.

— Из говядины?! — удивился я.

— А то. Я через такие унижения прошёл с твоим этим шепелявым чуваком...

— Я всё понял. Достану, не переживай.

— Хорошо. Шон... — бросил он напоследок неуверенно. — Вся жизнь война.

— Я знаю. Гибнут люди, их нужно отпускать.

— Я не о том. Для нас она смысла не имеет. Солдат останется лежать в земле, а у генерала появится ещё один орден. Понимаешь?

Я не понимал, потому что это была моя война.

— Да, понимаю, — соврал я, чтобы не продолжать беседу.

— Ну и хорошо, раз понимаешь. До понедельника.

Я потёр глаза, зевнул, выпил залпом полбутылки воды, что стояла на столике и тяжело вздохнул. Встав, я, не включая свет, сел за стол, загружая голографический проектор. На механическую клавиатуру денег у меня не было, как и на нормальный монитор — приходилось пользоваться дополненной реальностью.

Пока были силы и есть хотелось лишь чуть-чуть, я принялся писать. Долго искал шаблон отчёта, потом долго не мог залогиниться, в базе не хватало данных, написал в поддержку, пока писал меня разлогинило, пришлось переделывать. Написал пару писем,

понял, что отчёт я не напишу и переключился на ведомость. С ведомостью я проколупался пока не стало окончательно темно.

Всё это время во мне вспыхивал и медленно гас огонь, выжигая меня изнутри. Делать бездумно тупые, но нужные вещи было тяжело. Их накапливалось всегда столько, что груз давил на плечи. Я сгорбленный сидел в кресле, ничего не соображая.

«Напоминаю...» — прилетело сообщение от капитана Седого.

— Блять, забыл, — потёр я виски и позвонил.

— Да? — отозвался капитан сухим голосом.

— Это Шон Йомсбур с требуемым отчётом. Предоставляю в устной форме. Уведомляю, что данное сообщение записывается, запись будет передана в Центральный Отдел Нейтральной Территории, — всё по протоколу. Приходилось напрягаться, вспоминая, что там дальше. — По результатам проделанной работы имеется главный подозреваемый: кластер механоидов под кодовым названием «Тёмный». Данные были выкрадены им и переданы потенциальному конкуренту. Кто заполучил данные пока не ясно.

Молчание.

— То есть результатов нет, — подытожил Седой ледяным тоном.

— Результаты есть, сэр.

— Это не результаты. Данная промашка Вам, и Вашему отцу серьёзно подпортит репутацию — гарантирую это. Были ли задействованы все возможные ресурсы для организации расследования?

— Я не могу задействовать все ресурсы — это не моя зона полномочий.

— Отговорки и ваша внутренняя кухня, которая меня не касается. Почему не были задействованы все ресурсы?

— ...

Тишина и с его стороны, лишь недовольное сопение.

— В рапорте я укажу халатное отношение Йомсбур Инкорпорейтед к предоставленному заданию первостепенной важности.

Я хотел промолчать, но вспыхнул:

— На каких основаниях вина ложится только на Йомсбур? — процедил я сквозь зубы.

— На основании зафиксированного факта вторжения и организации преступной, хочу заметить, деятельности со стороны корпорации. Отчёт обновлю, данные вышлю вышестоящему начальству, ожидаю отчёта завтра, — холодно и сухо отрапортовал он и прервал соединение.

Я откинулся в кресле, протягивая долгое «бля» и потирая лицо. Дурдом.

Заворачивая на кухню я чуть не вскрикнул, увидев там Четвёртую, которая в задумчивости смотрела прямо перед собой, пуская изо рта клубы дыма. В руках она сжимала вэйп.

— Я думал ты уехала.

Она перевела на меня стеклянный взгляд, проморгалась.

— Ты сам разрешил, — пожалала она плечами. — Ну что, встретился со своей воображаемой девушкой?

— Давай без истерик. Мы только работаем вместе.

— То есть ты меня больше не хочешь пригласить на свидание? — нахмурилась она.

Я потёр виски, щёлкнул чайник, принялся рыться в нише в стене в поисках чая, нашёл последнюю чайную таблетку. Настоящий чай вымер на планете ещё три десятка лет назад,

как и кофе, но люди вовремя научились синтезировать столь сложные ароматические соединения.

Она посмотрела на меня внимательно, потом вдруг сменилась в лице и отвернулась.

— Я совсем не хотела... грубить и устраивать разборки. Не всё прошло гладко, у тебя нестандартное железо. Я боялась, что ты просто не очнёшься, и ты, зная это, всё равно пошёл на риск ради...

— Ради подруги, пусть и воображаемой. У меня мало друзей. Один из них умер вчера, — пояснил я.

...Новое сообщение...

«Деканат напоминает. Уважаемые студенты! Во вторник последний день, когда можно досдать хвосты. Во вторник вечером все ведомости отправятся в общий доступ.»

— Да блять...

Я сел на пол, не дойдя до стула. Прямо на холодный бетонный пол — не квартира, а подвал какой-то. Прислонился спиной к стене, рассматривая свои берцы, которые я целый день не снимал. В голове должна была зародиться паническая мысль «Как всё успеть?», но вместо этого была лишь гнетущая пустота.

Мне конец.

Это очевидно.

Это лишь вопрос времени.

Этого времени осталось не так много.

Чтобы распорядиться им, нужны силы.

Сил нет.

Мне конец.

— Ты чего, Шон? — испугалась Четвёртая, подбегая ко мне и протягивая руку.

— Я тут посижу, — буркнул я. — Седой даст рапорт, на меня наедет отец и продлит срок ещё на три года, хотя я должен был бы уже быть на позиции директора. Потом наедет декан и я пойду на переаттестацию. Майклсона никто к жизни не вернёт не смотря на все сказки, которые говорил тёмный. Где и в каком месте я волнорез?

Вроде, просто проговорив свои проблемы, мне стало даже легче.

Четвёртая села на корточки напротив меня, приложила руку ко лбу, покачала головой.

— Твой отец добьётся того, что ты просто умрёшь. Поднимай свою жопу и иди ложись спать.

...Новое сообщение...

«Шон, мне срочно нужна от тебя форма на материальную помощь по образцу той, что мы год назад делали. У тебя есть в черновиках? Очень-очень нужно, выручай!» — Юдора из бухгалтерии.

— Алло, ты меня слышишь?

...Несанкционированный доступ к системе...

Я поднял взгляд.

— Времени мало, Марго, — проронил я. — Может быть и неплохо, если она просто всех нас убьёт?

Я встал, отряхнулся, поплёлся к спальне. Четвёртая так и осталась сидеть, пребывая в загадочном шоке.

Я не спал. Я не мог. Просто лежал и смотрел в потолок. Время тянулось, мысли тянулись вслед за временем. Меня тошнило от круговерти из обрывочных и тупиковых

рассуждений. Я лежал на кровати прямо в одежде, стянув только берцы с ног. В ноги было холодно, я не мог накрыться, думая, что так усну. Я ворочался то на один бок, то на другой и время казалось летит и тянется бесконечно одновременно.

В какой-то момент мне казалось, что постель превратилась в траву, что я открою глаза и увижу над головой синее небо. Мне даже казалось, что я слышу голос Ирви, такой мягкий, такой спокойный, но от чего-то ещё более грустный:

— Потерпеть оставалось всего год. Я всё никак не пойму, почему ты тогда согласился?

Я бы хотел ответить, но я не понимал, о чём она. Что терпеть? Согласился на что?

А потом я увидел, что время уже близко к утру.

Я еле заставил себя встать, попил воды, чувствуя лютый голод, взял с полки тубик с едой, сжевал биомассу с ароматизатором пряников, вспомнил, что вчера так и не попил чай. Заварив себе кружку чая, я пошёл за стол доделывать дела. Через час нужно было на работу, на понедельник запланировано совещание между командами и нужно было кого-то вместо себя послать.

В комнате на кресле спала Четвёртая, откинув голову, открыв рот и похрапывая. И чего это она домой не поехала? Явно же у неё там двадцати комнатные апартаменты с личной прислугой, раз она Миротворка.

Она хрюкнула особенно громко, открыла глаза, с недоумением посмотрела по сторонам и вытерла слюнку.

— Выспался?

— Я не спал, — зевнул я и отхлебнул горячего чая.

Впрочем зря это люди гордятся, что смогли синтезировать чай. Химозная штука, которая у них получилась, вряд ли была чаем и вряд ли несла ту же пользу. По крайней мере в том виде, в котором она была доступна на массмаркете.

Четвёртая потянулась.

— Откуда ты знаешь моё имя?

— Ты проболталась вчера.

— Капитан всегда говорил, что я слишком много болтаю, — буркнула она. — Я вчера сдала данные в отдел аналитики, они должны для нас были накопать новых сведений по контактам Тёмного. Так что сегодня в прежнем темпе.

Она потянулась, хрустя костями, поправила руками причёску.

— И мне нужно домой будет заскочить — переодеться.

Я пожал плечами.

Она, ни слова не говоря, вылетела из квартиры. Куда — фиг знает? Но оно и к лучшему — не будет пытаться подслушать. Я ещё раз просмотрел глазами систему, чтоб ничего лишнего не было, что могло бы означать, что систему проксируют. Лишнего я не нашёл.

Сейчас я хотел проделать трюк, полагаясь на условную вероятность двух невероятных событий.

Что там Тёмный говорил?

Я побил себя по щекам — верить, нужно верить! Хоть на мгновение.

Гудки...

— Шон, сука... Пять утра, — раздался заспанный голос Рамондо.

— Шарлотта, выручай! Нашёл что вчера?

Он зарычал.

— Шяр-лёт-тэ! Шон, нам нужно это отметить.

— Что отметить?

— Твоё допотопное железо записало файл целиком. Он уже вчера был у Ринжины. Я боялся тебе писать, с тобой же твоя ненормальная всё время!

Ну и правильно.

— Спасибо.

— Бу...

Я разорвал соединение.

Сердце колотилось. Теперь второе, чтобы данные не оказались побитыми.

Гудки...

Так, успеть, лишь бы успеть.

Пока звонил, я копался в ящиках в поисках щепки с маячком. Нашёл пульт от неё, подождал пока он восстановит соединение и надавил на единственную кнопку. Маячок принялся верещать на всю хату откуда-то со дна коробок. Я выкопал его и щепку вместе с ним, сунул в карман куртки. Мне бы тоже не мешало помыться — вонял уже знатно. Но ни времени, ни сил не было.

Соединение установилось, на том конце тишина.

— Ринжина?

— Ты так всегда спрашиваешь, как будто забываешь, кому звонил!

— Извини. Как там данные?

— Пару часов. Медиану уже прошли, вряд ли комбинация будет в конце брутфорса. С кластером серверов Йомсбура, да ещё и с квантовыми вычислителями — проще простого.

— То есть данные целые?

— Пока не расшифрую, сложно сказать, но по известным алгоритмам двадцать процентов контрольных сумм сошлось. По ним и ломаю.

Я услышал хлопнувшую дверь и закрыл соединение, удалив записи отовсюду, откуда смог дотянуться.

— Доставка была, — объяснила Четвёртая, показывая сковороду. — Сиди пока работай.

Я прошёлся пару кругов по комнате, поприседал, поотжимался, чтоб кровь разогнать, допил чай и сел делать дела. С кухни шёл странный запах, но я старался его игнорировать.

— ...Так что сегодня вместо меня пойдёшь ты, — закончил я свою воодушевляющую тираду, найдя жертву, которая подменит меня на митингах. Эскалации эскалациями, а я всё ещё начальник — нужно пользоваться пока не отобрали.

— Ну какого хрена? Я серьёзно, я либо сама уволюсь, либо тебя уволю, я клянусь! — злилась Лидия.

— Но пока этого не случилась — пиздуй на митинг и предоставь квартальный отчёт.

— Где он?

— Его нужно сделать.

Я приглушил звук, чтобы не слышать её крики.

— Я его почти доделал, — пояснил я. — Найди отчёт за последний месяц и впиши данные вниз в табличку, они перепосчитаются и графики перестроят, скомпиль всё в презентацию и отправь мне, чтоб я глянул.

— Шон... — она тяжело дышала. — Это ты так мстишь мне? За разговор?

И что ей ответить? Она мной крутит и вертит, а мне нельзя?

— Я тебя, Лидия, уважаю и очень сильно ценю, — вспомнил я её гибкое тело, извивающееся подо мной и попытался отвлечься, заменив её образ образом Четвёртой —

стало только хуже. — Но давай отделим рабочие вопросы от личных. Так уж случилось, что ты самый компетентный человек из оставшихся. Не Вирру же мне доверять. А с меня премия и повышение до начальника отдела после того, как я уйду.

— Когда? — надулась девушка.

— Через год. Зарплата в полтора раза, я выписки Майклсона видел.

— Я тебе помогу, но это ничего не значит, потому что я всё ещё недовольна сложившейся ситуацией, — холодно заявила она, а после уже тихо и грустно добавила: — Сегодня хоронят Гримму. В одиннадцать. Ты будешь?

— Не знаю, — честно ответил я. — Я очень сильно постараюсь. Я ж не зря тебя прошу на митинг вместо меня сходить. Давай, держи в курсе, мне пора.

— Шон!

Она хотела что-то сказать, но я разорвал связь, плывя на кухню на запах чего-то, чего я ещё ни разу за всю свою жизнь не пробовал. Мой отец меня не баловал никогда. Он почти всё время проводил на работе, у меня с ним в детстве были вечера, в которые мы играли в шахматы, рисовали или учили другие языки. Он нанимал мне репетиторов, устраивал развлекательные программы на выходных, но ничего дорогого никогда не покупал — еда синтезированная, одежда новая, но ниже среднего качества, квартира... Да собственно эта квартира и была. Единственное, что он сделал, это на поступление купил мне мотоцикл, как я попросил, и тоже один из самых дешёвых, на электрических батареях вместо магнума.

— Что ты делаешь? — посмотрел я Четвёртой через плечо.

Та аж подпрыгнула. На сковородке что-то скворчало, в кастрюле булькало.

Я посмотрел на пакеты:

— Изделия из твёрдых сортов пшеницы — спагетти. Сколько? Двенадцать тысяч марок? А это что? Свинина? Тридцать тысяч марок? Завтрак стоимостью в мой мотоцикл!

Она смутилась.

— Ты очень сильно ослаб, тебе нужны силы. Одними протеиновыми тубиками нельзя быть сильным и здоровым. Садись, я тебе положу.

Это было... Я ожидал иного вкуса, если честно. Спагетти оказались почти безвкусные, а мясо жестковато. Химическая еда с огромным количеством ароматизаторов на первый взгляд во вкусовых качествах выигрывала.

— Разочарован? — засмеялась она, нарезая свой кусок мяса.

Я промолчал, а она тихо добавила:

— Мы прокляли нашу землю тем, что решили жить без богини, — пожала плечами Четвёртая. — Животные вымирают, океан отравлен, пресной воды на всех не хватает, дети рождаются с уродствами и с каждым годом всё хуже.

— Это не проклятье, это сделали сами люди. Игнорировали проблемы, пока не стало слишком поздно. Чистая вода, нормальная еда... Мне ещё нужно где-то добыть тартар из говядины.

— У-у, — протянула Четвёртая. — Круто ты проспорил.

Я закинул кусочек мяса в рот. Рецепторы немного адаптировались и теперь не возмущались, что пища пресная — сквозь пресность проступал тонкий вкус. Не такой яркий, зато намного более многогранный. Я закрыл глаза, ощущая его целиком. Если повезёт, то такой едой я отпраздную свою победу над системой, когда разрушу корпорацию и раздам её осколки обычным, но проверенным людям.

— Распробовал-таки, — ухмыльнулась девушка. — Почему твой отец не даст тебе

условия получше? Ты же будешь работать эффективней.

— Он так не считает. Он считает, что праздность расслабляет, делает человека мягким.

— Мой капитан говорит точно так же.

— Почему из всего отряда приставили ко мне именно тебя?

— Нужен был нэтраннер, а я нэтраннер, — пожала плечами она, а после изменилась в лице: — Я вру.

— Не сомневался, — буркнул я.

Она поправила свои взъерошенные волосы, упираясь взглядом в тарелку и покраснела.

— Работа у меня такая. Но здесь я точно вру. Мне нужно повышение, не хочу больше быть в третьем отряде, хочу свой отряд. Я много работала для этого, но ни разу не удалось отличиться. Я сама вызвалась. Сказала, что для поиска данных лучше всего подойдёт нэтраннер. Или нет... — она вдруг схватилась за голову. — Ощущение, что я что-то забыла. Я же... Холодная, спокойная, расчётливая. Устраивала покушения, терракты, воровала... И убивала... Как будто это не я.

— Ты о чём, Четвёртая?

— Меня зовут Маргарита Фенрис, — строго посмотрела она на меня. — И это не я.

Она помотала головой.

— Ты меня пугаешь, — заявил я. — С тобой всё в порядке?

— Наверное, да, — задумчиво произнесла она. — Ты вообще первый предложил куда-то сходить. Я же нэтраннер Миротворцев? Какое мне доверие?

— Такая маленькая и улыбчивая девушка не может быть плохой, я в это просто не верю.

«...достаточно лишь веры...». «Важно не то, что ты видел, а то, во что ты веришь».

Странные слова, которые постепенно начинают обретать смысл.

Мы вышли на улицу в поисках машины. Вчерашний день подёрнуло дымкой, детали расплывались, превращаясь в моей памяти в нечёткие кляксы. Мне должен Самото Ашура, но ещё непонятно, что. Меня вчера починили. Всё как-то тезисно, без ясности.

...Входящее сообщение...

«Есть зацепка по данным», — от Ринжины.

Четвёртая повернула ко мне голову.

— Всё же данные оказались у неё?

Она и не скрывала, что прослушивает меня.

— Да, поехали скорее. Мне кажется, это более надёжная зацепка, чем ехать в отдел и перебирать стопку тех, с кем Тёмный контактировал. И вообще, тебе не кажется, что раз эта тварь умеет обходить вашу систему безопасности, то он мог и свои логи почистить?

— Кажется... — нехотя согласилась Четвёртая. — Но верить в это не хочется. Это всё равно что не верить, что задание вообще выполнимо и всю оставшуюся жизнь быть на побегушках у Седого?

— Ты тоже его так зовёшь? — хохотнул я, а она не поняла, о чём я.

Только вот Четвёртая будет мешать...

Нет, всегда можно было поступить просто и по протоколу: забрать данные, разыграв сцену, что аноним припёр их, сказал расшифровать и после дал бы очень много денег. Данные у меня, минус одна проблема, минус слежка от Миротворцев, плюс доверие отца. Да и меньше знаешь — крепче спишь.

С другой стороны отец уже продлил мой испытательный срок на год. Сделать все рефераты я не успею, в универе завал, потому срок ещё продлится. Тем, что я героически

решу эту задачу, я не добьюсь ровным счётом ничего.

Нет ничего хуже в этой жизни, чем бежать сломя голову лишь для того, чтобы оставаться на месте.

На каком месте я так целеустремлённо пытался остаться? В сырой двушке рядом с промзоной, старым мотоциклом на улице и кучей высших образований и дипломов, которые, если ты не корпорат, никому нафиг не упали? Стоит моему отцу только пальцем шевельнуть, и я окажусь на улице.

А вот если я загляну внутрь... Вдруг это даст мне какое-то преимущество? Всё же эти данные очень важны для Ашуры. Настолько, что они не преминули воспользоваться услугами Миротворцев, хотя негласно это и против правил. Что я там узнаю? Какие-то секретные разработки, технологии, новый вид энергии?

Когда-то Ашура разработали магнум — новый источник энергии, более экологичный, нежели углеводороды или атомная энергетика. Ловушка Максвелла для «тёплых» субатомных частиц, возникавших в квантовом вакууме — перпетум мобиля. Гениальное, крайне сложное изобретение, которое спустя пять лет улетело в сеть и стало общедоступным. Может быть они пытаются предотвратить подобную утечку? Потому и данные замаскировали, и зашифровали, и хранили абы где. Не в основном датацентре, а среди второстепенных проектов. Не под охраной, а на виду. Никто бы не позарился на эти данные, если бы не ошибка.

Или всё же это не было везением? Или всё же тот же Тёмный подменил программу? Почему же он тогда пытался меня убить? Играет против всех? Пойти против корпораций — истинное безумие.

Я не чувствовал контроля над своей жизнью. Чем так жить, лучше умереть. И от смерти меня ограждала лишь мысль, что я не смогу всё это обсудить с Ирви, если умру. А значит мне обязательно во что бы то ни стало нужно взять свою жизнь под контроль. Нужно что-то, какой-то козырь на руках, который я смогу разыграть.

Нужно заполучить данные.

Всё та же заброшка, на пороге валяется труп со сломанной шеей. Оптика зафиксировала ещё человека три, для одного сигнализировала критическое состояние по пульсу и давлению. Четвёртая морщилась.

Я боролся с мыслью о том, что Четвёртую вырубят как только я подойду к датацентру — так я договаривался с Ринжиной — и стоит мне её побережь. Что бы там ни было, а я не хотел лишний раз причинять живому человеку боль. Но не мог же я сказать ей подождать здесь, прямо на улице — это вызовет подозрения, которые сразу же лишат меня моего козыря.

На часах полдесятого утра.

Я зевнул.

— Погнали, Четвёртая.

— Меня зовут Марго, — поправила она меня и пошла первой.

Мы долго спускались по лестнице, освещённой всё теми же светодиодами. У Ринжины была выделенная линия выхода в сеть, здесь сеть не ловила. А ещё это был единственный вход в её убежище, как, впрочем, и выход. Но засыпать её отнорок никто пока не пытался, потому как слишком ценным она была человеком, официально не существующим.

Я упёр пистолет в затылок Четвёртой. Она остановилась.

— Заранее прошу прощения, — честно произнёс я.

Она ойкнула и задрожала.

— Я тебя обманул и там внизу ждёт для тебя засада, — сообщил я.

Девушка дрожать не перестала, медленно повернулась ко мне лицом.

— Т-ты...

— Да, поступил подло, потому что не доверяю никому, кроме себя. Ты же это вырежешь?

— Обязательно, — выдохнула она. — Ты не будешь меня бить?

Она смотрела на меня в упор снизу вверх, в глазах стояли вопросы.

— Что? — не понял я. — Я не собирался тебя бить.

— И всё? И что теперь делать? Так, Марго, соберись. Что вообще происходит? Что мне надо делать?

Я рассмеялся, спрятал пистолет.

— Я хочу доверять тебе, но это сложно. Пошли вперёд, я тебе всё изложу. Если коротко, то мне нужно было получить данные без твоего вмешательства. Чтоб ты даже о них не знала. Типа: а не было данных, была там потасовка какая-нибудь, я бы тебя прикрыл, вынес из датацентра и такой, герой, мол, выбрались. Всё ясно?

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Я не хочу тебя подставлять.

— Тогда давай просто заберём данные и сдадим их в отдел, — предложила Четвёртая.

— Я хочу знать, что там.

— Так нельзя! Там информация, которая может нарушить баланс! — развернулась она ко мне. — А я теперь соучастница. Мелисса нас прокляла, мы все прокляты... — она схватилась за голову. — Что ты наделал?

И я ляпнул, совершенно не думая, что будет дальше:

— Ну тогда уходи из Миротворцев, присоединяйся ко мне. Мне осталось несколько лет и я перекрою мир.

Я зевнул, чувствуя усталость. Вчерашняя бессонница была показательной. Скоро я просто умру и не доживу до этого момента, но картинка разваливающейся мировой системы меня воодушевляла. За разрушением идёт созидание, а я чётко знал, что хочу исправить.

Чёрта с два она согласится! А что будет? Эскалации, подорванные отношения с Миротворцами, в лучшем случае она сделает вид, что этого разговора не было. Осознание, что я только что сотворил самую большую ошибку в своей жизни ошпарило, в глазах потемнело, сердце выдало бешеный ритм.

Марго замерла, руки её тряслись.

— Ты предлагаешь слишком многое, полагаясь лишь на взаимную симпатию. Думаешь, я соглашусь?

Я побил себя по щекам.

— Да, — уверенно выдал я, вспоминая все медитативные практики, которым обучался долгие годы, тренировки, упражнения, чтобы поверить в собственные слова. Да! Я уверен!

— Почему?

Резонный вопрос.

— Потому что, — чуть с меньшей уверенностью ответил я и развёл руками.

Бросив на меня взгляд, полный ужаса, она отвернулась, пошагала вниз по лестнице.

— Ради чего? Ради каких высших целей мне отказываться? Ради чего мне играть по твоим правилам? Разве это я? Разве я так принимаю решения? Разве я могу бросить всё, ради

чего жила всю эту жизнь? Я будто под контролем. Ты будто перехватил управление. Словно моей воли перестало существовать.

Я молчал, лишь слушал. И что было сил старался не думать о том, почему она должна сказать «нет». В голове была привычная усталость, мысли путались, а я не мешал им путаться. Нечего разговаривать за другого человека, пусть сама решает, а я уж как-нибудь разберусь с последствиями.

— Смерть выглядит заманчивее, чем отказ, — вновь развернувшись ко мне, произнесла она. — Это не влюблённость, Шон. Я влюблялась, я любила, я знаю, что это такое. Но...

Как это работает? Она будто сопротивляется чему-то. Приказу? Моему? «...это всё может подчиниться тебе...» Тёмный, ты об этом говорил?

«Так что, отказываешься?» — хотел спросить я, а вместо этого сознательно спросил другое:

— Ты согласна?

— Я согласна, — выдохнула Марго. — Что я творю? Это ужасно, — она расхохоталась. Смех её был скорее проявлением истерики. — Я просто схожу с ума!

А я сел на ступенях, проводя руками по мокрым от пота волосам.

Мы сидели рядом на ступеньке так же, как я сидел рядом на камне с Ирви в моём сне. Оба молчали, иногда пытались начать что-то говорить, но ничего сказать не могли.

— Чет... Марго, — я раскрыл руки для объятий, она под села поближе, я приобнял её. Не такая хрупкая, как Ирви, не смотря на то, что миниатюрная.

— Что мы дальше будем делать? Может всё же...

— Нет, данные мы заберём и я их посмотрю. Тебе об этом знать будет не обязательно. У тебя есть синаптические ускорители? Сможешь принять удар не в полную силу?

— Угу, — шепнула она. — И выключу систему.

— Не выключай. Чуть что вырежем этот кусок из твоей памяти, чтоб Миротворцам не попало. Но не выключай, может потребоваться твоё вмешательство.

— Ты не доверяешь Ринжине?

— Это подруга моей матери, но не сказал бы, что у нас хорошие отношения после последних событий. И я никому не доверяю.

— Мне доверился.

— Это ты мне доверилась, глупая, — я потрепал её по волосам. — Если у нас ничего не выйдет на личном фронте, я тебя никогда не оставлю. Я понял, в чём проблема этого мира. В нескончаемой конкуренции, в бесконечной агрессии. Добрым людям нужно держаться вместе.

— Я не добрая, Шон. Я... не могу тебе почему-то сказать, что я делала не так, но я делала, я тебя уверяю. Просто всё как в тумане.

— А я вот не верю, что ты злая. Улыбчивые миниатюрные девушки не могут быть злыми.

— Дурак, — бросила она и обняла меня.

Мы входили на нервах, она первой, чтоб получить удар.

Открылась дверь, Четвёртая вошла, по лицу ей хлопнуло и она осела — сердце моё сдавило в груди: смогла уклониться или нет? Её тут же усадили на кресло. Два здоровых бугая стали рядом.

— Чем ты их кормишь?

— Они питаются сами. Гляди, уже не маленькие.

Я протянул щепку с маячком.

— Запиши сюда данные, а код расшифровки передай мне.

— Раскомандовался. Что взамен?

— Взамен? Всё очень просто. Наш кластер на год.

— На два! — загорелись её глаза.

— На два, — согласился я.

— На три!!

— Не наглей, а?

Она вздохнула.

...Передача файла. Принять?..

— Спасибо, Ринжина.

Она стояла ко мне спиной, пялилась в мониторы, которые разукрашивали помещение во все цвета радуги. Сверкали лампочки её серверных, словно рождественские огоньки. Я позволил себе выдохнуть.

Вот и всё. Данные у меня, ключ тоже. Посмотрю, скопирую, щепку отдам Миротворцам, Четвёртая от них уйдёт и дальше всего каких-то три года и я смогу осуществить свой план. А с помощью Марго может быть будет чуть-чуть попроще. Перетяну её в отдел, Лидию уволю, ещё людей найму.

Ринжина медленно достала пистолет, направляя его на меня:

— Ничего личного, но мне предложили больше, — тихо произнесла она, никуда не спеша и целясь аккуратно в голову.

Один из бугаёв резко вскрикнул — Четвёртая вступила в игру, решая, что план провалился. Краем глаза я видел на лице бугая застывшую гримасу боли. Он медленно упал там, где стоял.

Тётя Ри замешкалась, растерялась, не понимая, что происходит, принялась ломать мне систему вместо того, чтобы просто вырубить. Второй бугай направлялся ко мне. Я дёрнулся, но он схватил меня за руку, после чего руку отпустил и схватился за пистолет, приставляя его к виску.

— Нет-нет-нет! — прокричал он и вынес себе мозги.

Ринжина вышла из ступора, набралась уверенности и выстрелила.

Я нырнул под падающего окровавленного бугая достаточно вовремя, чтобы пуля срикошетила дважды и больно ударила мне в ногу плашмя, оставляя большой синяк. Ринжина чертыхнулась, выстрелила ещё пару раз наугад, а я сделал перекат в сторону двери.

Четвёртой на стуле уже не было.

— Где ты? Ты только что был здесь? — кричала тётя Ри.

Я замер у двери, не шевелясь. Она смотрела на меня большими глазами, целясь немного в сторону от меня. Выстрел — пуля улетела куда-то в дверной проём, просвистела около правого уха.

Я вышел из оцепенения и рванул в выходу, взбираясь по лестнице.

— Чего застрял? — крикнула на меня Четвёртая.

Это всё её рук дело! Умея пользоваться протоколами безопасности, можно творить откровенную грязь и никто не заметит.

Нога болела, я ковылял периодически поглядывая назад, но Ринжина на коридоре не показалась, а если и бежала за нами, то мы не видели. Мы, пыхтя, взбирались по лестнице. Синяк на ноге пульсировал, отдавал болью при каждом шаге, но я стиснул зубы и шёл. Это

была меньшая из наших бед.

— Ты меня вытянула.

— Береги дыхание.

— Спасибо.

— Шон, дыхание... — пыхла она.

Да и я пыхтел, но остановиться мы решили только оказавшись у массивной двери.

— Шон! — глаза Четвёртой округлились.

— Что случилось?

— У меня нет связи с кластером Миротворцев.

— Они не могли ничего узнать. Это просто невозможно.

— А вдруг у них ещё какие-то протоколы есть для отлавливания таких, как я?

— Не паникуй, выберемся.

Но я всё же был на стороже. Слишком хорошее место для засады — один единственный выход.

Я снял микрокамеру — оптический фокус номер три — с виска. Четвёртая помогала выковырять его из сокета, заняло какое-то время. После я достал «паучьи ножки» (часть моего проекта «паучье логово») из внутреннего кармана. Жаль, что снайперки со мной не было, но и так пойдёт.

— Марго, я думаю ты зря волнуешься. Скорее всего просто связь не успела восстановиться после оффлайна в шахте.

Я приделал ножки к камере, приоткрыл дверь и выпустил паучка, следя через него за обстановкой. Долго я карабкался им к окну, запоминая расположение всех предметов. Стоило мне влезть в окно, как связь оборвалась.

— Нет, похоже ты права, — помрачнел я.

— И вот вечно я жду до последнего, — буркнула она и решительно подошла ко мне.

Она страстно поцеловала меня в губы, обменивая наше драгоценное время на казалось бы бессмысленные нежности.

— Больше ждать не стану! — выдохнула она, покрасневшись. — Что делаем?

Сзади, где-то глубоко внизу послышались чертыхания. Ринжина всё же шла по следу. Думать нужно было быстро, решать что-то прямо сейчас.

Я снял куртку.

— Ты сиди пока здесь, попробуй не попасться Ринжине, и прикрой мне спину. Если это какие-нибудь наёмники Ринжины, чтоб нас не выпустить, то я с ними разберусь.

Я перепроверил обоймы — три полных и четвёртая в пистолете. Передёрнул затвор, выкидывая из патронника трассирующий холостой — игра на выживание не прощает ошибок. Перепроверил софт для синаптических ускорителей, выдохнул и бросил куртку, а сам бросился тут же следом.

Цвиркнула пуля по бетонной стене, выбивая лунку. Второй оптический фокус сканировал окна — снайпер на высоте второго этажа, значит можно спрятаться. Согнувшись в три погибели, я побежал к окну и увидел залетающую гранату.

Сработали по моей команде синаптические ускорители. Я смог прицелиться и выстрелить, а сам упал на пол. Граната сдетонировала, не долетев, погрузив комнату в мелкую крошку и бетонную пыль. Я раздобыл своего паучка, высунул его на дуле пистолета в оконную раму, связываясь с ним через древнюю технологию «ГолубойЗуб». Этот сигнал не глушили, чего и следовало ожидать.

Сердце колотилось, а я выдыхал. Пока в безопасности. Как там у Четвёртой дела?

Я увидел их. Четверо, идеально вооружены, с автоматами, а один со снайперской винтовкой укрылся в соседнем здании. Те, что были поближе ко мне, переговаривались и я был уверен, что слышу голос Седого.

Я быстро перекатился к стене без окна, затаился у двери. Что я могу? У меня один только пистолет! У них там всяких приبلуд хватает.

...Запрос на подключение от 4...

Принять! Хуже уже не будет.

— Ринжина запыхалась и чертыхается четырьмя этажами ниже, время есть, но его мало.

Жди дронов, но не шевелись.

— Понял.

Затаив дыхание я наблюдал, как влетевший боевой дрон вдруг заискрился и врезался в стену. За ним такой же участью закончилось существование второго.

— Не высовывайся. Дронов три.

— С людьми так можешь? — бросил я в своей голове.

— Нет, меня отключили от кластера. Какого хрена?

— Сама их потом спросишь.

— Мы все умрём! — она всхлипывала.

— Четвёртая!

Она замолчала.

В комнату впрыгнул человек, направляя в меня автомат. Я ухватился за дуло, отвёл в сторону, направил на него пистолет. Он схватил меня за руку, отводя пистолет в сторону. Я не сопротивлялся его захвату. Запустив синаптические ускорители, я наблюдал за тем, как баллистический сопроцессор услужливо вычислял траекторию. Он отводил пистолет, а я дождался момента и нажал на спуск. Пуля прилетела ему в колено, броню, однако, не пробив.

Тот не ожидал такой прыти от офисного работника, завалился на один бок, но устоял. Выпустив из рук автомат, он принялся работать руками, первым же ударом выбив у меня пистолет из рук. Я уклонился от одного джеба, от второго, удар по корпусу принял локтём и почувствовал жгучую боль в руке.

Не смотря на то, что противник был бронирован, на моей стороне были двадцать пять лет боевых искусств.

Отведя очередной удар я перехватил его руку и скрутил в сложный захват, задействуя синтетические мышечные волокна, выводя его из равновесия. Пока он соображал, что к чему, я подставил свой пистолет к его шее и нажал пару раз на спуск: два хлопка, но броня выдержала, однако человек принялся хвататься за шею, задыхаясь.

Я оттащил его, схватил автомат и судорожно принялся соображать. План был прост: влезть в его экзоскелет и драться на равных.

На пороге появился ещё один, наставил на меня пистолет и выстрелил в пол.

— Не двигаться! Приказ был брать живьём.

— Потому в меня снайпер стрелял боевыми и граната прилетела?

— Не ёрничайте, молодой человек.

Я его узнал. Это был Седой.

— Второй! — скомандовал он.

Забрало опущено, всё внимание на меня. Я при всём желании сделать ничего больше не

мог. Всё, мы проиграли?

Ему никто не ответил.

Из-за двери вынырнула Марго, выстрелила раз, второй. Пуля попала Седому в шлем, срикошетила на улицу. Марго шла и стреляла, но я видел, что всё бесполезно. Лицо её, заплаканное, выражало бесконечную злость и скорбь. Она знала, что сейчас он переведёт пистолет в её сторону и она умрёт, но она не сомневалась в своих поступках.

Однако он вдруг вскрикнул, принялся хвататься за шлем. Руки в перчатках соскальзывали. Он, наконец разобрался с забралом, открыл его.

Рот его открывался, словно у рыбы, хватая воздух. Из глаз текли кровавые слёзы. Он побледнел, высовывая язык, словно змея, и принялся заваливаться набок.

— Это не я, — удивилась Марго.

Я пытался встать.

В проходе появилась Лидия: в привычной амуниции, с собранными в хвост белыми волосами. В руках она держала бронебойную «малютку» — крупнокалиберный револьвер. В барабане было ещё три патрона.

— Я вовремя, — выдохнула она. — Кто там? — кивнула она за железную дверь.

— Моя знакомая, у неё пистолет, — переводя дыхание, выдал я.

— Идите к машине, я разберусь.

Марго посмотрела на меня. Я кивнул, поднимаясь. Нога болела сильно, ещё и по рёбрам прошлись. Держась за стенку, я принялся ковылять к выходу. Четвёртая застыла в проходе.

Краем глаза я видел, что Лидия провожает нас взглядом. Она направила пистолет на Четвёртую. Сработали синаптические ускорители. Я рванул к Четвёртой, сбивая её.

Грохот выстрела.

Я вывалился на улицу, тёплое тело Марго повалилось сверху.

— Ты в порядке? — тут же выпалил я. — Лидия, что это такое?

Марго не шевелилась. Я выбрался из-под неё, подползая на четвереньках, сдирая колени в кровь: глаза открыты, из разmozжённой черепушки свищет кровь. Выстрелом ей снесло всю заднюю часть черепа. Её лицо так и застыло в недоумении.

Удар под рёбра я пропустил. Меня вырвало утренним мясом со спагетти Марго на живот. Всё потемнело, лишь глаз с алыми капиллярами, обрамлённый в шестигранник, мелькнул в сознании.

— Лидия... — прохрипел я отплёвываясь.

— Ты жалок. Всегда был нищобродом, нищобродом и помрёшь. Где данные?

Она обшарила меня и её движения не были нежными. Достав из кармана щепку, она посмотрела мне в глаза, улыбаясь:

— Таким пресмыкающимся и ничтожным ты всегда у меня вызывал бурю эмоций.

Она чмокнула меня в щеку и откинула ногой.

Я приложился головой об асфальт и какое-то время не мог шевелиться, лёжа в луже крови, которая натекла из-под расквашенного затылка Марго. Первой и единственной, кому я доверился. Я видел её бездыханное тело, видел её открытые глаза и абсолютно бледное, безжизненное лицо.

Силы покинули меня окончательно.

Интерлюдия 2. План, которого не было

Приглушённый свет, журчание воды. Можно было бы подумать, что это пляж на берегу моря или озера. Но нет, во Фреске не осталось ни морей, ни озёр, у вод которых можно было бы спокойно лежать. Это была квартира с бассейном посередине, несколькими фонтанами, приглушённым синим светом неярких круглых ламп на потолке, с подсвеченной текущей водой.

Лидия плавала в бассейне лениво, задумчиво. Её мысли потревожил стук в дверь. На пороге оказался Самото в чёрном деловом костюме, совсем не такой, каким он бывает в личном кабинете.

— И? Так и будешь стоять и молчать?

— Мои данные всё ещё не у меня, — сухо отозвался Самото.

— У Шона их тоже нет, можешь не переживать. Что?! Он жив, я проверила. Так, по рёбрам надавала.

Самото вздохнул:

— Зачем они тебе?

— Ты до сих пор мне не веришь? А как же всё, что между нами было? — Лидия опёрлась спиной на край бассейна, вытягивая из воды стройную ногу.

— Не играй.

— Для того, чтобы ты не кинул меня, вот зачем. Как жаль, что у меня их нет, — она улыбнулась.

— Значит нужно начинать раньше. Система отлажена.

— С дырами в безопасности?

— Откуда... — но Самото догадывался, откуда она это знает. — Придётся нам принять возникшие риски.

Глаза беловолоосой девушки округлились, она вылезла из бассейна, аккуратно ступая по голому кафелю.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Угомонись! Такое делается только со спокойной головой.

— Ты просто не даёшь себе права осознать, — облизалась она.

— А ты слишком торопишься. Выдала себя.

— Ну выдала, и что? Зато теперь Шон действительно сам по себе.

Самото первый раз за всё время улыбнулся, развернулся и вышел.

Глава 6. С меня хватит

Постанывая, я приподнялся на локтях: в глазах плыло, нога не слушалась. Придерживая за шею я попытался схватить Марго. Просвистела пуля, разбила боковое заднее стекло моей «победы». В дверном проёме стояла Ринжина. Её тёмная кожа сияла в свете солнца от грязи, пыли и пота. Она тяжело дышала, держа пистолет на вытянутых руках.

— В следующий раз я не промахнусь.

— В следующий раз ты не выстрелишь, — стиснув зубы, произнёс я и подхватил, наконец, Марго, напрягая спину, чтобы подняться.

Она выстрелила, снова мимо меня.

— Данные уже не у меня, можешь не стараться, — крикнул я.

От чего-то совсем не было страха. Только тошнота и осознание, будто я упустил что-то очень важное.

— Мне нужно срочно уезжать, Марго нужна помощь, — буркнул я.

Ринжина посмотрела на девушку у меня на руках, перевела безумный взгляд на меня. До меня начинало доходить:

— Ты сдала нас! Ринжина, это всё ты!

Я не отпускал Марго, но до машины доковылять не мог, стоя на месте. Какой бы миниатюрной она ни была, я пытался удержать на руках взрослого человека.

— Шон! — в сердцах бросила она. — Я тебя ненавижу! Ты снова меня впутал в какую-то авантюру, из которой нет выхода. А всё потому, что спутался с Миротворцами. Кинь эту тварь и поговорим!

— Закрой пасть, — обожгло меня её отношение. — Мы поговорим, но не сейчас и не так, как хотелось бы тебе, продажная ты тварь!

— Я не... — она хотела сказать, что не сдавала, но это было ложью. — Миротворцев тут быть не должно было. Я получила заказ от людей Аманды Виктори. Шон, взгляни правде в глаза. Это всё твоя сучка устроила, она тебя подставила!

— И слушать не хочу... — буркнул я, ковыляя к машине.

— Мы не поговорим! Следующего раза не будет! — кричала она вслед. — Нужно бежать, прочь из города! Перейти дорогу корпорации...

Да, знаю, — грустно подумалось мне. — Сам же говорил, что это самоубийство.

А ведь победа была так близко. Взять щепку, передать куда надо, слить себе информацию, шантажировать, сократить срок... Победить всех! Впервые за свою жизнь выиграть не битву, а войну.

Лидия, зачем это тебе? Почему ты помешала? Зачем отобрала данные? Почему унизила меня после всего, через что мы прошли? На кого ты работаешь? Почему мне мерещится этот глаз? Почему ты вообще тут появилась, когда должна была быть на похоронах Майклсона?

— ...Глория бы расстроилась, увидев тебя таким... — уже чуть тише сказала Ринжина напоследок.

Я развернулся, бросил гневный взгляд:

— Манипулировать мной именем моей матери? Как же низко ты пала?

— Манипулировать? Я хочу тебя сберечь! Ты мне почти как сын!

Она подбежала ко мне, пряча пистолет.

— Почему, зачем ты во всё это ввязался?

— Говорит та, которая хотела сама меня застрелить.

Она достала пистолет. Только теперь я увидел, что это не боевой, а очень похожий на боевой травматический.

— Из этого?

Она швырнула травмат через дорогу, угодив им в гору мусора. Подбежав ко мне, она хотела что-то сказать, но я остановил её.

— Открой мне дверь в машине.

— Зачем тебе это тело? Что ты будешь делать?

— Это не тело, это Марго, и я ей должен. Ей нужна помощь.

— Как?..

— Ринжина, блять! Открой чёртову дверь и пиздуй отсюда!

— Не горячись... — смутилась она.

Я уложил четвёртую на заднем сидении, пристегнул, вколол ей медицинский комплекс первой помощи.

— Мальчик мой, мне так тебя жаль.

— Ты плачешь, что ли?

Ринжина обняла меня, потрепала по волосам.

— Совсем лишился рассудка. Почему ты не дался мне? Всё было бы хорошо...

Она всхлипывала. Я взял её за плечи.

— Прячься. Удачи тебе.

Я сел за руль и газанул со старта, выруливая на дорогу.

— Сейчас, Четвёртая, я отвезу тебя в безопасное место. Я всё ещё называю тебя так, прости. Не могу перестроиться. Очнёшься, проспишься и всё будет хорошо. И что это за смутное чувство тревоги у меня в груди? Будто уже ничего нельзя вернуть. Будто ты... Ты же не мертва! Ты же просто без сознания!

Глаза защипало.

А вдруг она всё же мертва?

Трейлерный парк был пуст, не считая нескольких бедолаг на самом его краю. Сюда уезжали те, кому не доставалось место в городе даже в роли бомжа. Здесь не работала часть имплантов, территория была вне медицинского обслуживания, не было даже трубопровода. И всё же здесь сейчас было относительно безопасно.

Я вышел из машины, прошёл к своему трейлеру и остановился. Немного поразмышляв, я направился к соседнему и долго ковырялся в замке, вскрывая его. Вроде трейлером давно никто не пользовался: внутри воняло пылью и чем-то кислым. Я открыл форточку, но это не помогало. Солнце жарило, разогревало эти консервные банки.

Схватив Марго, я принёс её и бережно уложил на кровать, подкладывая под голову подушку.

Холодная, тело одеревенело, губы синие, глаза открыты. В голове дыра размером с кулак. Я сел в кресло, совершенно не понимая, чем же я думал и что делал...

Стакан с выпивкой в руках я держал крепко, а вот стены бара «Баламут» уже начинали шататься. Бармен услужливо налил вторую, протянул сидящему рядом Вирру. Вояка был трезв, я же пьян уже почти в стельку.

— Что случилось? — с опаской спросил он. — Зачем ты меня вытянул?

— А я и не знаю... — пожал плечами я. Язык слегка заплетался, мысли в голове путались. — С-суки эти...

— Кто?

А действительно, кто?

— Все, — развёл я руками. — Вот он, и он, и вон тот с отдела маркетинга, — стал тыкать я пальцем, а мой сопроцессор отмечал их как цели. — Корпоратские крысы, изнеженные и обнаглевшие, грызущиеся за власть.

Он посмотрел на меня с неодобрением.

— Я понимаю, что Майклсон умер, там у тебя что-то утром ещё случилось странное. И это, помнишь про долг? — он с сочувствием посмотрел на меня. — Забудь про него.

Я посмотрел на него с прищуром. То есть Вирр больше в меня не верит? Не верит даже, что я долг смогу отдать? Подумаешь, какая-то консерва! Слышать об этом было неприятно.

— Сколько ты уже тут сидишь?

— Бармэн? Сколько я уже напил?

— 2200, - сообщил бородач.

— Тебе хватит, пошли отсюда.

— Никуда я... не пойду! — я присосался к стакану. Руку неожиданно повело и я часть пролил себе за шиворот. Я всё ещё соображаю. Это невероятно больно — соображать. — Ещё!

Я хочу перестать соображать. Перестать видеть этот проклятый мир. Проклятый Мелиссой за то, что люди... А что они сделали? Чем мы так провинились, что заслужили всё это?

Я развернулся и опёрся о соседний столик.

— Чем ты провинился? — спросил я у здорового парня, сидящего за столиком.

— Да, вроде, ничем. Приятель, присаживайся, но тебе, кажется, хватит, — с добродушным высокомерием произнёс он.

— Думаешь, что знаешь меня лучше, чем я сам? Я! Это я здесь решаю! Я знаю, когда мне хватит, а когда нет. Это вам всем хватит!

Я встал, окинул бар поплывшим взглядом. Мой мозг уже успел отметить всех как цели. Всех, кроме Вирра. Тот подошёл ко мне, схватил за локоть. Я отдёрнул руку.

— Хватит быть крысами! Хватит тащить только себе в нору! Хватит идти по головам!

— Парень, заткнись, ты мешаешь отдыхать, — крикнул кто-то.

— Это же Шон. Шон, ты пьяный! Угомонись! — крикнули с дальнего столика.

— Вы уроды, я вас ненавижу! А сам я главный урод и ненавижу себя больше всех...

Я сел прямо на пол, сложив ноги. По щекам потекли слёзы.

Я чувствовал себя маленьким и беспомощным ребёнком, которого порол отец за то, что я отказывался делать домашку и сбегал от своих учителей. А мне хотелось лишь поиграть с друзьями. Тогда они у меня ещё были.

Зал быстро обо мне забыл. Вирр постоял надо мной, после плюнул и пошёл прочь. Впрочем, кто он мне? А я ему кто? Если меня продала подруга матери, которая обещала за мной приглядывать, то кто я для обычных людей?

Отец всегда был одинок. Даже девушек у него никогда не было, даже проституток. Личный консультант проводит с ним по двенадцать часов каждый день и всё равно знает только рабочие моменты. Его коллеги знают о нём только необходимое. Скрытный, скупой на слова, холодный. С кем он разговаривает?

Я свернулся калачиком, глядя, как меня переступает какая-то пара, зашедшая в паб. Всем было насрать.

Памятный камень, текущая река. Я сидел рядом и молчал. Ирви тоже молчала.

— Почему ты хочешь всех убить? — вдруг проронил я.

— Ты в странном настроении сегодня. Будто бы закрылся.

Её бледное исхудалое лицо было серьёзным и, казалось бы, расстроенным.

— Я хочу всех убить, — устало проронил я и зевнул. — Я же сплю, как я могу ещё хотеть спать?

Она похлопала себя по коленям.

— Ложись.

— Тебе будет тяжело, — смутился я.

Она ж словно тростиночка.

— Ничего, — улыбнулась она. — Я могу потерпеть. Ложись, пока я не передумала.

Я лёг, сложив руки на груди, глядя на неё снизу вверх. Камень упирался в спину, но лежать было приятно, словно на перине. И будто бы проблемы переставали быть проблемами.

Она принялась гладить меня по волосам, а я начал рассказывать. Она слушала вовлечённо, иногда спрашивая что-то или уточняя, переспрашивая о моих предыдущих днях, выясняя какие-то одной ей понятные подробности. Когда я дошёл до момента, как привёз Четвёртую в трейлерный парк, глаза мои защипало.

Я резко сел.

— Ты убрала мою боль. Не знаю, как так вышло, Ирви, но ты смогла! А ещё моя жизнь стала чуть-чуть легче, когда я встретил тебя. Четвёртая... Не хмурься, она всё же реальна, и ты разрешила. Четвёртая действительно хотела помочь.

— Я хмурюсь не от того. Тебе только кажется, что твоя жизнь стала легче. Чего ты хочешь?

— Воскреси её! Прошу тебя, умоляю.

Я встал на колени, целуя её ноги.

Она попыталась отодвинуть меня от себя руками. Я поддался и отодвинулся сам.

— Шон, — её блеклые глаза блестели от слёз. — Мне ужасно жаль, но... Я не могу.

— Почему? Ты убрала последствия сотрясения! Ты смогла повлиять на мою реальность из сна. Это ведь не простой сон? Это не просто ошибка когнитивного модуля!

Она закрыла лицо руками, всхлипывая.

Я сел рядом. Она потянула меня к себе. С тем же успехом муравей мог тянуть слона. Но я подчинился, лёг ей на колени.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — произнесла она, вытирая слёзы. — Я потеряла однажды самого дорогого человека, с которым мы прожили бесчисленное количество времени вместе. Его заманили в ловушку, долго пытали... — Она снова всхлипнула, слёзы катились у неё из глаз. — Я кинула всё, задвинула все дела. Я искала его. Каждый час, каждую секунду. Я знала, что времени у меня всё меньше и меньше. Он продержался десять долгих дней, но я так и не нашла его живым! — она стиснула зубы.

Я прикрыл глаза. Мне было больно видеть её такой.

— Почему, Шон? — всхлипнула она.

— Почему «что»?

— Почему ты согласился? — вздохнула она и погладила меня по голове. — Я иногда злюсь на тебя за то, что ты мешаешь мне ненавидеть. Делаешь мой мир серым.

— Серым? Лишённым красок?

— Нет. Серым — не поделённым на чёрное и белое.

Солнце садилось.

— Ирви, я не могу так дальше жить. Что мне делать?

Она пожала плечами.

— Что хочешь, только возвращайся ко мне.

— У меня нет сил... — взвыл я. — Я боюсь, что у меня их не хватит, чтобы к тебе вернуться.

— Тебе пора, — произнесла она и наклонилась ко мне, целуя меня.

Мурашки побежали по телу.

Я встал, отряхнулся, поправил волосы, падающие на глаза.

Она смущённо перевела взгляд своих блеклых глаз на журчащую воду, потом вновь посмотрела на меня.

— Я очень хочу, чтобы ты вернулся, — сказала она и встала с камня, подходя ко мне и обнимая меня. — Я привыкла к тебе. Каждую ночь я слушаю рёв виверн и думаю, что за этой ночью настанет утро и, возможно, ты придёшь. И расскажешь мне что-нибудь. А я тебя выслушаю и...

— И мне станет легче, — улыбнулся я, боясь её сломать.

— Но я очень хочу, чтобы ты вернулся. Не пугай меня, не шантажируй!

— Я не шантажирую. Я с тобой честен. Я заснул на полу в пабе, может меня уже на улицу выкинули спящего, может обворовали или избили. Без денег, без работы, без сил.

— Но с мечтой.

— А толку?

Она нервничала и что-то хотела сказать, переминалась с ноги на ногу. Это было что-то очень важное, что-то, на что она не могла решиться.

— Это всё закончится быстрее, — вздохнула она. — Но лучше я тебя увижу хотя бы ещё один последний раз, чем больше никогда и буду оплакивать твоё тело так же, как... — она закрыла лицо руками, а когда открыла, в глазах горел огонёк, а на щеках пылал болезненный румянец. — Я проклинаяю себя за то, что говорю это, но тебе не нужна сила, тебе нужна вера. А теперь иди, и не оборачивайся!

Она попыталась развернуть меня, но точно так же мог пытаться человек повернуть гору. Я повернулся сам, пошёл прочь, но напоследок обернулся. Она стояла, ударяя указательными пальцами друг о друга и загадочно улыбалась.

Раньше, чем я успел открыть глаза, меня вырвало.

Вонь с большой буквы.

— Боже, как мне плохо. Зачем я... Вчера, сегодня?

Царила ночь. Свет фонаря падал на мусорку, рядом с которой я лежал. Куртку и ботинки с меня сняли, выковыряли даже третий оптический фокус из гнезда. Хотя, может я его просто потерял вчера? Или это всё же сегодня?

На карачках, я встал и выпрямился.

«Тебе не нужна сила, тебе нужна вера».

— Нет, Ирви, вера мне сейчас... — я словил спазм, едва удержал содержимое желудка. — Господи, как же плохо...

Дыша через рот, я в носках побрёл к машине. Там должна была быть бутылка с водой. Путь этот мне казался бесконечным. Я озирался по сторонам, чтоб ненароком не угодить под кулак какого-нибудь особо ретивого бомжа-людоеда, который вдруг увидит во мне

поздний ужин.

Горло саднило. От меня разило кислятиной.

— Что я пил?

Я проверил баланс. Копейки какие-то ещё оставались.

В моей машине кто-то сидел и безапелляционно слушал музыку.

— А ну вон отсюда! — взревел я и закашлялся, хватаясь за место, где должен был быть пистолет. Но и пистолет я проебал вчера. Или сегодня?

Два пацана в безрукавках и с разного цвета ирокезами переглянулись.

— Шёл бы ты отсюда, дядя. Мы первые её нашли, — выдал парень с красным ирокезом.

Я приоткрыл дверь. Он, бычась, встал с кресла, высовываясь на улицу. Я размахнулся дверью, ударил раз, второй, третий. Хрустнули попавшие в щель пальцы, хлынула кровь из разбитого носа. Я открыл дверь полностью.

— Что за херня?! — взъелся его друг с синим ирокезом.

— Выметайтесь, петухи... — устало произнёс я, и добавил: — Водички не найдётся?

Но они уже драпали.

Я сел, вляпавшись в чужую кровь. Пошарил по бардачку, открыл багажник, нашёл старую бутылку, не чувствуя затхлого запаха выпил её до дна, стараясь удержать её в себе, сел за руль, вздохнул.

— Эх, Ирви-Ирви. Чем мне поможет вера? Ты так тонко издеваешься надо мной?

Но она говорила серьёзно. Она будто бы разглашала мне секретную информацию, которую говорить нельзя.

Так, стоп. Я же отдаю себе отчёт, что Четвёртая мертва, а Ирви — плод моего больного воображения? Но думать об этом было больно. Словно в гнилой зуб иглой тыкать. Раз за разом.

— Не. Хочу. Я не хочу, — тело расслабилось, в голове посветлело. — Ха-ха, разве так можно было? Я просто не хочу, — изнутри принялась подниматься радость. — Я ничего не хочу. Я уже не отличаю вымысел от реальности.

— Ты уже сам с собой разговариваешь, — сказал я себе.

— И что, что я разговариваю сам с собой!?

— погоди, прими реальность, не убегай от неё — будет только хуже.

— Хахаха, не хочу! Не хочу и не буду я сам себя слушать. Ты, Шон, втираешь мне какую-то дичь. Нам плохо, зачем делать хуже?

— Что за детский сад? Давай, мужик, ты ж крепкий, соберись!

— Ирви реальна, а Четвёртая жива! — ударил я по рулю и сработал клаксон.

— Ты же знаешь, что это не так!

— Бебебе, ти зе знаесь, съто ето не тьяк, — передразнил я самого себя и сплюнул на пол кислой слюной. — Иди ты в жопу!

И он замолчал.

Я замолчал.

И перестал отличать, где был я, а где не я. Потерял часть себя.

— Сошёл с ума? — с горечью подумал я.

Но боли больше не было. Лишь тянущая пустота. Мне не обмануть себя, сколько бы я не пытался. Сейчас голос разума замолчал, но он наберётся сил, проснётся и возьмёт верх. Рано или поздно. Но не сейчас!

Ехал в трейлерный парк я медленно, особенно выезжал из города, который даже ночью

был довольно оживлённым местом. Выехав за город и включив круиз контроль, я краем глаза почитывал сообщения.

Из бухгалтерии — просрочка документов, штраф и репутационные санкции. Моя репутация опустилась до средней, больше не смогу пользоваться некоторыми корпоративными услугами, а к концу недели мне приставят наблюдателя, которому я должен буду отчитываться.

Из университета — завтра последний срок сдачи четырёх задолженных мною работ. В случае несдачи я не допускаюсь к сессии и вылетаю с курса.

От отца...

— Шон? — голос отца холоден и бодр, будто и не спал.

— Да, я, — улыбнулся я.

— Что за представление ты устроил?

— Быстро же меня сдали. Вирр?

— Не важно. Ты являешься лицом компании. Это недостойно...

— Я не твой сын. Ты не мой отец. Мне от тебя ничего не надо. Я умру на помойке, отстань от меня.

Он вздохнул.

— Ты так быстро сдался? Для того, чтобы быть Йомсбуром, нужен стержень!

— Есть он у меня! Тебе ещё двадцать лет доказывать илипустишь меня наконец рулить делами?!

— Терять терпение...

— Недостойно. Знаю. Мне похуй! Я ебучий волнорез, с меня хватит!

Я положил трубку и расхохотался. Что-то съезжало со своего места, но что-то на место вставало.

«Ты пьян, поговорим в четверг. Ты отстранён на два дня от работы. Завтра я направлю к тебе проверку, готовься», — письмо от Альфри Йомсбура.

Что-то ёкнуло в груди, но я усилием воли задавил внутреннего паникёра. Я нужен Ирви, она реальна и ждёт меня, я не имею права слушать какой-то бред.

— Это бред одного из трёх самых...

— Иди в жопу и не вылазь оттуда. Ещё раз вякнешь и я пойду и пристрелю этого самого одного из трёх, понял?!

Я ударил по рулю, сработал клаксон, приведший меня в чувства.

Когда я подъезжал к трейлерному парку, я выключил фары и ехал медленно, после чего за сотню метров вообще вышел из машины и крался пешком. К моему счастью за мной никто не пришёл. Я никому не был нужен, ни отцу, ни Миротворцам.

Я зашёл в трейлер и сел в тёмном углу, потирая виски. Пока я ехал, я методично выкидывал из головы то, что мне «надо» сделать. Медленно, но неотвратимо там образовывалось место, которое я полагал нужно заполнить тем, что я «хотел» сделать. А хотел я подойти к Лидии, нежно обнять её за шею, повалить на матрас и душить, пока она не посинеет, и после этого душить ещё столько же. Но она пока была вне зоны досягаемости.

— Давай немного подумаем, хорошо? — попросил я себя.

Всё ещё тошнило.

«Ты не спишь? Смог найти мне шаблон?» — сообщение от Юдоры из бухгалтерии.

«Завтра в восемь утра у Вас пересдача по семинару об оружейном деле», — сообщение из деканата.

Всем от меня что-то надо. Стоило начать думать об этом, как силы тут же принялись меня покидать и я потряс головой.

Задача на исключаящее третье: есть Йомсбур, Ашура и Виктория. Йомсбур крадёт данные, но не те, его кто-то подставляет. Крадёт у Ашуры, значит не Ашура. Виктория — элементарно. То есть Лидия, которая работает на Аманду Виктори. Как доказать? Нужно...

В голове принялся вызреть план, но один я его не выполню.

Я позволил плану вариться в моей голове. По крайней мере до утра. А дальше решу, что делать и на кого давить. Мне, всё же, ещё Само то услугу должен за информацию.

В трейлере я занавесил окна и включил неяркий свет. В сторону Четвёртой я не смотрел, медленно приходя в себя. Умывальник с пустым баком, выключенный и неработающий, заросший пылью холодильник. Полки с напечатанными книгами, которым было больше сотни лет. Я взял одну и она развалилась у меня в руках: «Сказ о трёх». Я знал его, мне мама его читала.

История мерзкая, потому что до тошноты пропагандистская.

— Все мы прокляты Мелиссой. За что, только, непонятно. — Я сел напротив кровати, глядя на лежащее в темноте женское тело. — Вначале было Полотно, бесконечное и переливающееся всем. Там был страх, была боль, была радость и любовь. Полотно было из стекла, и больше ничего не было, кроме проклятой Мелиссы. Тогда она не была проклята, но стала, кинув в Полотно камень... Ага, ничего не было, а тут и Мелисса появилась, и камень где-то нашла... Полотно пошло трещинами и рассыпалось на множество осколков. Совершенное стало несовершенным, и из этого несовершенного Мелисса сложила Фреску — наш мир. Лоскутное одеяло полей, лесов, пустынь, гор и морей. И трещины рек на Фреске. Она сложила осколки и появилась жизнь.

Я прошёлся по страницам текста, разглядывая картинки.

Мелисса изображалась с рогами, с кошачьими глазами и клыками. Люди стояли у её ног на коленях, протягивая осколки той самой Фрески.

— Ну и Мелисса тут вообще ни при чём. Жизнь просто появилась, — ухмыльнулся я. — А дальше Мелисса стала требовать, чтобы каждый живой находил осколок, и нёс ей. Она хотела вобрать Полотно в себя. Те, кому удавалось, сбегали от злой Мелиссы и возвращались в великое единое Полотно, восстанавливая его, искупая грех своей богини. Но Мелиссе было мало, и однажды она решила, что не станет ждать, пока люди умрут, а убьёт их раньше. Все боялись её, кроме трёх людей, родных по духу: старшим был Ашура, средней Виктория, а младшим Йомсбур.

Эта история поднимала во мне отвращение. Её неприятно было читать. Я словно знал, что каждое слово из этого — враньё. Но не просто враньё, а как новость в газете — перевёрнуто с ног на голову. Откуда была такая уверенность, понять было невозможно.

— И трое родных по духу вызвали Мелиссу Злую на бой, победили её и все зажили счастливо. Вот и сказки конец. А как победили-то, а, Четвёртая? Вот так никто не мог победить, а они взяли, да победили?

— Они были не просто людьми. Это были магистры великих орденов, главы трёх величайших родов, могущественные и мудрые, — произнесла Четвёртая, повернула ко мне голову и улыбнулась. — И победили они не просто так. Они устроили ей хитрую ловушку, потому что в прямой схватке у них не было ни единого шанса.

Я замер.

— Ты мёртвая. Мёртвые не разговаривают.

— С чего ты взял? — перевернулась на бок Марго, прилипнув волосами к подушке.

— С того, что я видел много мёртвых и ни один из них не говорил.

Марго дёрнулась.

— Ай, что это такое? Ау, как больно. Чем ты меня облил? И куда меня привёз?

— Тсс, — я приложил палец к губам. — Мёртвые не говорят...

Я подсел ближе, голова моя шла кругом.

Впрочем, я не верил, что она мертва.

— Да тебе мерещится просто, — заявил я сам себе.

— Кто это из жопы тут вылез и повякивает, а?! — огрызнулся я на себя. — Лезь обратно!

Четвёртая на меня смотрела большими глазами.

— Шон, что с тобой?

— Всё совершенно нормально, Эмэм.

— Кто-кто?

— Сокращение от Мёртвая Марго.

...Несанкционированный доступ...

Да плевать.

— Ну что там видно? — нахмурился я.

— Тебе в больницу нужно, срочно. Тебя подкорачивает!

— Никуда я не поеду, мне и так хорошо, — отмахнулся я.

Четвёртая села с приклеенной к волосам подушкой, не замечая даже этого.

— У тебя перегрузка системы. Загрузка процессора на восемьдесят процентов в холостом режиме, потому что... У тебя система на дополнительный раздел стала, ещё и криво. Теперь у тебя работают две системы одновременно: одна из бэкапа, а вторая чистая! Так и знала, что из бэкапа будет сложно восстановить на твоём железе... Срочно!..

— Тсс, — шепнул я и поцеловал её в губы. — Всё в порядке. Я просто сошёл с ума. Ничего страшного.

Я взял бутылку с пола, открутил крышку и стал лить Марго на голову. Она принялась верещать и отбрыкиваться, пару раз зарядила мне пощёчины, а я будто бы и не чувствовал боли. Подушка намокла, отлипла и отвалилась. Она проморгалась, вытирая глаза. Я краем своей майки вытер ей лицо.

— Слишком резкое преобразование... — закусила губу Четвёртая, убирая мокрую прядь с лица и трогая затылок, что-то вспоминая.

Я откинул свою рациональную часть, принимая наконец, что я сумасшедший. А если это всё не более чем моё воображение, но неотличимое от реальности, как сон об Ирви, то я назову это реальностью и никому не разрешу говорить иначе.

И только решив это, я сгрёб её в охапку, пусть она и была мокрой и грязной, а я вонючим.

— Как же я рад, что ты жива! Я не мог...

Поверить. Я не мог поверить в её смерть! До меня дошло. И не важно, сколько сил, мне нужно лишь поверить! Но тогда, когда всё против тебя — это очень сложно сделать.

«Лопух, это всего лишь твоё воображение!» — кричал в моей голове запертый я.

Глава 7. Беловолосая Бестия

Всю ночь мы не спали, но совсем не потому, что вели себя как воссоединившаяся влюблённая пара и занимались соответствующими вещами. Всему своё время. Я не планировал терять Четвёртую в ближайшем будущем, а даже если бы и потерял, теперь она никуда от меня даже мёртвая не денется.

Мы думали и работали над планом, перекапывали сеть в поисках информации. Четвёртая всё ещё смущалась, когда я начинал разговаривать сам с собой. Смущалась она и того, что я иногда говорил, что она мертва.

— Меня же просто по затылку огрели, — удивлялась она.

— Тебе из «малютки» мозг высадили, весь затылок. Я был в состоянии аффекта, в отрицании, называй как хочешь.

— Я был в состоянии охренивания, — заметил я другой, эмоциональный.

— Это помогло. Не знаю как, но моя вера помогла мне тебя вернуть.

Я невольно смутился. Мне перевалило за тридцатник, а каждый раз как в первый раз. Марго тоже смутилась.

— Я не понимаю. Ты воскресил меня? А как же оборудование, все импланты? Всё ведь на месте. Как это работает?

— Чудо, — развёл я руками.

— Я читала старую летопись, — стала она вспоминать, — и там трое Первооснователей тоже могли людей к жизни возвращать, а ещё силой мысли возводить города и рушить горы.

— То есть ты считаешь, что я какой-то избранный потомок Йомсбура, того самого? Только я не родной сын своему отцу, меня с ним вообще кроме общего детства ничего не связывает.

— Я не знаю.

Переругивались мы тоже знатно, но стоило только мне сказать «Четвёртая!», как девушка вытягивалась по струнке. Она злилась, иногда хмурилась, но не обижалась. Всё это выглядело довольно мило, по крайней мере для меня. В её голову я залезть не мог, но вроде она была не против игры: она просит называть её Марго, а я не называю, а когда всё же называю, она улыбается.

Я залез на местный пиратский сайт в даркнэте, полазил по нему.

— Четвёртая! — она подскочила на месте. — Сможешь в шапке сайта написать «Глория будет мной гордиться»?

— Глория?

— Это моя мама.

— Какой ты сентиментальный, оказывается.

Я смутился.

— Это для того, чтобы Ринжину триггернуть.

У Марго ушло три секунды, чтобы взломать сайт. Две из них она искала нужный скрипт. Мы искали и гуглили и лишь под утро я вновь залез на тот же сайт, в котором шапка приняла прежний вид, без надписи. Зато в исходниках в метаданных был мегабайтный код доступа, зашифрованный публичной частью R73 сертификата — ключом Ринжины. Она не зря приглядывала за мной, у нас были свои способы связаться.

Сертификат R73 у меня был. Я взял свой приватный ключ и расшифровал её запись.

Полученные данные я раздербанил, узнал адрес хоста, комнату и ключ к ней, подключился.

— Какого хера тебе нужно, Шон? Ещё не свалил из города?

— Свалил, но мне нужно будет туда вернуться. Не хочешь освободиться от всех и всяческих обязательств?

Молчание длилось долго.

— Ты же знаешь, малыш, что я не могу. Клятву, данная однажды, Мабутсу не нарушат никогда, пусть ты и редкостный долбоёб. Клялась я твоей матери, а не тебе, и не тебе меня избавлять от неё.

— Тогда, блять, что это было?

— Что? Там, внизу? Да я тебе говорю! — вспыхнула Ринжина. — С тобой бы ничего не случилось! Я бы продала данные, тебя бы восстановили из бэкапа за число, когда ты с Миротворкой у нас был без сознания, и ты пошёл бы по кругу, а тебе сообщили бы, что данные на месте. Разве что пару дней из жизни выпало бы. Ну? Не круто ли тётя Ри придумала? А?

Я признаю, придумала она классно. Для того меня, который был заперт в моём теле. Не для того, который сейчас рвался в бой.

— Ну раз этого не случилось, то есть у нас другой план, и ты можешь очень сильно помочь. Кстати, что было в данных?

— Я не смотрела.

— Серьёзно?

— Ну ла-адно. Одним глазком смотрела, ты ж меня знаешь. Какие-то чертежи, устройство какое-то и ещё координаты. Наверное что-то важное, раз за ними охотятся.

Остаток времени до утра, который я думал подремать, мне не спалось. Марго сказала, что это из-за второй операционки, установленной поверх первой. Мы держались за руки и лежали рядом на узкой кровати, глядя в потолок и наблюдая за тем, как за окном зачинается рассвет.

— Я сильно изменилась. Я сама на себя не похожа, — заявила Четвёртая.

— Не знаю, на кого ты была похожа, но сейчас ты мне чем-то напоминаешь Ирви, только очень энергичную её версию.

— Какая она?

— Ирви? Бледная, мрачная, но заботливая и нежная. А ещё очень хрупкая. Такая, словно сухая соломинка. Травиночка. Дунешь — упадёт. Тронешь и сломается. Она говорит иногда вещи, которых я не понимаю. Про то, что она знает Тёмного. Что его зовут... На Д что-то забыл. Буду с ней разговаривать, спрошу ещё раз.

— Ты же понимаешь?..

— Что это мой сон? Я думаю, что это нечто большее, нежели сон.

— Да, это ошибка когнитивного модуля, которая...

...Несанкционированный доступ...

— ...перекочевала в чистую систему. Тоже странно. Хотя и большинство настроек перекочевало. Между операционками есть локальная сеть и синхронизация.

— Не делай так пожалуйста без моего ведома. Вдруг я там порнуху смотрю?

Она смутилась, покраснела.

— Я раньше не смущалась так. Я — младший лейтенант оперативной группы, специалист по шпионажу, поиску и устранению. Как ты думаешь, я мягкая и нежная?

— Да.

— Манда! — она расхохоталась. — Я поменялась, так люди не меняются. Ты меня перепрошил, когда я дала тебе доступ? Я думала тобой манипулировать, чтобы получить своего человека в Йомсбуре. Затащить в постель, прикинуться своей. Но я сейчас думаю, и как будто это была не я. Перепрошил, ты меня перепрошил.

— Ты ж нэтраннер со специальной прошивкой. Глянь логи. Ничего я не делал.

— Я не девочка, хоть мне и двадцать два. Не начинай мне даже втирать дичь про силу любви и розовые очки. Я влюблялась. Это другое. Что ты сделал?

Я лишь пожал плечами.

Машина ехала по городу. Я рулил, периодически поглядывая по сторонам. Без третьего оптического фокуса было тяжело, но он у меня был при себе, просто я его ещё не успел поставить. По пути мы заехали на склад, там я смог убедить Сэма, что мне для лабораторной срочно нужен оптический фокус старого образца, и ещё пару дронов, пистолет и так всего по мелочи. Попросил не говорить никому, потому что... В общем наврал про универ с три короба.

— И что ты, по твоему, делаешь? — спросил я у самого себя.

— Я? — уставилась на меня Марго.

— Не ты, а я, — отмахнулся я.

— Шон, я серьёзно, тебе нужно к нэтраннеру. Дай я поправлю.

— Я не дам себя убить! — возразил я, ощущая всю тщетность своего существования под напором ответственности и проблем.

— А я не дам убить его. С кем я буду тогда спорить? — добавил я, не чувствуя вообще никакой ответственности. — Чумба, у нас есть план, вроде рабочий, — сказал я себе.

— У нас всегда есть рабочий план, — отозвался я, — только мне не нравится, чем это всё всегда заканчивается. Если мы знаем, что данные у Лидии, почему бы просто не прижать её, скажем, тем же Само́то?

— Думаешь она щепку с собой таскает? Не выйдет так. Нужно попытаться навести шороху вначале, чтобы для неё не осталось безопасных мест. Так надо, чумба.

— Ты же её начальник. Воспользуйся связями!

— Я скорее всего уже никто и звать меня никак. Стой, мне звонят.

На линии висел отец.

— Ну, отвечай, — подначил меня я.

— Я не хочу разговаривать с этой старой сморщенной жопой! — буркнул я. — Хочешь отвечать, сам и отвечай.

И он ответил.

— Звонили из дэканата, — без приветствий начал Альфри. — Сегодня последний день сдачи, у тебя четыре работы. Шон, я разочарован. Это откат на три года назад, мы с тобой это уже обсуждали. Сегодня ты в состоянии говорить?

— Немного занят, отец, но в состоянии. Я возьму академический отпуск. Два заваленных подряд задания подкосили моё здоровье, требуется восстановиться. Ты можешь продлить мне отстранение за мой счёт хотя бы до конца недели?

— Другой разговор, сын. Но эскалации ты не избежишь. Я перенесу заседание на понедельник на следующую неделю, постараюсь убедить совет дать тебе второй шанс. А год отсрочки...

— Это справедливо. Я недоэстимировал необходимые усилия.

Фу, меня аж тошнило от того, как альтернативный «я» с ним разговаривал. Он

сдерживался, сжимал зубы, был чрезмерно учтив и копил злость внутри себя.

— Хорошо. Я ожидаю от тебя, что ты разберёшься с бухгалтерией и отделом кадров до конца недели, а в остальном отдыхай. Дай знать, если что-то будет нужно.

— Да, — разорвал я соединение. — Отдыхай, блять! Пять отчётов, когда я попросил его об отпуске за свой счёт! Да и что мне от тебя нужно? Ты всё равно мне ничего не дашь, старый жадный пень, — бросил я в сердцах. — Марго, — она заулыбалась. — Как ты со мной будешь жить?

— С вами двумя? — с серьёзной задумчивостью развела она руками. — Шон, — она сделалась очень хмурой. — Это очень опасно, то, что ты сейчас делаешь. Ты на грани нейросенсорной перегрузки. Оплавишь себе мозг и станешь овощем. Помнишь свою бессонницу? Это физиологические последствия такого разделения.

Мы почти подъехали.

— Дом номер сто двадцать... Четыре!

— А, что? — построилась она.

Я рассмеялся.

— Дурак...

Стоило мне вылезти из машины, как нас встретил Шарлотта. Доктор стоял в своём привычном амплуа а-ля местный гопник, руки в карманах. В зубах торчала сигарета.

— Зачем ты здесь? — не понял я.

— На случай, если всё пойдёт совсем плохо, — пожал он плечами и Четвёртая открыла ему дверь в машину.

После обратилась ко мне:

— Мы будем сидеть здесь, но я подключусь к твоей системе, буду твоими глазами.

— Ринжина на месте?

— На месте, — раздался голос в голове. — Только не пойму зачем я вам.

Может быть и незачем.

— Ри, один вопрос, — сощурился я. — Тебя не смущает, что Марго жива?

— Её ж просто по затылку огрели, — удивилась Ринжина.

— Во-от, Шон, слышал? Я не мёртвая! Так, собрались. Три, два, один, — отсчитала Марго. — Камеры выключены, оптика нарушена, активный перехват установлен. Прощай, Шон Зануда и Шон Агрессивный.

...Принятие файла...

Принять и посмотреть: внутри личное дело некоего Валентина. Работает охранником, сейчас должен был быть выходной, но по легенде вызвали проверить квартиру, так как есть подозрение на утечку данных от дрона, который залетел через окно. Данные я разместил в углу сетчатки и сделал полупрозрачными, чтоб не мешали. В случае чего подсматриваю.

— Шон Агрессивный? — расхохоталась Ринжина. — Не смей меня, девочка. Шон бывает только нудный. У-у, меня ударили, данные отобрали, любовь мою ненаглядную по голове стукнули. Открой мне дверь Ринжина, а то ножка болит.

— Не было такого, не выдумывай! — выпалил я в наш канал.

— Давайте соблюдать радиомолчание, — неловко выдавила Четвёртая.

В фойе был только администратор. Скучал, барабанил пальцами по столу. На меня лишь глаза поднял, ни слова не говоря. Я без проблем добрался до лифта и поехал на нужный этаж.

— Шон, давай назад! — голос Марго был встревожен. — Впереди двое, у самого лифта.

у них собственная система без активного перехвата.

Я занервничал, переминаясь с ноги на ногу.

— Ты можешь их отключить?

— Они успеют поднять тревогу, так что давай сам.

— Что на этаж ниже?

— Тебе зачем?

— Четвёртая!

— Там никого.

Тогда импровизируем. Впервой что ли?

Я тыкнул туда, а сам распаковывал дрона и всобачил себе новый оптический фокус на замену потерянному. Дрон развернулся, загудел и завис в воздухе. К нему я приделал небольшую камеру с инфракрасным сканером. Тыкнул ещё этаж повыше.

Выйдя на нижнем этаже, я дождался, пока дрон доедет до нужного, там запустил сканирование. Двое ребят переглянулись и один из них кинулся в лифт, но не успел.

«Что это за херня только что была?» — слышал я из лифта, пока дрон ехал вверх.

«Нас просканировали. Посторонние в здании?»

«Пойди слови этого дрона, пока он нам посетителей не перефоткал. Может какой журналюга или частник с заказом».

«А чего я? Сам иди, а я лучше тут посторожу, а то будет как в прошлый раз».

«Не будет как в прошлый раз. Сходи говорю».

Лифт поехал вниз, дверь открылась и связь с дроном пропала.

Я нажал на кнопку.

Лифт остановился, двери открылись, из лифта на меня смотрел молодой парень, вертя в руках старинный дрон в поисках маркировки.

— Вниз? — спросил я.

Парень в обмундировании кивнул. Я вошёл в лифт, стал у него за спиной и одним слитным движением не спеша взял его в захват. Тот попробовал что-то прохрипеть, но очень быстро вырубился. Я нажал на кнопку следующего этажа, оставил там тело, а сам поехал на нужный мне.

— Где сейчас второй?

Я уже готовился рвать к нему когти и демонстрировать свои навыки рукопашного боя.

— Пошёл курить к окну.

— Блять, далековато бежать.

— Не переживай, он тебя не услышит — музыку слушает.

Я улыбнулся — повезло. Всё же не всем быть профи, как Вирр и Майклсон. Те не проявили бы подобной халатности. А так чего ещё ожидать от подобных индивидуумов. Они напрягаться не привыкли.

— Сигнал от медицинского чипа ушёл, — с тревогой произнесла Марго. — Шон, почему ты ему просто мозги не вышиб?

— Ну ты кровожадная. Зачем мозги вышибать? — встрял Рамондо. — Можно ж было на чипе нажать «ложный вызов»... Вы не знали?

— Знал я всё, Шарлотта. Эфир не заслоняй, — буркнул я. — Так надо.

Всё было по плану.

Двери лифта открылись, я медленно пошагал по коридору, держа наготове пистолет. Всё же не всё по плану. По плану была милая беседа, а после дрон для того, чтоб

спровоцировать охрану и уж тогда навести шороху. Но, как говорится, что имеем, с тем и работаем. Сейчас главное, чтоб он не обернулся.

До двери оставалось совсем ничего, когда он пошевелился. Я замер, затаив дыхание, палец подрагивал на спусковом крючке. Но он так и стоял, пуская дым в открытую форточку.

— Ринжина, видишь замок?

— Подключайся к нему личным портом, — потребовала тётя Ри.

— Куда я тебе подключусь?

Я полез за отвёрткой.

— Стой, балда. На нём номер написан — это идентификатор в кластере. Подключись к инстансу через беспроводное, а дальше я перехвачу.

— Так бы и говорила.

— Я так, блять, и сказала! Слушать нужно головой, а не жопой.

Старая злая тётя Ри.

— Готово.

— Теперь жди.

— Сколько ждать? Я тут как голый!

— Шон, — послышался голос Четвёртой, — я перепрошила твой ключ, можешь входить.

Ринжина зарычала на фоне.

— Девчачья драка? — тут же влез Рамондо. — Драка! Драка!

— Заткнись, — шикнул на него я. — Я внутри.

Это была не квартира. Это была квартирища. Здоровенная, соединяющая в себе несколько комнат отеля и несколько этажей.

Вокруг расположенного посередине бассейна красовались расставленные стойки со свежими живыми фруктами и настоящим вином. В углах били маленькие фонтанчики. Бродили и летали голографические вымершие животные и птицы.

Четвёртая и Ринжина послушно подсвечивали мне места, где можно было бы спрятать щепку, и я не стесняясь переворачивал вещи вверх дном.

— Что ты делаешь? Может аккуратнее? — раздался голос Ринжины, после того, как я в дребезги разбил очередной фонтанчик. — У тебя тут на хвосте Миротворцы, хочешь ещё бывшую коллегу на хвост повесить?

— Мне нужно, чтоб она знала, что я у неё был.

— Так в чём цель, я не понимаю?

— Тебе и не нужно.

— Шон, блять!

Я медленно прошёл дальше, заглянул в другую комнату: здоровенная кровать под балдахин, вместо потолка трёхмерная имитация звёздного неба. Там я порылся в ящиках, нашёл интересную полочку с кучей вибраторов, кляпов и прочей прелести, ненароком вспомнил памятный вечер с Лидией и как-то теперь ничего кроме гнева и отвращения он не вызывал.

В другой комнате была галерея, увешенная странными картинами средневековых сражений. На одной из них была гора мёртвых людей и мужское тело без головы. Всё очень и очень кровавое. Посередине нечто, напоминающее мемориал — плита с именами.

В третьей комнате было всё заставлено цветами и зеленью, а на столике стоял самый

настоящий компьютер с огромным монитором и механической клавиатурой. Да не обычной, а с гормональной обратной связью. Мало того, что клавиша автоматически превращается в ту, которую ты хотел нажать за счёт прокси с сопроцессором в теле, так ещё и наказание в виде кортизола или серотонинового поощрения даётся если нажимаешь неправильно или исправляешь ошибку. Кайф в чистом виде.

Руки мои тут же легли на клавиатуру.

— Марго?

— Уже, — отозвалась она.

Монитор загорелся, показывая, что я вошёл в систему. Я подключился по личному порту, касаясь клавиш клавиатуры. Интерфейс послушно подчинялся, передо мной была вся структура файлов.

— Шон, тут нет, я проверила, — отозвалась Четвёртая.

А вот я нашёл кое-что интересное.

— Тут электронный паспорт, зашифрованный. Марго?

— Я... я не могу расшифровать. Нет бэкдора, — обречённо выдала она.

— Дилетанты. Скопируй мне часть, — подала голос Ринжина.

— Шон! — отозвалась Четвёртая. — Наладчики уже внизу, разговаривают с администратором. Поторопись!

Я полез копировать файл, но не успел ничего делать.

— Стой, Шон! — на этот раз Шарлотта. — Не копируй, иначе она будет знать, что инфу слили. Твоя операционка проиндексирует файл.

— А иначе он его и не скопирует! Шон, убирайся оттуда! — в голосе Четвёртой была паника.

— Он уже загрузился в виде визуального образа в буфер обмена, — с холодной настойчивостью медика объяснял Рамондо. — Найди его там.

И я нашёл, пересылая кусок Ринжине.

— Они уже в лифте, Шон! — Четвёртая действовала на нервы.

— Ринжина, сколько ждать?

— Шифр простой, уже почти, уже совсем чуть-чуть. Эх, малыш Шон, мы б с тобой таких дел наворотили, если бы ты слушался. Отправила код, вводи.

Я ввёл код — файл открылся.

— Ох Лидия-Лидия, а ты никакая не Лидия.

Большими буквами напротив фото Лидии значилась Аманда Виктори — глава Виктория Холдинг.

За ручку двери потянули, но она не открылась.

— Я сейчас подниму второго и третьего дрона, а ты через запасную... — начала было Четвёртая, но осеклась.

Я видел, как у заднего хода падает ширма, отрезая его.

— Шон, почему ты не слушал? Ты не выйдешь! — голос Четвёртой дрожал. — Я попробую их обезвредить. По моей команде.

— Девочка, придумай что-нибудь получше, там их пятеро и на первом же ты себя раскроешь! — встряла Ринжина.

— И что придумать?

Я отсоединился от компа. В дверь ломились. Хитрый план и так на соплях держался.

Окинув взглядом комнату, я тут же перевернул диван и стол, садясь в укрытие.

— Ну что, доигрался? — буркнул я сам на себя. — Тебе судьба дала второй шанс и ты опять всё проебал.

— Заткнись и думай, вместо того, чтобы разговаривать! — рявкнул я на себя.

— Что это с ним? — не поняла Ринжина.

Четвёртая издала странный стонущий звук.

— Я не могу ничего придумать! Шон, я не знаю! — она всхлипывала. — Просто сдайся, я тебя вытяну, обещаю! Просто...

— Нет! — рявкнул я и подошёл к окну, становясь на подоконник.

Больше сотни этажей. Внизу люди казались крошечными.

Я видел, как Лидия спрыгнула и после этого осталась жива. Да я сам спрыгнул и остался жив.

— Ты долбоёб? — взбеленился я сам на себя. — Это ж... Жить надоело, да? А вот мне нет, а ну давай назад!

Я открыл окно.

— Хорошо, что это тело — моё.

Но как же страшно!

Послышались звуки лазерного резака, посыпались искры — дверь, заблокированную Четвёртой, вскрывали силой.

Из окна дыхнуло затхлым городским холодным воздухом. От порыва я зашатался.

— Шон, пожалуйста... — всхлипывала Четвёртая.

Была не была.

Я шагнул.

Ветер засвистел в ушах, чувство падения сковало тело, хотелось кричать, но я не выдавал себя. У меня получилось в прошлый раз, я остался жив, со мной ничего не случилось, мне очень сильно повезло и повезёт в этот раз. Достаточно просто веры.

Тело всё ускорялось.

«Я умру!»

Нет! В полёте я побил себя по щекам. Земля приближалась, но я увидел открытый люк оросительного узла, едва успев задержать дыхание. Свет сменился тьмой, а после в ноги с силой ударила вода, моё тело несколько раз перевернулось, в темноте сложно было понять, где верх, а где низ. Я принялся барахтаться и ткнулся рукой во что-то твёрдое, больно её ушиб, после чего расслабился и дал телу почувствовать тяготение.

Пара движений, и я нащупал лестницу, по которой смог вылезти на поверхность. От стресса и холода зуб на зуб не попадал.

— У тебя получилось? — не верил Зануда. — Тебе снова повезло?

Я и сам не верил. Ноги дрожали. Наверх голову я боялся задираť, потому что ожидал, что меня будут искать. Связь барахлила.

— Шон.....с.....он... — доносился голос Четвёртой, перебиваемый остальными.

Я вынырнул из-за угла, пройдя мимо глазающих прохожих.

— Хахаха, я знаю куда мы отправимся, — распахнул объятия Рамондо.

— Что там произошло? — услышал я Ри. — Шон жив? Его схватили? Или там стреляют? Он пропал!

— Я жив, — сообщил я.

Всхлипывающая до этого Четвёртая подняла взгляд красных глаз.

— Куда мы отправимся? — не поняла она, глядя на Рамондо.

— В казино! С нами самый везучий человек на Фреске!

Я устало улыбнулся, дрожа от холода.

Куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Это было не казино, а всего лишь захудалое кафе на окраине города.

Ринжина убедилась, что я — это действительно я, поругалась на меня, а потом сказала, что у неё дела. С Рамондо в казино мы тоже не попали, он слился напомним, что теперь это я ему должен. И действительно он помог, помощь его было сложно оценить — благодаря ему я смог незаметно прочитать файл, пользуясь только одному ему известными хитростями, а узнал nepозволительно много.

Нам принесли синтетический углеводный брикетик и рядышком кучку личинок. Четвёртая на меня дулась, хоть кроме косых взглядов в мою сторону это никак не проявлялось. В тарелку она смотрела с явным отвращением.

— Вот этот, кажется, пошевелился, — буркнула она.

Это были первые её слова после того, как она наорала на меня в машине.

— Никогда личинок не ела? Они ничего так, если привыкнуть.

— Лучше уж из тюбиков.

— В тюбики твои фиг знает чего напихают, а тут точно знаешь, что не обманывают. Особенно если шевелится.

Она сдержала рвотный позыв и отломил кусочек от брикетика.

— Тебе повезло. Во второй раз.

В машине я смог переодеться в сухое. Ощущение падения всё ещё будоражило сознание.

— Да, моя жизнь могла закончиться именно там, — вздохнул Зануда. — А ещё мы ничего не получили из этой вылазки, кроме побитой руки и спаленных нервов.

— А вот и получили, — возразил я себе. — Лидия, оказывается, не Лидия, а Аманда Виктори.

— Глава Виктории? Ты шутишь?

— Он не шутит, — заявил я. — В смысле мы не шутим. Но это значит...

И тут я приуныл.

— Ты чего? Это же очень здорово, у нас есть информация такой важности! Опять же случайно, — принялась меня подбадривать Четвёртая.

— Марго. Этот человек был в моей команде. Мы были близки. Она... Шпионила за Йомсбуром и за Ашурой через Йомсбур. Почему я её видел у Ашуры?

— Когда?

— Когда мы ходили к Самото. Ты не?.. Впрочем, неважно. Тогда, раз Тёмный служит на самом деле ей, то и в тот вечер она выжидала, чтобы меня ему «скормить»? А вдруг Тёмный меня скинул, чтобы тоже просто от меня избавиться? По её приказу?

— Не говори чушь, — буркнул я сам себе и зевнул так, что слёзы потекли. — Поехали в трейлерный парк, мне нужно поспать.

Зевота принялась причинять боль.

По пути за город я решил всё же разыграть карту.

— Да, Самото Ашура слушает, Шон. Как Ваши дела?

— Касаются Вас самым непосредственным образом. Я знаю, где ваши данные и могу всё доказать, но мне нужно, чтобы Вы выполнили услугу, о которой я сейчас расскажу.

— Мне нравится Ваш деловой тон. Что за услуга?

— Заказать убийство Аманды Виктори, — хотел бы сказать я, но у руля был Зануда,

поэтому сказал: — Организуйте мне, пожалуйста, встречу с Амандой Виктори где-нибудь на нейтральной территории и желательно явитесь туда сами — лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Это выполнимо?

— Проблематично, однако, выполнимо, — согласился Самото. — Я перезвоню и сообщу Вам время и место.

— Благодарю.

У трейлерного парка я запарковался опять за сотню метров, дальше мы шли пешком, сильно не скрываясь. Четвёртая нервничала, я же чувствовал, как меня покидают силы. Если в кафе я был ещё взвинчен, то стоило мне поесть и ноги начали подкашиваться, а язык заплетаться.

Я открыл дверь, проверяя трейлер, на этот раз свой. В нём хотя бы было не так пыльно и кислятиной не воняло. Марго, наконец, решила и обняла меня, глядя мне в глаза.

— Шон, всё же будет хорошо? Мы на шаг впереди, наконец-то.

— Когда имеешь дело с корпоратами, то ничего не может быть хорошо, — отозвался старый я.

— Но что-то мне подсказывает, что я всё разрулю, — отозвался я «новый» и поцеловал Марго.

Она ответила жарко и страстно, стягивая с меня майку, а я лишь подчинился порыву.

После секса мы лежали рядом. Она на моём плече, закинув на меня ногу и потягивая вейп, пуская в потолок струйки дыма.

— Скажи честно, ты мне до сих пор не доверяешь? — нахмурилась Марго, глядя на летающие колечки серого дыма.

— Ну ты по крайней мере вещи не собрала и не ушла, хлопнув дверью, — пожал я плечами и зевнул. — Вот теперь спать особо хочется.

— Давай я приглушу твою систему, возьму часть вычислений на себя, а ты поспишь.

— О, это было бы замечательно. Только за снами не подсматривай.

— Пойдёшь к этой своей женщине из сна? — надулась Четвёртая.

Она знала, как зовут Ирви, но имя сознательно избегала.

— К Ирви? — я даже смутился, но врать не стал. — Да, пойду.

Она приподнялась на локте, заглядывая мне в глаза.

— То есть со мной это так, что-то временное? Девушки приходят и уходят, а сон остаётся с тобой всегда?

— Не говори ерунды. Хочешь поругаться?

Она замолчала, но ненадолго, садясь в постели.

— Тогда давай я тебя почию и останемся вдвоём. Пожалуйста!

Я представил лицо Ирви, представил, что я сознательно покину её. Такую хрупкую и беззащитную, которая...

— Четвёртая! Не говори даже так! Это Ирви ты обязана своей жизнью, это она мне помогла тебя воскресить!

— Я не умирала, — но уверенности в её словах не было. — А как же?.. — замялась Марго и просто сидела, хлопала глазами, даже про вейп в руке забыла.

— Что, секс? — я задумался, ещё раз зевнул. — Ну тут всё странно. Для неё вроде и неважно, с кем я там сплю, а вроде и ревнует.

— Я не хочу, чтобы ты с ней спал! Я хочу, чтобы ты был только мой!

— Ты себя послушай, Марго. Ты говоришь о девушке из моего сна, — расхохотался я и

она смутилась, легла опять мне на плечо, успокаиваясь. Глаза мои принялись закрываться. — Разбуди меня, когда устанешь контролировать мою систему.

— Так неправильно. Тебе нужно... Ой, а что это?

— Где?

Я сам заметил входящее сообщение, но сил не было его читать.

— Это от Альфри Йомсбура, — влезла она в мою почту без спроса, я лишь скрипнул зубами. — Пишет, чтобы ты прекратил любую деятельность, связанную с данными. Типа это теперь в его зоне ответственности.

— А не пошёл бы он нахер, а?

Я перевернулся на бок, отворачиваясь к окну и к Марго спиной.

Отец заинтересовался делом. Эта новость обожгла и перед сном вместо страстного секса я прокручивал в голове то, как бы ответить отцу, лавируя между личными интересами, интересами компании и желанием остаться в живых. Про вменяемость я уже не думал — то, что я сошёл с ума, сомнению не подлежало.

Камень я нашёл быстро. Ирви как обычно сидела с растрёпанными чёрными волосами и смотрела на бегущую воду. Она перевела взгляд своего бледного лица на меня.

— Тебя не было долго, — в интонации упрёка не было.

— Я не мог уснуть. И у меня столько всего произошло! Даже не помню, с чего начать тебе рассказывать.

— Я ждала долго и ты всё же вернулся. Значит я тебе нужна? — в вопросе была толика смущения.

— Конечно, — не задумываясь ответил я, улыбнулся и сел на камень. Она легла мне на колени. Мне показалось, что она стала совсем невесомой. С другой стороны во сне всё всегда странно.

— Нашёл, ради чего жить?

— Твой совет помог, даже дважды. И совет Тёмного. И вообще... Как так выходит? Я чего-то не знаю про Фреску? Про законы физики, химические процессы, особенности работы мозга?

— Нет, ты умный и знаешь всё, но сердце твоё всегда живёт в сомнениях. Ты воскресил её? Воскресил свою Четвёртую?

— Воскресил.

— Ты любишь её?

Её вопрос озадачил.

— Да, наверное, — замялся я.

Она улыбнулась.

— Это хорошо.

— Ты не ревнуешь?

— Нет. Потому что ты любишь себя и начал себя ценить, и всё равно вернулся ко мне.

Я помотал головой.

— Не понимаю. Это напоминание, что ты мне только снишься? Но мне же уже хватает поддержки, почему ты продолжаешь мне сниться?

— Это не сон, ты сам убедился. Сны такими не бывают. Что ещё было?

Я рассказал про то, как мы вломились к Лидии и кем она на самом деле оказалась. Ирви только кивнула, потрогав мою бороду.

— У тебя седина появилась, — задумалась она.

— Это важно сейчас? — нахмурился я. Она словно не слушала.

— Да, это очень важно. Как раз к твоему повествованию.

Я так и не понял, был ли это сарказм.

— И тогда я спрыгнул, выпрыгнул из окна и угодил снова в люк с оросительным узлом.

Это ты сделала? Ты мне помогала?

— Нет, это был ты. И что дальше?

Дальше я всё пересказал вплоть до секса. О таком рассказывать было стыдно, и я закрыл глаза, чтобы не видеть реакции Ирви. И если бы я кому-нибудь и рассказал такое, то только ей, потому что она — это я.

— Какие же они гадкие, — скривилась Ирви и расхохоталась.

— Что такое?

— Ты не видишь, конечно, но они грызутся, а тебя травят. Эх, не умеют жить мирно даже когда договаривались на общее дело, — в её глазах вновь блеснули искры.

— Все мы прокляты Мелиссой на несчастную жизнь.

— Неправда, — надулась Ирви.

— Ну может и неправда, но так говорят.

— Нет, это очень обидная неправда, — она ещё больше надулась. — Я никого не проклинала.

Глава 8. Сделка

— Быть не может. Это всего лишь сон, и ты часть сна. Часть сна не может быть Мелиссой Нотре.

Она как-то грустно улыбнулась, провела ладонью по моей небритой щеке.

— Я уже говорила, что я не часть тебя. Постоянно говорю, а ты не веришь, хотя я избавила тебя от боли, помогла поверить в себя, и из последних сил послала того, кто должен был помочь тебе.

— Тёмного? — догадался я. — Это ты убила Майклсона?

— Я никого не убивала. Вернее, я убивала, и много. Мой муж Лэнс всегда меня сдерживал, уводил, отговаривал. Но я никогда не убивала просто так. Да и Майклсон не умирал.

— Как это?

— Не всё сразу. Но ты поймёшь, я уверена. Ты совсем неглупый, сможешь принять решение. Мне придётся всё тебе рассказать, а потом, возможно, вас всех убить, а может быть наоборот — спасти.

— Кто же ты всё-таки? — дух захватило от осознания и трепета.

У меня на коленях лежит та, чьим именем пугают детей. Такая беспомощная и слабая, такая нежная и заботливая, такая странная и уже, казалось, родная. За время, пока я каждую ночь снил её, считая, что это я сам, мы породнились больше, чем с кем-либо из реальности.

— Я — это просто я. Мы с Лэнсом бродили по Сущему долго, нигде не задерживаясь. Мы искали... — она замаялась.

— Место, где можно пожить? — вспомнил я легенды.

— Что вы там про меня насочиняли? — нахмурилась она. В голосе звучало раздражение вместе со злостью. — Слушай внимательно, потому что всё, что ты знаешь — неправда. Мы искали предназначение. Мне было невыносимо грустно от бессмысленности моего существования. Мой любимый видел это и так же страдал. Он водил меня за собой, и мы побывали много где, но случайно нашли это место — Фреску. Это не мы дали такое название ей. Это люди, что жили здесь, дали имя месту, в котором жили. Они выкапывали крупинки могущественных кристаллов. Ты их знаешь под именем «твёрдый магнум». Синие кристаллы, похожие на мутное стекло. Они решили, что это осколки их мира, и назвали мир Фреска.

— Магнум был давно? Его же открыли только пятьдесят лет назад.

— Его... отразили, измыслили пятьдесят лет назад, — поправила Ирви и понятней не стало. — И кристаллы были пусты. Они должны были питать поля, насыщать почву и растения, размножать животных и наполнять Фреску радостью и благодатью, но они были пусты, почти пусты. Крупиц хватало, чтобы жить в голоде и страхе. Однако люди боролись, хватаясь за крупички. Я видела их бесконечное рвение. Я видела то, чего мне так не хватало, и я решила им помочь.

— В легендах говорится, что ты отбирала у людей кристаллы.

— Да, отбирала, — согласилась она. — Но не для того, чтобы... Я даже не знаю, что вы там придумали. Мне и не важно. Я их забирала за пределы мира и наполняла, кристаллы переставали быть пустыми и я ими насыщала Фреску. Они снова пустели, люди их добывали и должны были отдать мне, чтобы я их наполнила. И Фреска начала оживать, это был долгий

и кропотливый труд.

Она улыбнулась, на щеках проступил румянец.

— Я всеильна, или почти всеильна. Была... А сейчас я слаба, и силы моей становится всё меньше и меньше. Мне приходится довольствоваться нашими короткими встречами.

— Ты всё время говоришь так, будто ты — это не я. Как мне тебе поверить?

— Я тебе рассказала истинную историю своего прошлого, — смутилась Ирви.

— Ирви... Мелисса, не обижайся, но я её не проверю. Есть ли что-то, что великая богиня может мне явить? Чудо, знак, что-то явное, чтобы я точно знал, что ты — это действительно ты. Что-то невероятное.

Она думала, но недолго.

— Аманда Виктори и Самото Ашура заодно. У них есть какой-то план и надеюсь это не то, о чём я думаю, иначе наши встречи с тобой могут закончиться навсегда, — с тревогой произнесла она.

— Две корпорации заодно? Да я скорее поверю... Я понял. Спасибо, Ирви. Мне теперь нужно лишь увидеть это и я поверю. Не смотри на меня так, я доверяю тебе. Но что бы ты сделала, если бы я сказал, что я всеильный бог, способный перекроить мироздание?

— Я сейчас не всеильна, уж извини. Я понимаю тебя, Шон. Ты стал сильным. Ты и был сильным, но теперь ты стал ещё сильнее. Твоя сила стала заметна. Ты — маленький камушек в великом механизме. Валы вращают зубчатые колёса, а ты скачешь с одного зубца на другой, и тебя хотят перемолоть, только вот у них ничего не выйдет. Механизм сломается, застопорится. Ты его застопоришь, я верю в это.

— Спасибо за добрые слова, но я так не ощущаю.

— Тебе и не нужно. Я хочу побыть с тобой ещё чуть-чуть. Можно я расскажу тебе всё потом, попозже? Мне придётся, но я хочу оттянуть этот момент.

— Конечно, — я поцеловал её в лоб. — А есть что-то, более шокирующее, чем то, что ты богиня?

Она невесело улыбнулась.

— Будь осторожен, Шон. Тебе пора.

Я очнулся. Не проснулся, а именно очнулся. Голова раскалывалась. На груди лежала задремавшая Четвёртая. Я аккуратно вылез из-под неё, оделся и принялся рыться в полках в поисках еды.

Входящее сообщение от отца, отмечено как прочитанное, на самом деле его читала Четвёртая. «Я знаю про твою затею, Шон. Прекрати немедленно и свяжись со мной. То, что ты делаешь от лица организации, налагает репутационные риски. Никакая выгода их не оправдывает. Я знаю, что ты попросил отгул до конца недели, но раз тебе самому не сидится, то я даю тебе поручение: ты должен сходить к Гривусам и уладить возникшие проблемы — Елена Гривус и Адам Могг на нас в Миротворческий суд подают».

Блять...

Пока читал, я шурудил по полкам и нашёл старый протеиновый батончик и синтетический углеводный брекетики.

— Со мной поделись, — услышал я свой голос.

Я резко обернулся и увидел себя: метис с тёмными вьющимися короткими волосами, мускулистый, рослый, в грязной рубашке на голое тело и рваных штанах. Моя мать была Мабутсу, а вот отца я никогда не знал. Меня всегда поражало, насколько цвет моей кожи не дотягивает до цвета кожи тёти Ри или мамы. Ребята с района меня на улице дразнили,

называли «постиранным».

— Не мог прикид лучше найти? — буркнул я ему. — Ты всё равно плод моего воображения, не буду с тобой едой делиться.

— Я же так сдохну! Отчёты делай, с людьми разговаривай, вопросы решай... С отцом кто говорил, а?

— Ну ты и зануда, — буркнул я и отломил половину брикетика.

Он взял половину и сжевал.

— Я буду звать тебя Шон Зануда, — вспомнил я, как нас обозвала Четвёртая.

— А ты тогда будешь Агрессивный Шон. Ты, кстати, не хочешь в дурке полежать? Всё же такие галлюцинации спроста не бывают.

— Иди в жопу. И Четвёртая — только моя! Даже не прикасайся к ней. Понял?

— Но я же, это ты и есть.

— Я знаю, что ты правил не нарушаешь. Договорились?

Зануда неохотно кивнул.

Четвёртая подняла голову.

— Шон, ты чего расшумелся?

— Ты нас видишь? — тут же задал Зануда вопрос.

— Вас? — услышала она Зануду.

— А меня тоже слышишь? — спросил я.

Она села, потёрла глаза. Одеяло спало с её голого тела, оголяя маленькую аккуратную грудь первого размера.

— Болезнь прогрессирует, — нахмурилась она. — Можно?

Я не успел ответить.

...Несанкционированный доступ...

Ну хотя бы спрашивает.

— Хотя загрузка системы на прежнем уровне, только говна в кэш напало на обеих операционках и своп подзабит. Шон, не хочешь лечиться — почисти хотя бы место на винте и попроси Рамондо чтоб доставил тебе ещё планку оперативки.

— Сколько нас стоит перед тобой? — напирал Зануда.

Она похлопала ресницами.

— У тебя сыплются ошибки графического прокси по пять в секунду. Журнал уже в предел упёрся.

— Я понял, — сообразил я. — Значит я только один. Кого из нас ты видишь? Правого или левого?

— Придурок, если она видит одного из нас, то нет правого или левого.

— А ну отойди подальше, — потребовал я и Зануда согласился.

Он подошёл к Четвёртой и захотел коснуться её.

— Стой, не смей!

— А что ты мне сделаешь? — спросил Зануда и погладил Четвёртую по щеке.

У неё тело пошло гусиной кожей и она закрыла глаза, прикрывая одеялом грудь.

— Кто взаимодействует, тот и главный, — резюмировал Зануда.

— Я согласна, ты главный. Повзаимодействуй ещё... — прошептала Четвёртая.

— Марго, — позвал её я.

— А?.. — всё ещё с закрытыми глазами отозвалась она.

Зануда пожал плечами, отходя в сторону.

— Приходи в себя, одевайся и поехали. Меня ждёт сложный разговор.

По дороге Зануда, сидящий на заднем сидении, разгребал наш винчестер, выкидывая старые проектные файлы, бэкапы программ, старые испорченные драйвера. Делал он это бурча что-то себе под нос.

— Марго, как это выглядит? Как я сам с собой разговариваю? — спросил я у неё.

— На самом деле не страшно, будто ты сам с собой споришь, как люди делают, когда не с кем поговорить. А что?

— Да так. Я вижу его и не знаю, что у него на уме.

— Мог канал перегрузиться и связь между операционками пропала. Вы не шарите один процесс, вы два отдельных процесса на одном физическом ядре. Всё взаимодействие только в рамках локального сетевого протокола.

— Сам себе запросы посылаю?

— Ага. Медленно. Не проходя файрволы. Но влезать туда я не буду, это может быть больно. Куда мы едем, что мы будем делать?

— Ты просто стоять и улыбаться, или ничего не делать.

— Давай её вообще не показывать, — предложил Зануда, отвлекшись. — Пусть она жива будет только для нас.

— Это мило, — покраснела Четвёртая.

— Ничего такого не имел ввиду, просто холодный расчёт, — пробухтел Зануда.

— Я согласен.

...Входящий вызов...

— Это Самото Ашура. Место встречи — бульвар Де Ла Вега, пересечение второй и двенадцатой, в двадцать три. Всё как договорились.

— Спасибо, господин Самото. Я надеюсь Вас приятно удивить.

— Я тоже надеюсь, что эта авантюра окупится. Уговорить её было сложнее, чем кажется. Такие люди, как мы с Вашим отцом обычно работаем по плотному графику.

— Конечно-конечно. Вы не пожалеете.

— Уж постарайтесь, чтоб так и было, господин «наследник».

Он прервал соединение.

— Ты что делаешь? — взъелся Зануда. — Отец же говорил, не вмешиваться. Нужно было сразу сказать, что... — он посмотрел на меня и неожиданно скис, отмахнувшись от меня рукой. По его виду было понятно, что он очень сильно устал.

Я же уставшим себя ощущал лишь частично. Будто он забрал часть моей усталости. Впервые за десять лет я был бодр и более-менее свеж.

— Ты хочешь ещё пять лет сидеть под пяткой у отца? — сжав зубы, выговорил ему я. — Я у руля, я принимаю решения!

— Делай, что хочешь. Сил моих нет. И ты нас погубишь. И Четвёртую заодно. И Ринжину с Рамондо. Ты же собрался их впутать?

— Впутать во что? — влезла Четвёртая.

Я рукой попросил её подождать и сжал зубы:

— Иди ты в жопу со своими аргументами. Мы все будем жить, а не существовать!

— И тебе плевать, что это продлится совсем не долго. Конечно, тебе ж на всех плевать.

Один ты у нас в плену и жаждешь битвы.

— Захлопни варежку! — рявкнул я и Четвёртая съёжилась.

Я лишь натянуто улыбнулся ей.

Запарковался я ещё в начале района. Просто так, на всякий случай. Дал пару задач Четвёртой, обрисовав ситуацию. С ней вышел небольшой спор на тему того, стоит ли во всё посвящать отца и я пообещал позвонить ему после встречи с Гривусами. Так бы может и не звонил вовсе, но они с Занудой перетягивали одеяло на свою сторону.

Это был двухэтажный дом в частном секторе и меня с Занудой уже ждали.

На улице собралась толпа зевак, приехали репортёры. Стоило мне показаться, как тут же набежали странные личности, стали задавать огромное количество вопросов. На некоторые Зануда даже ответил — ровно как учили на курсе управления общественным мнением. Вроде и честно, но вроде и не прямо на вопрос.

— Я здесь не для того, чтобы разъяснять вопросы касательно дел корпорации, — в конце, у самых дверей, выдал я, — а для личного общения с Еленой Гривус и Адамом Могг.

— Вы надеетесь отозвать иск? — вылезла молоденькая репортёр из толпы оставшихся репортёров.

— Я надеюсь остаться человеком, — отозвался я совершенно не по протоколу, но Зануда оценил и не стал перечить.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы я юркнул внутрь. Я не знал, увижу ли я здесь мужа Гриммы, но думал, что в его интересах со мной поговорить чем раньше, тем лучше. Мои ожидания были в том, что весь разговор мы сведём к деньгам.

В гостиной стояла Елена: стройная, ухоженная женщина с заплетёнными в косу русыми волосами до самого пояса. Её внешность портили синяки под глазами, которые не скрывал даже наложенный оптический фильтр. Рядом с ней был щупленький усатый и волосатый паренёк, какой-то там музыкант насколько я знал.

Из-за спины Елены вынырнула Адель, рванула ко мне.

— Дядя Шон! — кинулась она обниматься. Я обнял её — копию мамы, русую и курносую, но с холодным взглядом отца. — Ты давно у нас не был! У меня появилась новая кукла, мне её папа подарил, как раз перед тем, как уехать. Дядя Шон, а когда папа вернётся. Мы без него День Рождения праздновать не будем!

Я стиснул зубы.

— Ты не рассказала? — встав, спросил я у Елены.

Та стояла и душила слёзы.

— Не могла. В День Рождения. А потом...

Адам потрогал её за плечо.

Я сел на диванчик, позвал Адель. Она села на колени.

— Адель. Ты знаешь, что такое смерть?

— Это то, что случается с бедными людьми, когда у них нет денег на еду, — уверенно ответила она, а я сжал зубы ещё сильнее — ведь она была права. Богатые не умирают.

— Нам до бэкапа триста тысяч не хватало. Должны были премию дать и мы бы... — Елена не договорила — отвернулась.

Почему такая большая корпорация как Йомсбур не может обеспечить бэкап своим ключевым сотрудникам, находящимся в группе риска? Чего это будет стоить? Просадок акций на полпункта, что значительно скажется на пособиях и зарплатах сотрудников, а так же на финансировании экспериментальных отделов,двигающих вперёд корпорацию. Да, я знал ответ. Я с ним был не согласен.

— Смерть случается со всеми, Адель. Люди уходят, перестают быть, возвращаются в архив, в Полотно, обратно, откуда они пришли. Им там хорошо. Твой папа там.

— Но... — в глазах девочки появились слёзы осознания. — Но он же вернётся? Там, в Полотне, хуже, чем с нами! Ему с нами хорошо, дядя Шон!

— Он не...

Я воскресил Марго.

— Он не...

Я ещё не знаю как, но...

— ...я всё исправлю, Адель, я обещаю тебе. Я верну тебе твоего папу, — выдавил из себя я.

— Шон! — окликнула меня Елена.

Я перевёл на Елену и Адама взгляд, потом посмотрел на повеселевшую Адель.

— Но нужно подождать. И ждать нужно будет очень долго. Ты сможешь?

Она вытерла слёзы, кивнула.

— Спасибо, дядя Шон!

Она слезла с рук и убежала к себе в комнату.

— Ты что вытворяешь?! — с глазами, полными ужаса, проговорила Елена. — Нам что, бед мало? Нужно было давать ложную надежду? Зачем ты сюда пришёл, Шон?

Я встал, открыл рот, но не нашёл слов, которые нужно было сказать.

Заговорил Адам. Голос его дрожал, был слабым, едва звучащим.

— Ты оставил меня одного, без неё. С Майклсоном у руля у нас было всегда всё спокойно, а пришёл ты... Я не хочу обвинять, обвинениями делу не поможешь, но признай, Шон!

— Я признаю. Их смерти — причина моих просчётов. Это я в них виноват.

— А как же суд, ты же... — потерялась Елена.

— Подавайте в суд, — согласился я.

— Не подавайте, — отозвался Зануда.

— Не встречай, это я разговариваю!

— Шон, с тобой всё в порядке? — заволновалась вдова Гривусов.

— Я... Да, всё в порядке, — я лицом пытался заставить Зануду заткнуться.

Зануда всё же вылез:

— В суд подавать — последнее дело, так как это приведёт к огласке и показания заставят давать даже маленькую Адель. Суд будет длиться годами, вытягивая из вас силы и средства, а закончится тогда, когда вас выпьют, — звучало как угроза.

— Не слушай его, Лена, пожалуйста, прошу тебя. Подавай в суд, с корпорации станется. Я помогу.

— Чёрта с два, мы ей помогать не будем! Да, это наш косяк, но мы не можем допустить...

— Иди в жопу!

Я взял ничего не понимающую Елену за плечи, перевёз взгляд на Адама.

— Всё будет хорошо, я обещаю. Я всё исправлю. Можете поступать как хотите, я всё исправлю, я верну всех к жизни.

— Ты сошёл с ума! — пропищал на меня Адам. — Елена, посмотрите на него, это же...

— ...ложная надежда, — всхлипнула женщина. — Как бы я хотела тебе верить, Шон.

— Ну так верь!

— Нет, Шон. Это ты должен понять, — вдруг, всхлипнув носом, переменилась в лице она. — Ты должен двигаться вперёд. Организация мне за всё оплатит, и по всем счетам. Не

знаю, зачем тебя сюда прислали, зачем ты сам пришёл, но двигайся вперёд, иначе тебя так же перемелют, как нашу семью сейчас.

Только сейчас я увидел на столике постановление суда об отказе на рефинансирование кредита на жильё и школу.

— Я всё исправлю, — прошептал я.

— Смерть — это не пятно на майке и не разбитая фара, Шон. Всё!.. Иди... Не делай больше...

Она разрыдалась так, что Адаму пришлось её успокаивать, а я, постояв немного в неловкости, без какой либо уверенности побрёл назад.

Всех репортёров я проигнорировал. Что-то очень политкорректно отвечал Зануда. Мне было не до того. Я всю жизнь учился разгребать последствия, но чем дольше я это делал, тем больших усилий это мне стоило. Странно было за этим наблюдать, обычно человек адаптируется, приспосабливается к ситуациям. Если ты часто кого-то теряешь, нельзя всегда переживать из-за этого. Отец учил, что люди — всего лишь инструменты для достижения собственных целей. Заменяемые инструменты.

Очевидно для меня стало то, что я так не считал.

Те ошибки, что я совершил — ужасны. Они повлекли за собой смерти. Мне нет прощения.

Я неожиданно оказался в толпе репортёров, застряв на полуслове, видя, как другой я ушагивает спокойно в даль.

— Дальнейшие комментарии излишни, — услышал я, как я обронил заученную фразу и направился за собой.

Стоило трудов, чтобы догнать себя.

— Теперь я Зануда? — спросил я у себя.

— Ты всегда им был, — ухмыльнулся я другой.

Он меня бесил.

— Я знаю, что ты пытаешься всё исправить, однако сам не веришь в то, что это возможно. Но может быть было бы лучше держать свои желания при себе?

— Вот ты и держи, а я буду их реализовывать.

— Что ты делаешь?

— Звоню отцу.

Нет! Нам ещё проблем не хватало. Ещё смерти? Отчитываться родителям Четвёртой, платить людям Ринжины? Если умрёт Рамондо, единственный мой настоящий друг, я... Да я уже не знал, что я сделаю.

Только мысль о том, что в конце этих страданий ждёт меня Ирви, которая выслушает и поможет, держала меня на плаву.

— Отец?

Я замер. Что он собирался ему наплести? Ситуация хуже некуда — мне дали поручение не допустить иска и я в который раз обосрался.

— Я поговорил с Гривусами. Они настаивают на подачу иска, но истинная причина — у них отнимают дом. Я думаю, что на этом можно сыграть и показать всё так, что мы помогаем нашим сотрудникам в трудную минуту. Будет нам рекламная компания.

— Это необоснованные траты, — начал было отец, но смягчился. — Можно будет уменьшить выплаты зарплат под слоганом социальной компании, что-то вроде принудительного страхования от несчастных случаев. Ты уверен, что...

— Да, уверен, отец. И второе.

Какое второе? Во что ты нас впутываешь?

Однако я молчал. Если отец услышит второго меня, то положит нас в больницу, нам вправят мозги и мы больше никогда не увидит нашу Ирви.

— Это по поводу данных? — грозный тон отца не оставлял других вариантов, кроме как капитулировать.

— Послушай вначале, а после скажешь.

— Говори.

— У меня есть все основания считать, что это Виктория выкрали данные у Ашуры.

— Оснований мало, ты ставишь...

— Рискну, дерзну и перебью тебя, отец. У меня есть доказательства. Я могу сделать так, чтобы Ашура всё понял сам.

Но Ирви же говорила, что Ашура и Виктория заодно. Не сходится. Стоит ли Ирви верить?

Отец тяжело вздохнул:

— Это очень рискованно. В случае провала Йомсбур выберет позицию избегания и все последствия лягут на тебя. Я буду настаивать, что ты предпринял эти действия в своё личное время в личных интересах. Иммуитет члена совета директоров для тебя будет недоступен.

Это могила. Идти ва-банк с таким ничтожным процентом вероятности и такими рисками — проще сразу шагнуть в окно. И мы шагали, оставаясь в живых.

— Я согласен, — сказал уже я, глядя на замученного и опустошённого Зануду.

— Шон, ты очень сильно рискуешь. Но будь по твоему.

Я прервал соединение.

— Что ты творишь?! Мелисса Великая, что ты вытворяешь? — схватился за голову Зануда.

— Вытаскиваю твою жопу из болота, приятель, — ухмыльнулся я. — И давай договоримся не упоминать Ирви в плохом ключе.

— Ты действительно веришь во всё, что она тебе наговорила?

— Да, верю.

— А как же то, что Ашура и Виктория в сговоре?

— Это не помешает их рассорить, — пожал я плечами.

— Ты тупоголовый кретин, которому недостаёт вводных.

— Это называется оптимизм, и тебе стоит поучиться.

Он зарычал и зло пошагал в машину, сев на заднее сидение и демонстративно хлопнув дверью.

Я сел за руль.

— Что там было? — уставилась на меня Четвёртая.

— Много чего. Но я получил «добро» от отца.

— Значит начинаем? — потёрла она руки.

— Что «начинаем», мальчик мой? Твой план — кусок говна, какой ещё поискать нужно! — отчитывала меня Ринжина по общему каналу связи.

В машине сидел Шарлотта и рассматривал свои пальцы:

— Если хочешь знать, мне тоже не нравится.

— Кто вообще позвал этих двоих? — вдруг дошло до меня.

— Я... — смутилась Четвёртая, поднимая руку. — Мне показалось, что больше глаз —

не меньше.

Зануда стоял рядом, держа в руках чемоданчик, в котором в собранном состоянии лежала снайперская винтовка.

— Давай ещё раз, я хоть поукараю, — в голосе тётки Ри звучала издёвка.

Я вдохнул, успокаивая колотящееся сердце.

— Я иду на встречу, на ней будет Самото с людьми и Аманда, которая Лидия, которая Виктори, тоже с людьми. Мы прошерстили её дом, спровоцировали её на то, чтобы щепка с данными была у неё. Щепка с биконом.

— Щепка с беконом, — облизался Шарлотта.

— Не перебивай. Щепка с бИконом, но пульт я посеял. Четвёртая, то есть Марго, будет искать нужный гайд для подключения и пошлёт сигнал активации. Щепка запищит в нужный момент, тогда станет очевидно, что данные у неё. Тогда щепку по протоколу необходимо будет предъявить Миротворцам, а там по своим каналам Марго извлечёт данные, а я их считаю. Или перехватим щепку не мудрствуя.

— А если что-то пойдёт не так? Мне эта часть больше всего нравится, — Ри стояла на своём.

— Меня будет прикрывать Зануда со снайперкой, Шарлотта, — доктор одними губами произнёс Шярлёттэ, сложив руки щепотками, — подрулит на машине и заберёт меня. На мне бронежилет, из оружия пистолет. Всё схвачено.

— Кроме момента, что прикрывает тебя твоя галлюцинация, — расхохоталась Ринжина. — Шон, мальчик мой, ты серьёзно? Если хочешь идти против корпоратов, а ещё круче stravливать таких больших шишек прямо на виду у всех, лучше...

— Что, Ринжина, лучше? Выйти в окно? Так я выходил. Дважды. И что?

— На везение уповать не стоит, — возмутилась Ринжина.

— А это и не везение. Это вера. Не веришь — вали. Я тебе потом открытку пришлю.

— Ох, Шон, не могу я на это смотреть. Я отключаюсь. Твоя смерть не будет на моей совести. Видит Глория, я пыталась тебя уберечь.

— Шон, — подошла ко мне Четвёртая. — Может быть она права? Давай просто подключимся к ним дистанционно и объясним на словах?

Я нежно взял её лицо в свои ладони, поцеловал.

— Всё будет хорошо.

Я перевёл взгляд на Зануду:

— Шуруй на позицию. Как будешь готов, говори.

Он ничего не сказал. Было видно по его виду, что ни во что он не верит, чувствует себя обречённым и идёт на верную смерть. Если не свою, то мою.

Время близилось к двадцати трём и я пошёл к месту встречи.

Бульвар Де Ля Вега был новым микрорайоном, который резко расхотелось строить. Застройщик свернулся, оставив после себя кучу полудостроенных зданий и даже работающую инфраструктуру. Здесь жгли старые покрышки бездомные, здесь на улицах валялся всякий хлам, здесь горели лампы, питаемые электричеством, а не напрямую магнумом, здесь воняло.

Бредя этими улицами я вдруг почувствовал себя одиноко. Будто я действительно один, и нет рядом Четвёртой, нет меня самого прикрывающего мне спину, нет Рамондо, готового чуть что оказать первую помощь. Да и вообще чем больше я всматривался, тем меньше понимал, почему я не свалил из этого проклятого города куда-нибудь на окраину, не влился

в семью Мабутсу, как Ринжина когда-то предлагала. Зачем я всё ещё на этом пути?

Потому что отчаянно пытаюсь исправить несправедливый мир. И у меня почти получилось уже однажды, нужно только чуть-чуть дожать.

— Я на позиции, — отрепортал Зануда.

— Я тоже, ловлю бродкасты от маячков, — раздался голос Четвёртой.

— Марго, не высовывайся. Тебя нет.

— Помню-помню, — с улыбкой произнесла она.

— Только толку, если нас не станет, — пожал плечами Зануда.

— Всё, молчим.

Первыми явились ребята Само́то Ашуры на трёх машинах. Вылезли гурьбой, человек десять. Все в форме, вышколенные — личный отряд. Само́то был в середине, закрываемый со всех сторон. Захоти мы его снять — это ничего бы не дало. И Само́то, и Аманда, и Альфри были участниками программы глобального бэкапа. Лишиться физического тела всё ещё страшно, но их оцифрованная версия каждый вечер обновлялась в кластере и компании продолжили бы своё функционирование.

Среди охраны Само́то я заметил фигуру, облачённую во всё чёрное с саблей на поясе. Тёмный заметил меня, задержал на мне взгляд, но на этот раз без остановки времени и всяческих фокусов. Он стоял по правую руку от Само́то и, казалось, даже не дышал.

— Здравствуйте, Шон Йомсбур. Пунктуальность одна из ваших сильных сторон.

— Бизнес не терпит задержек, — пожал я плечами и принялся ждать, сложив руки на груди. Ладонки намокли, сердце отбивало рваный ритм.

«Успокойся, а то словишь out of service», — гаркнул на меня Шарлотта. Он мониторил мои жизненные показатели.

Я принялся дышать под счёт, мысли в голове переставали метаться.

Вскоре, с пятиминутным опозданием, приехала ещё одна машина. Из неё вышла лишь она одна — беловолосая, стройная, в берцах и камуфляжных штанах, чёрной блузке и с дамской сумочкой на плече. Без охраны, абсолютно и полностью уверенная в себе.

«Может мне её снять?» — раздался голос Зануды.

«Шон, следуй плану!» — взмолилась Четвёртая.

Она на полном серьёзе считала, что где-то есть второй я со снайперкой — такой уровень её доверия ко мне.

— Привет, Шон.

— Лидия? Или быть может Аманда Виктори? — поднял я бровь.

— Обиделся, что не сказала? Бизнес есть бизнес, парень, а на обиженных воду возят.

Она подошла к людям Само́то, окидывая его придирчивым взглядом:

— Что это за цирк, не мог один приехать? Опять «это» с собой припёр.

— Хватит припираться со мной, давай взаимодействовать как взрослые люди. Шон, что Вы нам хотели продемонстрировать?

— Лидия, — я не мог назвать её иначе. От воспоминаний нашего с ней секса становилось стыдно — провели как мальчишку.

«Шон, я ещё не нашла», — отозвалась Четвёртая.

— Помнишь данные, которые мы выкрали и из-за которых у меня столько проблем? Это ведь ты у меня их украла, так ведь?

— Не-а, — улыбнулась она своей лучшей улыбкой. — Слово против слова.

— Ребячество, — вздохнул Само́то. — Пятнадцать секунд и я уезжаю.

«Нашла!»

— Так вот, щепка, на которой были данные, меченая.

Я взмахнул рукой, словно дирижёр, и сумочка принялась пищать словно здоровенная голодная крыса. Само то поднял бровь. Аманда-Лидия смутилась, полезла в сумочку.

— Аманда Виктори, — холодно произнёс Само то, — я обвиняю Вас в промышленном шпионаже и подаю в Миротворческий суд за незаконное использование интеллектуальной собственности другого предприятия.

— Вот этой что-ли? — удивилась она, двумя пальцами вытягивая щепку.

Вот она, родимая. Иди сюда!

— Это вещественное доказательство и требуется для фиксации правонарушения в суде, — выпалил я.

Аманда наклонилась, положила щепку на асфальт, после чего полезла в сумочку во второй раз и вытянула оттуда огромную М6 двустволку, направляя в щепку.

Бах! Слово яркая вспышка отпечатался у меня в сознании глаз с вылезшими капиллярами, обрамлённый шестигранником. Бах!.. Сознание разорвало от образа окровавленного глаза, вытекающего из глазницы.

Каменная крошка разлетелась во все стороны, писк в ушах, вонь пороха. Она закашлялась.

Откашлявшись, Аманда сложила пополам ружьё. Со звоном упали на асфальт отстреленные пустые гильзы. Медленно и не торопясь она вставила на место новые.

— Какие ещё данные? Нет никаких данных.

Вопиющая наглость! Столько народу видела уничтожение вещественных доказательств! Само то обязан отыгаться.

— В таком случае, — произнёс глава Ашуры, — я требую предоставление денежной компенсации в размере шестисот миллионов марок и Вы, Шон Йомсбур...

Я не успел задуматься даже о том, что же за херня произошла? Почему столь мягкое обвинение? С чего вдруг такие... Доверительные отношения? Ирви была права? Она действительно знала то, чего я не знал. Она действительно Мелисса!

Тёмный сорвался с места, подрезая ноги впереди стоящему. Слово вихрь, он помчался ко мне, но в движениях его я видел некоторую неуклюжесть. Слово точные и чёткие движения, которые должны были быть именно такими, резкими, отточенными, вдруг стали немного более неряшливыми.

Как разум учёного, когда тот болен.

Я не успел среагировать. Моя перегруженная операционка не смогла вовремя дать сигнал моим синапсам. Удар сшиб меня, повалил на землю. Следующий, по шее, едва не выбил дух.

— Стоп! — прокричал Само то.

Я увидел шестигранник с глазом с капелькой крови у конъюнктивного мешка.

— Остановись! — крикнул он ещё раз.

Глаз налился кровью, стал красным. Капелька сорвалась, скатываясь куда-то в пустоту.

Тёмный не останавливался. Я только и успевал, что вертеть головой, уклоняясь от ударов, и пытался упереться ему в корпус. Но и удары его были будто бы какими-то не настоящими. В какой-то момент в шее щёлкнуло.

...Обнаружено новое устройство...

Это была щепка с данными.

Бабах — меня окатило кровью, уши заложило, голоса стали приглушёнными, а безголовое тело Тёмного повалилось на меня сверху. Я упёрся коленом, скидывая его с себя.

— Твой пёс всё же сорвался с поводка, — с кривой ухмылкой проговорила Аманда.

Из левого дула шёл дымок.

— С-спасибо, Лидия, — выдавил я из себя.

— Мелисса Великая, Шон, как же ты жалок, — процедила Аманда.

Ключ подошёл к данным. Они полились образами прямо в когнитивный отдел, раскладываясь на файловой системе. Чертежи какого-то устройства, что-то под кодовым названием «вечный магnum» и точное расположение гробницы падшей богини.

«Что это, Шон? Данные? Они странные», — отозвалась Четвёртая.

Лидия повела носом воздух.

— Самото... Ты не чувствуешь? С ума сошёл?

— Тут... — отозвался Самото завороченно.

Кровавый глаз отпечатался в голове приступом боли.

— Да, тут был посторонний! Прямо у тебя под носом! И ты его прошляпил, сука!

Его охрана засуетилась, но одним движением руки Самото они застыли, словно безвольные куклы.

Меня грубо отключило от общего канала. Связь разорвалась настолько внезапно, что из носа пошла кровь, а в глазах на мгновение потемнело и исчезли все, кроме Самото, Лидии и окровавленного безголового трупа Тёмного.

Лидия перевела свои большие глаза на красивом лице на меня, посмотрела пристально — мою систему безопасности коротнуло.

— Блять, а теперь и вот это, — резюмировала Аманда Виктори.

— Вижу, — вздохнул Самото. — Повторим чистку, — в его голосе появилась тревога.

Я приподнялся на локтях. Голова гудела, меня приложили об асфальт. В свете фонаря разыгрывался нешуточный спектакль, и я, придётся признать, не понимал, что происходит. Я кое-как встал.

Аманда презрительно фыркнула:

— А знаешь что, Самото, ты сплошное недоразумение. Всё можно было сделать аккуратнее! И вообще, какого дьявола я с вами нянчусь?!

— Стой, успокойся! — встревожился Ашура.

Мне в лицо упёрлась двустволка.

— Аманда, подожди. Он нам нужен. Ну и что, если он что-то узнает! Всё по плану.

— К чёрту такой план! Мне надоело! — топнула она ногой. Белые волосы разлетелись в разные стороны. — Вечно ты, Йомсбур, встречаешь. Суёшь палки в колёса. Сколько тебя можно чистить? И без тебя справимся!

— Нет! — выкрикнул Самото и красный глаз вспыхнул, выжигая болью сознание.

Раздался выстрел, огонь полыхнул из правого ствола, а мысли улетучились, стали такими крохотными и маленькими. Я видел себя словно через прицел снайперской винтовки и думал — стрелять или не стрелять. Моя неуверенность в этот момент меня удивила.

Я оторвался от оптического прицела, понимая, что меня тошнит, а руки мои трясутся. Тело сковало одной сплошной судорогой, в глазах потемнело.

Жёсткая трава под моим телом. Синее небо над головой.

Боли нет.

Время было чуть более раннее, нежели я обычно просыпался — ещё до обеда. Солнце

светило не высоко, а застряло где-то в полуразрушенной башне за спиной. Я побрёл к привычному месту, однако стоило мне зайти в лес, как я услышал шёпот:

«Сюда».

Голос был очень похож на голос Ирви, хотя сказать наверняка я не мог.

Следом за голосом шло осознание, откуда этот голос исходит.

Однако стоило мне пройти несколько минут в том направлении, как голос снова шепнул, но уже заманивая меня вглубь леса. Я блуждал так долго, и если бы это месте не было неким подобием сна, давно уже испытывал бы жажду и проголодался бы. Но поиски мои увенчались успехом и я вышел к заросшей густым кустарником низине. У низины сидела она, глядя кого-то по волосам.

Меня обожгло ревностью. Как это Ирви приласкала кого-то другого? Я у неё не один? Но стоило мне приблизиться, как я увидел бледную кожу, принадлежащую человеку, из которого навсегда ушла жизнь.

Он был немолод, лицо его было морщинистым — уроженец восточных мест, узкоглазый, желтолицый, с длинными волосами собранными в три тонких косы. Из глаз его текла кровь, веки были плотно закрыты, рот всё ещё перекошен от ужаса.

— Дункан Корвус, — шепнула Ирви. — Он просил о помощи, молил о пощаде, ему было больно, и я помогла ему в последние мгновения. Бедняга, шедший своей дорогой, но так и не дошедший до конца.

— Это же Тёмный! — вспомнил я. — Он снова хотел меня... — я осёкся.

Ирви подняла взгляд своих грустных глаз.

— Не хотел. Никогда не хотел. В тот самый раз, когда вы выкрали данные, он помог вам.

— Как? — задумался я. — Без него нам бы противостоял сам Самото Ашура, а он отвлёк меня... Но всё равно получается, что Самото меня спас. Выходит он пытался контролировать своего же Тёмного, вышедшего из-под контроля. — Я помотал головой. — Ничего не понимаю.

— Помоги мне подняться.

Я приподнял тело Тёмного. Ирви выбралась из-под него.

— Мы оставим его здесь? Не похороним?

— Ночью его съедят виверны, — пожалала плечами Ирви. — Идём, расскажешь мне, почему ты тут.

Мы шли по лесу, а я рассказывал. Её не смутил тот факт, что я галлюцинирую, однако смутило то, что Ринжина не стала участвовать в моей афере. Когда я рассказывал дальше, до момента собственной смерти, она лишь кивнула.

— Я умер! — вдруг осознал я.

— Нет, ты вот он, живой.

— Меня закоротило и я потерял сознание, но я видел в прицел, что я умер. Мне снесли голову! Я определённо точно умер. Я не могу быть в двух местах одновременно, Ирви. Это...

— Всё хорошо. Ты сделал многое, ты почти указал мне путь.

Она остановилась, посмотрела на меня и обняла меня, касаясь своими губами моих губ.

Она спрашивала, задавала вопросы, уточняла.

— То есть в итоге ты оказалась права, — признал я, но до конца не мог поверить, что передо мной пусть и образ, но настоящей богини. Я два месяца разговаривал с ней как с самой обычной девушкой и менять это не собирался. — Они подыгрывают друг другу. Кто

бы мог подумать, что две корпорации так взаимосвязаны. И то, что я приходил к Самото, рассказывая, что подозреваю Викторию... А данные всё же были у Тёмного, который... Кто такой Тёмный?

Она погрузилась в себя, о чём-то задумываясь.

— Он пришёл издалека, один из верных мне пяти магистров, предводитель ослабевшего и потерявшего силы рода Корвусов, потомок Манайи Корвуса. Он смог добраться сюда, смог заговорить со мной, смог спрятаться и ждал нужного момента. Это он подменил твою программу и он же помог выкрасть данные — отвлёк Самото Ашуру, дал выиграть время.

— Но как? Он же служил Самото? Или Аманде. И как он подменил программу, когда я её за вечер написал?

— Не знаю, но я тебе не вру. Дункан, потомок Манайи, сделал почти невозможное. Не дай его трудам пропасть.

— Всё зря, — буркнул я. — Там не данные, а ерунда какая-то. Что-то про «вечный магнум» — очередную разработку корпоратов, и, что самое странное, про место твоего захоронения.

На миг я увидел, что её глаза округлились.

— Ирви... Мелисса, — я взял её за руку, заглянул ей в глаза, — я ничего не понимаю. Я допускаю ошибки. Много ошибок. А всё по незнанию. Помогите мне их не допускать.

Я сел под дерево, она села рядом со мной, давая себя обнять.

— Все мы совершаем ошибки, — она сжала кулаки. — Однако ошибками мы выстилаем себе дорогу к нашей цели. Лишь время течёт беспощадно и бессмысленно. У людей всегда должен быть Смысл.

— Смысл оправдывает ошибки?

— Если это действительно Смысл с большой буквы. У меня был такой, но я его потеряла. Надолго...

Она замолчала, глянула на меня.

— После того, как умер Лэнс, после того, как его словили и пытали, я потеряла этот Смысл. Но я, кажется, обрела Его в тебе. Я хочу тебе помочь. Хочу исполнить твою мечту, — в её словах была неуверенность. И это была неуверенность странного сорта, она будто бы боролась сама с собой и в борьбе непонятно было, кто победил, а кто проиграл.

— А разве она у меня есть? Разве ты её знаешь? — удивился я.

— Догадываюсь. Иначе ты бы не вытерпел всё, что ты терпел. Только мечта способна дать столько сил. Чёткая цель. Люди странные создания — обретают силу лишь под напором, идя против течения, разбивая волну.

— Волнорез... — проронил я.

Ирви улыбнулась.

— Скажи мне, Йомсбур, чего ты хочешь?

И я глубоко задумался.

— Я снова наобещал всего, чего не могу исполнить. Однако я не перестаю обещать. Я же воскресил Марго! Мне так хочется, чтобы в мире прекратилась вражда, чтобы все жили счастливо и никто не умирал, — я смутился собственными словами, ведь они звучали глупо. — Совершенно детская мечта, но я буду спокоен, даже если исполню её частично.

— Никогда не мечтай «частично». Мечтай только полностью!

— Я хочу, чтобы мои обещания исполнились. Кроме прочего, я хочу, чтобы людьми начали считать не только корпоратов и их детишек, но и обычных заводских работяг, у

которых сейчас нет даже медицинской страховки. И даже корпоратов выкидывают на улицу, если случается беда, вместо того, чтобы помочь им. — Перед моим лицом стояло заплаканное личико Аделины. — Ты же всемогуща! Ты всё можешь. Прошу, исполни хотя бы часть!

— Мечтай не по частям, — нахмурилась она, а после смягчилась и сделалась немного грустной. — К сожалению, силу мою забрали. Но мы можем заключить сделку, ты можешь всё исправить, — с улыбкой заверила она меня и развернулась, садясь мне на колени. — У тебя есть всё, что нужно. Смерть Дункана не будет напрасной! Тебе нужно лишь согласиться на нашу сделку.

— Да, помоги мне.

— Тогда всё просто: найди меня. Нет, я не мертва, как все говорят. Это всего лишь один из мифов. Меня не так просто убить. Это не смерть, это просто очень длинный сон. Сон, длиною в вечность. Найди меня, Шон, — жарко стала говорить она. — Ты знаешь где я, ты знаешь всё, что нужно знать. Найди меня и избавь от оков вечного сна.

Глава 9. Правда и ложь

Звуки пробивались сквозь пелену боли.

— ...А ну держи его!.. — голос Рамондо.

— ...Я маленькая, он меня скидывает!.. — голос Четвёртой.

Удар в челюсть. Может быть равно как от Рамондо, так и от Четвёртой.

Боль поглотила меня. Я не знал, сколько времени прошло — мгновение, минута, час.

За это время что-то поменялось — меня перестало выкручивать, челюсть слегка разжалась, я перестал мычать, только колотился.

— Ты чего полез систему переустанавливать? Или тебя твоя беловолосая хакнула? — возмутился Рамондо.

Машину трясло. Пару раз я вмазался головой о дверь, что не помогало прийти в себя. Я усадил проходящее в себя своё собственное ватное тело. Ночь, машина газует по залитой огнями автостраде. Я на заднем сидении, вроде цел. Машину повело в занос, но она выровнялась, а я в очередной раз вмазался виском в дверь.

— Дай мне, я поведу, — крикнул Рамондо.

— Не лезь! — отозвалась Четвёртая и мотор загудел.

Голос, который раздался в голове, был транслирован по специальному каналу.

— Ваши действия расцениваются как препятствие задержанию!

— Миротворцы? — простонал я и нашёл свою снайперскую винтовку в ногах в собранном виде.

Почти ничего не чувствующим телом я стал выносить заднее стекло.

— Ты что делаешь? — подал голос Зануда.

— Ты чего вылез? А ну сиди где сидится!

— Ты должен быть мне благодарен за тело, хотя это мне следовало тебя вышвырнуть, а не позволить доминировать.

— Сиди и не вякай! Задрал!

Я достал винтовку.

— Шон, что ты делаешь? — крикнула Четвёртая.

Мотор всё ревел на пределе, мелькали столбы. В выбитом стекле гудел воздух. За нами, не отставая, метрах в пятидесяти, гналось три машины.

— Перестреляю их и поедem в офис Йомсбур. Сегодня среда, конец месяца, отец обычно остаётся в офисе для улаживания экстренных дел, — бросил я.

— Ни черта не понимаю, — буркнул Рамондо. — Ты что-то понимаешь?

Видимо, девушка потрясла головой.

Машину дёрнуло, повело, но она выровнялась. Не знаю, что она там себе за прог понаставила по вождению, но стало получаться у неё значительно лучше.

— Марго, нам нужно скрыться, — крикнул я ей, перекрикивая шугающий через разбитое стекло ветер.

— Давай, иди назад, — голос Рамондо, — держи ногу на газу. Вот тут кнопка... Не бойся! Я держу руль, перелазь. Давай, быстрее!

Машина дёрнулась ещё раз, рядом появилась Четвёртая, вся в поту, глаза безумно бегают.

— Впереди развилка, что делаем? — спросил Рамондо.

— Марго, нужно сбить их, — затараторил я. — Ты можешь их отвлечь?

— Сразу всех? — округлила она глаза. — Не могу, с ними нэтраннер!

— Подсвети его.

Я высунулся из машины через заднее стекло и тут же ослеп от фар, никого не видя.

— Шон, куда едем? Шон! А, уже поздно, едем дальше.

Свистнула пуля, отскочила от багажника и оцарапала висок. Четвёртая потянула меня за руку — я пригнулся.

— Я ему баллистический сопроцессор сбила. Шон, не высовывайся, прошу! А ты закончишь как Джек.

Какой Джек?

— Мы обосрались, — вылез Зануда. — Отец предупреждал. Теперь мы сами по себе. Мы... Нам конец.

Я побил себя по щекам, заталкивая Зануду поглубже.

— Четвёртая, соберись и подсвети мне нэтраннера!

Я принялся копать за сиденьями, выискивая прожектор. У меня же он был? Я же его не выкладывал с той вечеринки? Был, не был, без разницы — буду считать, что был.

Я выудил из-под сидения небольшую лампу, настроил её на светомузыку, врубил и едва не засветил себе в глаза.

— Готово, но они тебя тоже таргетят, — предупредила Четвёртая.

Ещё одна пуля скользнула куда-то в пустоту. Машина дёрнулась.

— Блять, чтоб вас всех! — ругнулся Рамондо и зарычал. — Совсем скоро ещё одна развилка.

— Сворачивай, но...

— Я знаю как, не учи учёного, не первый раз. Но Шон...

— Не ссы! Четвёртая, скрипт. Объяснить?

— Нет.

Я видел красный силуэт с указателем в левой машине преследователей. Нэтраннер лежал на заднем кресле.

Я вынырнул, активируя синаптические ускорители и ставя моргающую лампу, чтобы в меня сложнее было прицелиться. От активации ускорителей ударило по мозгам так, что кровь из носа пошла, а глаза напряглись и я увидел снова глаз с алыми прожилками капилляров. Баллистический сопроцессор работал на полную. Я взял упор, выискав приблизительную траекторию — двойной рикошет: от двери соседней машины в крышу, от крыши в цель.

Задействовав весь свой софт, кибернетические волокна в мышцах, резервы гормонов в ампулах, я выдохнул, останавливая своё сердце. Пусть мои синаптические ускорители и не были способны на такой коэффициент замедления, а операционная система не была способна на вычисления в таких условиях, я понимал, что либо сейчас я совершу чудо, либо это будет конец всему.

Я вспомнил Тёмного, как тот остановил время. Это не было суперреакцией или действием какого-либо рода импланта. Это не было скриптом. Это была остановка времени, мистическая и пугающая технология, как вечно спящие боги или попадание дважды в люк в асфальте при прыжках с большой высоты.

Время послушно замедлилось ещё больше и я дождался, пока машина качнётся на амортизаторах — траектория совпала на мгновение — выстрел.

— Он отвлёкся! Ты попал! Он отвлёкся!

Марго не могла поверить, зажмурилась и запустила скрипт, повиснув у меня на шее.

Мы остановились в какой-то подворотне далеко за городской чертой, заглушили мотор. Четвёртая, с покрасневшим лицом, приходила в себя, периодически сдерживая рвоту и обдувая себя всеми возможными способами. Рамондо перевязался, не доставая пулю, вышел покурить, оставив дверь открытой и периодически комментировал, когда было что.

— Мы выбрались! Твоего друга Джека жалко, — Марго рассматривала свои руки. — Весёлый был.

— Какой Джек? Это был я! — выкрикнул я и ощупал себя. — И я жив. Благодаря Зануде.

— Кто-то меня благодарит? Я должен был бы выпереть тебя на мороз, но ты доминируешь в моём собственном теле! — возмутился Зануда.

— О, старый добрый Шон с двумя операционками, — улыбнулась Марго. — Скажи мне, как всё прошло? Задание закрыто? Мы можем уже на полноценное свидание сходить?

Я сел, унимая дрожь и борясь со слабостью. Мне протянули воду. Я выхлебал залпом полбутылки.

— Всё... — я хотел сказать «плохо», но передумал, вспоминая уговор с Ирви. — Всё неважно.

— Что это значит? — нахмурилась Четвёртая.

— Ашура и Викторянцы в сговоре.

Лицо её изменилось на изумлённое.

— Об этом следует доложить моим, они быстро разберутся.

— Уже разбирались, — вздохнул Зануда. — А операция провалилась, у отца больше помощи просить бесполезно, так что светит нам за шпионаж, за сопротивление при аресте, за...

— ...ткнись, — буркнул я. — У меня данные.

— Какие данные? Те самые данные? — влез Рамондо. — Удали их нахер. В суде прикинешься невменяемым, у тебя неплохо получается.

— Шарлота! У меня есть козырь среди всех козырей.

— Как ты их достал?

— Мне их сунул прямо в слот Тёмный, пока никто не видел. А ключ когда-то подобрала Ринжина. Хотя я что-то не уверен, что никто не видел.

Я перебирал сейчас данные, пересматривал их, отвечая на их расспросы. Судя по данным Ирви была рядом, прямо около города, в начале гряды Туирских гор. «Где-то в Туирских горах», вспомнил я слова Четвёртой.

— Там был Джек, — помассажировала виски Марго. — Я ничего не понимаю.

Так же чувствовал себя обычно я, разговаривая с Ирви.

— Там. Был. Я.

Марго открыла рот. Закрыла. Прodelала это ещё пару раз.

— Тебе напомнить, почему ты ЭмЭм, рыба моя?

— Я не мёртвая! Меня ударили по затылку, от такого не умирают.

— Тебе прострелили голову из «малютки», от такого не выживают!

Она помотала головой.

— Шон, это видел только ты. Все остальные видели другое. Не думаешь, что объективная реальность строится немного по другим законам? — нахмурилась Четвёртая. — Я не умирала — Ринжина подтвердила.

— Не важно, что ты видел. Важно — во что веришь, — вспомнил я слова Ирви.

Марго вздохнула:

— Мне кажется, ты просто сходишь с ума.

— Ладно, раз ты такая умная. Как я мог получить данные?

— Я не знаю. А что на них?

...Несанкционированный доступ...

— Четвёртая! — возмущился я и девушка закрутила головой, вытянувшись по струнке, после посмотрела на меня и покраснела.

— Извини, я не подумала.

А сама уже во всю рассматривала секретную информацию.

— Тёмный дал мне зашифрованную версию. Сам её расшифровать не смог. А у меня был ключ, а данных самих не было. Ринжина не обманула — ключ подошёл.

— Я ничего не понимаю. Тут, считай, схема какого-то странного вечного двигателя. И в центре него аномалия, генерирующая магнум высокой интенсивности. И... — её глаза стали круглыми. — Тут вообще бред какой-то. Ашуре понадобились эзотерические сведения расположения гробницы Мелиссы? Я должна доложить начальству.

— Главное, — влез Рамондо, — убери из рапорта моё имя.

Я сел за руль, Марго перепрошила маячок в машине и так мы въехали в город, высадив сразу же Шарлотту там, где ему было удобнее.

— Поехали отсюда, — устало предложила Четвёртая. — Завтра я обо всём доложу, а ты заляжешь на дно. Пара дней, и от Ашур с Викторией прилетят официальные извинения, я уверена.

— Но вначале пойдём пожрём. Сломаешь мне вон те камеры, чтоб нас никто не увидел?

Она нахмурилась, но сделала.

Вновь брикеттики, вновь личинки, на этот раз перемолотые, потому хер знает, чего они ещё туда насыпали. Четвёртая ела без удовольствия, я же уминал за обе щеки совершенно не ощущая вкуса.

— Марго дело говорит, нужно залечь на дно, а потом делать все наши дела по тихому, — вылез Зануда.

— Мне больше нравилось, когда ты был отдельной личностью, — буркнул я.

— Шон, тебя обязательно нужно будет полечить, — заметила Четвёртая.

— Согласен, но не раньше, чем я всё сделаю, — пожал плечами я. — Я хотел с тобой поговорить об Ирви. И это очень важный разговор, не знаю, согласишься ли ты мне.

Пауза, которую Четвёртая не выдержала.

— Я слушаю, давай, не томи.

— Ты веришь, что Тёмный остановил время и разговаривал со мной, а не дрался, тогда ещё, в первый раз? Веришь, что в открытый люк я дважды угодил не случайно? Что ты была мертва и я потерял себя, но воскресил тебя? — она смутилась. — Веришь, что это мне прострелили голову из дробовика? Тебе не показалось странным, что Аманда достала его из дамской сумочки? Веришь мне?

Она ничего не ответила. Я продолжил.

— Ирви — это Мелисса Нотре. Она доказала это. Мне снилась она, во сне я видел Тёмного — мёртвого, без глаз. Я видел глаз... — я вдруг сам для себя замолчал. — Глаз, который я видел на одежде Самого, глаз, который я видел когда Лидия меня била, глаз, который я видел на своей одежде. Я как-то с ними связан. Это неважно, — я помотал

головой. — Ирви — великая богиня.

— Это... Это какой-то бред. И глядя на тебя я понимаю, почему ты можешь бредить. Но ладно, Шон, я очень хочу тебе поверить. Ты звучишь безумно, но допустим, что всё это так, и... Блять, — она ругнулась, наверное, впервые за всё время. — Ну Шон, если это шутка, то очень херовая.

— Не шутка. Мелисса Нотре у меня в голове. И знаешь что? Она может всё изменить. Она мне помогала уже.

— «Мне Ирви помогла», — вспомнила Четвёртая мою фразу.

Взгляд её был затуманенный. Жёлтая личинка повисла на кончике вилки.

— Да, именно. И я с ней договорился, — стал с жаром рассказывать я. — Я же много всего утворил. Гримма, Майклсон, ещё куча людей, о которых я не знаю, плюс ещё куча погибнет, да и не решит это ничего. Бедные как были бедными, без образования, без медицинской страховки, без нормальной еды, так они и останутся бедными. Но она...

— Что она попросила? — нахмурилась Марго. — Это Тёмная богиня, Шон. Мелисса Злая. Она...

— Всё это враньё, — безапелляционно заявил я. — Она помогала Фреске, вела мир к процветанию. А мы вот что сделали! Видишь?

— Что она попросила? — Марго задала вопрос ещё раз, её голосом можно было заморозить вулкан.

— Разбудить её.

— Но она мертва!

— Нет, она просто спит. Её нужно разбудить, всего лишь разбудить, и она вернёт свою силу. Я знаю, что она меня не обманет, я верю ей.

— То есть ты собираешься найти и разбудить бабу, к которой ты ходишь каждую ночь и отказываешься из-за неё лечиться?

В глазах Марго заплясал огонь.

— Марго, успокойся, пожалуйста. Ирви не против наших отношений.

Она смутилась.

— Я против ваших, — нашлась вдруг она, проговорив это дрожащим голосом. — Я не хочу тебя видеть с другой, а ты собрался... Да и как мне конкурировать с богиней? — в глазах её налились слёзы. — Да и не честно это. Я же для тебя... Я тебе доверилась, я хотела быть с тобой, а ты... Давай просто заляжем на дно, решим все наши проблемы, начнём сначала. Шон, прошу тебя, пожалуйста!

— Она просто подруга, — я понимал, что вру. — Я обязан ей помочь, — и опять вру.

— Не обязан, — зло произнесла она и встала. — Идём со мной! Зачем рисковать? — она утёрла слёзы и протянула руку. — Я люблю тебя, Шон, и очень не хочу потерять!

В её словах был резон. Пусть я бы и не вернул Майклсона, пусть и не выполнил бы всех своих обещаний, но её путь был безопасным и гарантированным. Естественно, доложи мы Миротворцам, и тут же пойдут разбирательства. На фоне грызни откроются многие возможности для Йомсбура и в течение года, а может и меньше, я получу свою должность. И вроде бы долгожданная победа, но Мелисса Нотре, хрупкая девушка, пусть и богиня, та, что вела меня к моему величию, помогала и поддерживала — останется не у дел.

Либо был второй вариант: доверится великому божеству, не мечтать частично, исполнить уговор. Но я смотрел на Марго, глаза которой были на мокром месте. На её протянутую руку и понимал, что выбор не даётся между хорошим вариантом и плохим...

— Я не хочу выбирать, — вырвалось у меня.

— Но тебе придётся! — ударила она по столу.

Я стиснул зубы, глядя на её миниатюрную фигуру и красивое личико. Сердце моё жгло от огня, его сжимало в тиски, я не мог поверить, что сейчас стою на таком распутье. И решать, куда пойти, было невыносимо больно.

— Прости, Марго, но я действительно должен. В этом смысл всего.

Слезинка побежала по её щеке, лицо не отразило эмоций. Она выпрямилась.

— Вот так, да? Я поняла...

Я дёрнулся встать.

— Сиди уже, не надо мне ничего объяснять.

— Но я тоже тебя люблю, — вырвалось у меня.

— Сейчас это звучит очень глупо и неуместно. Прощай.

Она развернулась и ушла, а я не стал её догонять.

Я пытался прийти в себя, сидя в одиночестве в забегаловке на окраине города. Еда в глотку не лезла.

— «Глупо и неуместно». А я, между прочим, так и чувствовал себя. Глупо и неуместно, — бурчал Зануда.

— Хватит ныть. У нас есть план. Мы можем исправить всё, понимаешь? И это тоже!

— Всё или ничего, — вздохнул я снова.

Да, Зануда тоже был я. Это всё был один я. Ныть и делать — фраза, описывающая нас и всю мою сознательную жизнь.

— А что значит «чистка»? — вдруг задался вопросом Зануда.

— Самото упомянул, когда Аманда расстроилась.

— Аманда? Не Лидия?

— Лидия нам нравилась, прикрывала нас иногда, мы ей доверяли. Эту сучку я буду звать Аманда и никак иначе.

— Ага, прикрывала. Наверняка шпионила, — возмутился Зануда и был прав.

— Но у них с Самото тоже не всё так просто. Давай подумаем. Мы пришли туда, ты тоже должен был видеть, наблюдать за всем, дополняй если что. Я пришёл, высказал аргументацию, и Аманда тут же согласилась, но достала из дамской сумочки метровую Мб. Это что за приколы?

— На ровне с остановкой времени Тёмного, — согласился Зануда. — Оно логике не поддаётся. Но я тоже видел, так что это не глюк и тебя не взломали.

— Хорошо, — кивнул я сам себе. — Она избавилась от данных и Самото намерен был отмахнуться какими-то жалкими судебными разбирательствами и штрафом вместо того, чтобы припасти что-то напоследок или устроить разборку. Странно?

— Не странно, штраф огромный и репутационный. Возможно, Аманде после такого грозило смещение.

— «Вечный двигатель» против «грозило смещение», — покачал я руками, изображая чашевые весы.

— Согласен, — выдавил из себя Зануда.

— И вот они собирались расходиться и...

— На тебя напал Тёмный. Напал и принялся избивать. Он снёс тебя на землю, пробовал пробиться через твою оборону, но ты держался на удивление хорошо.

— Так выглядело?

— Да, так и было.

— Значит очень реалистично подыграл. Однако дальше случилось то, чего я вообще понять не могу. Сразу после выстрела. Выстрел в голову Тёмного я ещё понять могу.

Я замолчал, пытаюсь вспомнить диалог. Помог Зануда.

— Они говорили о том, что Самото проморгал кого-то из посторонних. Жаль, в том районе нет камер наблюдения. Какой-токой посторонний мог вывести так из себя Аманду.

— Её и нечищенные зубы выведут... — буркнул я с нескрываемой злобой.

— Ты предвзят, — обвинил меня Зануда. — Она холодная когда надо, а вся её несдержанность наигранная. Но тогда... Мне кажется она не играла.

— Ладно, посторонний. Что дальше? Я постоянно вижу этот кровавый глаз в изумрудном шестиграннике, постоянно видел. Он как-то с этим связан. Но дальше... Что же было дальше?

— Аманда с Самото что-то увидели в тебе. Самото предложил провести чистку. Аманда была не в восторге и пристрелила тебя. Самото разругался с ней, сказав, что без тебя у них ничего не выйдет и система выйдет из равновесия, и вместо... Как он сказал? Вместо... Я не могу вспомнить, там сложная формулировка была. Что-то вроде вместо пути наверх они уйдут в фазу удержания.

— Этого я уже не слышал. Но я же попал в тело и отключился!

— Нет, не отключился. Мне было неприятно, что с мозгом снова что-то не то было, меня поколотило, но потом отпустило и я даже попытался снять Аманду, но не успел. Она будто знала, куда смотреть.

— Она нас видела. Она знает, что я жив. Что мы живы. Минус козырь. Ну спасибо Зануда!

— Ты бы так же поступил, нечего наезжать, — взъелся Зануда.

Рядом проходящая официантка посмотрела в нашу сторону с нескрываемым любопытством. Убедившись, что я очередной бедняга с перегруженной нервной системой, она нахмурилась и ушла своей дорогой.

— И как же она могла знать, что ты жив? — задумался Зануда.

— Да как бы она явно знает больше, чем я. Нужно это срочно исправить. Нужно всё исправить. Всё, пошли.

— Куда?

— Нам нужен вертолёт.

Глубокая ночь. Здание, у основания освещённое фонарями, возвышалось настолько высоко, что шея уставала смотреть. Оно утопало в дымке, горящий свет в окнах казался порталами в другие миры. Место с улицы казалось мёртвым, но я знал, что в этом месте люди никогда не спят.

Офисы даже в это время были открыты. Свободный график подразумевал необходимость иногда спать на работе. Свободный график — это не график, который ты можешь выбрать и которому можешь при желании следовать. Свободный график — это график, который выбирает начальник и который ты должен соблюдать. Такова реальность, если хочешь работать на суперкорпорации.

В здании уже началось ворошение. Огромный бокс, находящийся на предпоследнем этаже, раскрылся. В нём оказалось около тысячи чипов на ножках с нейроразъёмами. Чипы обладали своей графической системой и даже своей простенькой системой принятия решений основываясь на вводных данных. К моему сожалению из тысячи на ножки встало

только около двух сотен. Это была моя система «паучье гнездо», которое должно было минимизировать потери во время выполнения операций, хотя ещё предстояло доказать, чем такие малютки лучше боевых летающих дронов.

В данный момент мы с Занудой могли контролировать не более троих, и то стояли у двери, облокотившись на неё, с лицом зелёного цвета, готовые вот-вот блевануть. Остальные паучки действовали, подражая контролируемым.

Разведку шесть паучков произвело уже на более чем тридцати этажах, отмечая охранников и потенциальные проблемные места. Решив, что справимся по ходу и больше времени терять нельзя, я отдал остальным ботам приказ, а сам вошёл в здание.

— Господин Шон, Вас приказано задержать и сопроводить к господину Альфри. Сдайте, пожалуйста, оружие.

Я не показал вида, хоть в планы это и не входило, но достал пистолет и выложил его на стол, поднимая руки. Тучный охранник ошупал меня, а сам достал оружие.

— Извините, нас так инструктировали.

Я не знал, что ему ответить, закипая от гнева. Тело перехватил Зануда.

— Всё в порядке. После того, что я сделал, отец имеет право злиться, — выдал он, как обычно делая себя жертвой.

Охранник на мгновение замер.

— Что-то случилось?

— Н-нет, ничего. Идёмте, господин Шон.

Лифт ехал бесконечно долго, хотя ехать нужно было на восемьдесят седьмой этаж, далеко не самый последний. Томясь в ожидании, я уже думал, что мы никогда не приедем.

Стоило двери лифта открыться, как охранник попятился к стенке.

— Что за чёрт?

Пол был усеян паучками. Их механические тельца бликовали в неяром свете ламп.

Я схватил охранника за руку, выбивая пистолет и скручивая в болевом захвате. Один из паучков резво взобрался ему на шею и воткнулся в нейропорт, запуская вирус, перегружающий систему. Глаза охранника закатились и он рухнул.

Я подхватил пистолет. Остальная маленькая армия по моему приказу последовала за мной.

Я потянул за ручку двери и открыл дверь, впуская вперёд паучков.

— Это нападение, сэр! — крикнул Таретто.

Отец был не один и не собирался со мной нянчиться.

Выстрел, второй, третий. Крик. «Сними его с меня!». Ещё крик и хлопок. У меня едва мозг не вышибло. На мгновение мне показалось, что я отключился, система ушла в аварийный режим.

Заглянув в проём, я увидел Таретто Дэннинга, у которого проходил стажировку по отработке навыков телохранителя. Того самого, кто помогал в организации операции против Тёмного. Лишь немного замешкавшись, я надавил на спусковой крючок. Кровь брызнула на окна в человеческий рост и он упал. Я шагнул вперёд, видя ещё два лежащих тела его подчинённых, которым повезло больше.

Закрыв дверь, я подпер её тяжёлым столом и подошёл к окну, рядом с которым стоял отец.

Горел ночник, работал компьютер, выводились какие-то графики на белую стену. Альфри смотрел в окно, за которым был парк, а дальше, за парком, напоминание, куда я

вернусь, если всё закончится плохо — промышленный район с трубами, столбами дыма до небес и нескончаемыми перестрелками. Отец не повернулся, скрывая свои эмоции, хотя они у него были, я в этом был уверен.

— Ты же знаешь, что после твоего поступка, у тебя нет больше будущего? — спросил старик.

— Мне бы хотелось сказать, что мне плевать, но мне не плевать, — вздохнул я.

Отходя назад, я приставил пистолет к его затылку. Параллельно я поставил прокси на ближайший узел внутренней коммуникации и установил блок на все входящие в него запросы. Альфри это заметил, вздохнул.

— Вначале ты провоцируешь хрупкий баланс, потом подвергаешь опасности компанию, а теперь у тебя в заложниках родной отец? Можно уйти из неблагополучного района, но район от этого из тебя не уйдёт.

— Да что ты знаешь о нормальной жизни? — бросил я в сердцах. — Мы с мамой всегда жили впроголодь, а ты кормил нас завтраками, пока она не заболела. Можешь не рассказывать, что ты не мог её вылечить, потому что я знаю, что мог! Тебе было просто плевать на ту женщину. Ты видел лишь сына-гения, легко обучаемого и полного сил и потенциала. Ты же сам считаешь, что поступки определяют людей. Как твой поступок определяет тебя?

— Ты ещё не дорос, чтобы понимать, что было на кону и как я поступил с ресурсами. Я всё же здесь, а ты до сих пор там.

Он не поворачивался, но я мог поклясться, что этот разговор его злит.

— И не хочу понимать. И знаешь что? Наверное, я и всего этого не хочу! Я хотел стать директором для доступа к ресурсам, а сейчас ресурсы у меня есть, но ты здесь ни при чём.

— Тогда зачем ты здесь?

— Мне нужен вертолёт.

— Так у тебя ж есть ресурсы, иди и возьми, — подначил он меня.

Я толкнул его, упёр лицом в стекло, приставив ствол к голове.

— Завтра же, — прошептал он, — ты будешь мёртв, а всё твоё прошлое похоронено. Помяни мои слова. У тебя было всё, но ты не смог этим распорядиться. Я дал тебе всё, а теперь отниму, неблагодарная ты сволочь. Я не стерплю подобного к себе отношения!

— Мне. Нужен. Вертолёт! И я не хочу в тебя стрелять. Что тебе стоит дать его мне? Что тебе до меня? Ты ведь никогда и не хотел меня видеть в роли главы.

Я ослабил давление, отвёл пистолет. Отец развернулся. Лицо его покраснело от напряжения.

— Ошибаешься. Я делал для этого всё, что в моих силах. То, что посеяно в благодатную почву даст плоды в тридцать, шестьдесят и сто крат.

— Дало плоды?

— Почва была неблагодатной, — плюнул он.

— Ну ты и мудака, — процедил я сквозь зубы. — Всегда им был...

За дверью послышалась стрельба и крики, но вскоре шум вместо того, чтобы улечься, лишь усилился. Раздались тяжёлые удары в дверь.

— Я снимаю блокировку, а ты выдаёшь мне вертолёт, иначе я клянусь Мелиссой, я вынесу тебе мозги.

Я направил пистолет ему в голову.

Альфри Йомсбур вздохнул и кивнул.

Он не обманул. Вертолёт с автопилотом быстро вынес меня за городскую черту. Подо мной простирались пейзажи выветренной земли: выжженные солнцем лысые горы, мутные озёра, выкопанные шахты — рубцы на теле планеты. Небо пестрило от серо-зелёных туч, что периодически выпадали кислотными дождями. И дело даже не в заводах: микропластик проник везде, он стал выпариваться, выпадать в виде осадков. К нему, благодаря магнуму, добавились какие-то экзотические соединения, очень реактивные и опасные. Учёные устали бить тревогу и просто сдались, поглощённые корпорацией, продающей жизнь под куполом как единственный правильный способ эту жизнь жить. А между делом «воюющие страны» стараются выжить, вылавливают остатки рыбы, рожают изуродованных, мутировавших детей и жрут человечину, удобряя останками поля с кукурузой.

Скала, у которой сел вертолёт, была совершенно неприметной, и если бы не точные координаты, я бы никогда не нашёл тот проход, замаскированный под обычный грот. Естественно, ничего из того, что можно было бы засечь со спутника, не было: ни ПВО, ни радаров, ни признака электроники.

Я шагнул в проход, двигаясь медленно и не спеша.

Через несколько десятков метров вглубь горы тоннель стал освещён яркими лампами дневного света, тут и там стояли виртуальные окна, показывающие выход на природу, куда-то в зелёный лес. Послышались голоса людей.

Я дёрнулся было спрятаться, но не успел. На меня вынырнули двое в белых халатах, окинули меня взглядом и полностью проигнорировали. Охраны я не видел. Чем глубже я уходил, тем чаще я встречал людей: наладчики, инженеры, программисты, какие-то вообще не пойми кто. Они здесь, судя по всему, и жили, и работали. Разговаривали, даже смеялись о чём-то своём, некоторые ругались в отнорках. Я слышал обрывки фраз про план, про испытания и прочее.

«Никаких пропусков, никакой системы безопасности», — буркнул Зануда у меня в голове.

«Может у них сегодня день открытых дверей?»

Это действительно было странно.

Я шёл довольно долго, рассматривая мониторы с выведенными на них графиками, которые я не понимал. Где-то отдельные куски чертежей, математические и физические выкладки. У некоторых мониторов люди что-то живо обсуждали.

Впереди была арка. Я шагнул за неё и замер.

Комната напоминала огромную высеченную из камня пещеру. Своды её были настолько обширны, что детали терялись в полумраке. Каждый шаг должен был бы раздаваться эхом, но вместо этого даже я не слышал собственных шагов.

Комната была нагромождена огромным количеством конструкций, похожих на очень хитрые генераторы магнума, и очень большие, соединённые в кластеры. Трубы подводили охлаждение, свинцовые кубы содержали в себе какие-то специфические реагенты, огромный стенд светился от индикаторов, рядом дублирующийся программным интерфейсом. Посреди этого великолепия стоял куб с ребром где-то в два с половиной метра из оргстекла, идеально отполированный. В белом свете, завёрнутая в простыню, там лежала девушка. Я сразу её узнал.

— Ирви, — прошептал я, подходя ближе и доставая пистолет.

Она была измученной, исхудавшей, бледной, с синяками под глазами, какой бывает человек перед смертью. Её волосы были причёсаны и аккуратно уложены, тело чистое, но

выглядела она гораздо хуже, чем в моём сне.

— Стой, Шон, не делай того, что ты собираешься делать, — произнёс голос Самото у меня за спиной.

Я же не собирался даже разворачиваться.

— А что я собираюсь сделать?

— Выстрелить, — предположил он. — Я же знаю, что ты хочешь её разбудить. Что она тебе наговорить успела?

Я всё же повернулся к Самото. Выстрелить я мог и не целясь — куб был большим, а я стоял к нему почти вплотную.

— Держать человека вот так взаперти...

— Человека? Шон... или лучше Альфри? Это тот самый момент, когда по незнанию ты начудишь больше, чем с осознанием. И я согласен с Амандой — лучше уж стагнация, чем деградация. Она не человек, Шон. Пусть её внешность тебя не обманывает. Она чудовище.

— Это вы напридумывали, что она собиралась уничтожить весь мир, поэтому кто-то там из ваших предков её остановил?

Самото вздохнул. Сегодня он был в своём кимоно, подпоясанный расшитым алыми глазами поясом. Он был здесь совсем один, совсем безоружен. Это он подпустил меня сюда, позволил прийти. Зачем?

— Шон, не кто-то из наших предков. Это были мы. Я, Аманда и ты. Мы втроём.

— Как? Зачем? — я удивился.

— Она не рассказала? Впрочем, зачем тебе это знать. Скажи, она пообещала тебе бессмертие, могущество? Что она пообещала?

— Сделать мир справедливым, — пожал я плечами, не видя смысла скрывать.

Самото поднял бровь.

— Даже так? Вот врушка. Если что-то делается, то на это есть веские причины. Мы сражались, Шон, сопротивлялись. Тогда, тысячу лет назад, мы были на грани гибели. Железный Вильвер, который был нашим союзником... Его убили. Его, семью, детей, их родственников, а после и весь клан. Тысячи растерзанных трупов, валяющихся на дорогах, и один безумный парень, лишившийся глаз. Он сидел, смотрел в небо пустыми глазницами, и просил его убить, но у нас не получилось. Он молил, умолял, но сознался, что Мелисса оставила его как живое напоминание.

— И почему же я этого не помню? — пожал плечами я. Его история как-то мало трогала. Ирви всё же оставалась единственной, кто помогал мне тогда, когда никто не мог. А рядом всегда была Лидия... — Лидия знала?

— Аманда? Да, она знала. И хочет твоей смерти. А знаешь почему? Это ответ на всё тот же вопрос: потому что ты стал творить херню. Понимаешь, в чём история?

Он принялся расхаживать взад-вперёд.

— Тысячу лет назад нам пришлось... защищаться. Не смотри так, будто это мы захватчики. Нет! Мелисса вырезала деревню за деревней, оставляя лишь грудных детей. Почему? К тому моменту, как мы успевали на выручку, груднички были в таком состоянии, что их нельзя было спасти. Ей нравилось видеть наше отчаяние. И мы защищались. Что ещё оставалось?

— Так вы же схватили и убили её мужа, — парировал я.

— Она тебе плакалась? Да, было такое. Но лишь после того, как три года земля не давала урожая. Она морила нас голодом, а тех, у кого было хоть что-то поесть — заставляла

платить больше. Магнум — кристаллы — они были всем, и удобрением, и пищей. Без них ничего не росло, ничего не родило, а она заставляла нас добывать их и отдавать, живя впроголодь! Три года — вот предел нашего терпения. Что ты на это скажешь, Шон?

Я ничего не мог сказать.

— Но сейчас... Время изменилось, её сила истрепалась, мы можем пойти в нападение.

— Что вы хотите сделать? — нахмурился я.

— «Вечный магнум». Ну не то, что вечный. Понимаешь в чём проблема текущей ловушки? Она почти ничего не отдаёт. Всё, что нам удаётся собрать — жалкие крохи. Так может длиться вечно. Но «вечный магнум» — это способ выпить Мелиссу полностью, до самого дна, и эта сила... — он закрыл глаза, облизывая губы, подошёл ко мне вплотную. — Ты был против, очень сильно против. Более того, ты говорил, что пришла пора всё изменить, поговорить с этим чудовищем, — он кивнул в сторону спящей девушки.

— И вы меня перепрошили?

Как я перепрошил Четвёртую.

— Что-то вроде того. Мы поменяли тебя. Отделили Альфри и создали Шона, — он задумался. — Но, видимо, это что-то повредило. Два месяца назад... Наверное тогда ты и принялся просыпаться.

— Это и называется «почистить»?

— Мы подменили твоё прошлое, создали историю, поработали над декорациями.

«Первооснователи могли силой мысли сдвигать горы и возводить города», — вспомнил я то, что говорил мне Четвёртая. Эх, Марго, как ты там без меня? Небось рыдаешь или злишься, что я такой упрямый говнюк. А я вон, без тебя попал в передрыгу. И лишь один шаг отделял меня от того, чтобы нажать на спусковой крючок, потому как раз Самото такой расслабленный, он может... Что, перехватить пулю? Если он один из первооснователей, то может. Так и я, выходит, один из них.

— Ты просто не понимаешь Шон, не осознаёшь, что будет, если ты получишь часть её силы. Ты станешь подобен богу. Она пообещала тебе сделать мир справедливым? Пф. Сделаешь это сам. Но прошу, не буди её. Если она проснётся, мы просто все умрём. Я не шучу. Все. Умрём. Она убьёт всех, а тебя в первую очередь.

— Нельзя заключать сделки с тёмными богами, жаждущими возмездия, — стал убеждать меня Зануда. — Тем более что ты сам её заточил, был одним из трёх.

Резонно и логично, как и всё, что вылетает из открывшейся пасти Зануды, и как и всё, им сказанное, абсолютно лишено веры в хорошее.

— Я вот одного не пойму, Самото. Можно ведь просто Самото, без титулов, господинов и прочего? — он кивнул. — Столько много слов, такая сила убеждения. Ради чего?

— Одному мне не совладать с этой силой, её нужно разделить. А с Аmandой часто тяжело иметь дело.

— То есть мы её прокинем?

Он улыбнулся.

— Ты быстро соображаешь. Я знаю, что она тебе всегда нравилась. Ещё тогда, тысячу лет назад. С этой силой сможешь сделать её своей постилкой.

— Сила, ведущая к абсолютной власти, разделённая с человеком, так же стремящемся к абсолютной власти, — рассудил я вслух, а про себя добавил «или честное исполнение сделки и исправление собственных ошибок». — И в этом случае... — стал я говорить.

Я видел, что внимание Самото полностью приковано ко мне. Он развесил уши и не

спускал с меня глаз, ожидая ответа на свои вопросы. Он уже почти поверил, что я соглашусь, что разногласия можно решить миром.

Выбор свой я сделал, и обычно контракты не нарушал, поэтому надавил на спусковой крючок.

Пистолет бахнул, но звук не разнёсся эхом. Пуля с плюмкающим звуком отскочила от куба, не загремела, не высекла искры. Лишь в мгновение касания я увидел окровавленный глаз, обрамлённый в изумрудный шестигранник.

— Жаль... — произнёс Самото и мир погрузился во тьму.

— Шон... Шон!.. Проснись, Шон, пожалуйста. Я не хочу, я отказываюсь. Проснись Шон!

Я едва продрал глаза.

Ирви сидела надо мной растрёпанная и вся в слезах. Луна светила ярко. Поляна утопала в мягком голубом свете. Я никогда не видел это место ночью. Всегда в моём сне был только лишь день.

Она увидела, что я проснулся, нахмурилась, сказала сурово:

— Я расторгаю наш договор!

Глава 10. Оковы Сна

Она сидела рядом, подложив под себя ноги, а руки сложив на коленях. Растрёпанные волосы, в которых я видел запутавшийся репей. Руки расцарапаны. Под глазом ссадина. Либо при свете луны она казалась ещё более болезненной, либо она действительно истощала ещё больше. Глаза блестели от слёз.

— Почему? Зачем расторгать договор? Что я сделал не так?

— Это не ты, — она утёрла слёзы. — Обещай, что дослушаешь.

— А куда я денусь, — пожал я плечами и сел напротив.

— Тогда, когда ты говорил... Я услышала, что ты знаешь, где моё сознание, и очень обрадовалась. Думала, что сделаю ставку. Поставлю на кон всё. Потому что... Это было целью, всегда было целью. Но я не могу так, я не могу тебя обманывать, — сбивчиво стала говорить она.

Она с надеждой посмотрела мне в глаза, замерла, ожидая услышать приговор.

— Ничего не понял, — буркнул я. — В каком месте ты меня обманываешь?

Она смутилась и глубоко вдохнула.

— Мы заключили договор, — принялась объяснять она, но всё ещё нервничала. — Ты высвобождаешь мою силу, а я выполняю твою просьбу. Но получив силу я не собиралась ничего выполнять, — она вдруг кашлянула. Ей действительно сделалось хуже. — Потому что получив силу, мне нужно было бы убраться отсюда подальше, исчезнуть на время. А Оковы Сна просто перестанут существовать — твоего мира уже больше не будет. Это совсем не то, на что мы договаривались. Но мне было всё равно. Такой шанс второй раз мог бы и не представиться, ты должен меня понять.

Меня развели? Ирви осознанно обманула меня и просила за это прощение? Раскаивалась? Впрочем, я не успел ещё ничего сделать, я не смог её разбудить. Она смотрела на меня с надеждой, открылась мне. Сейчас так легко было нанести удар. Отыграться за то, что Четвёртая меня бросила, что отец отказался от меня и стал врагом, что меня преследуют одни лишь сплошные неудачи...

— Прости меня, я тебя обманула, — в глазах снова появились слёзы. — Сможешь ты меня простить? Я не прошу забыть, не прошу вернуть всё как было. Ошибки всегда ведут к последствиям. Я ошиблась и нужно как-то двигаться дальше.

— Богиня, обещающая исправить чужие ошибки, но бессильная перед своими.

— Я пытаюсь! — разрыдалась она.

Ирви казалась искренней.

— Мне уже всё равно. Терять ещё и тебя из-за какой-то ерунды, — отмахнулся я и обнял её. — Я прощаю, к чёрту тот договор, как-нибудь разберёмся. Тем более что у меня не получилось тебя разбудить — Ашура схватил меня и хочет стереть мне память.

Она утёрла слёзы и посмотрела на меня. Глаза её округлились от страха.

— Ты забудешь меня, — всхлипнула она. — Значит, это наша последняя ночь. Что ж, тогда пошли, я тебе кое-что покажу.

Я встал, помог ей подняться и она повела меня за собой в сторону старой разрушенной башни.

— Я никогда не была богиней обмана, я презирала его, и чуть сама не стала на этот путь. Этой ночью я ходила здесь, всматриваясь в ваши лица, я пыталась вызвать в себе

чувства ненависти, сделать снова свой мир чёрно-белым, но поняла, что это больше не работает. Люди поплатятся за свои дела, в особенности Ашуры, Викторианцы, Йомсбуры и Вортесы, — зло добавила она, — но я сделаю это честно. Я не стану падать до вашего уровня.

Она остановилась. В этом месте трава была притоптана, в ней кто-то лежал. Я заглянул и ахнул, увидев там Лидию-Аманду, такую же, как в реальности, спящую. На ней была вся та же одежда, что и на мне — белый лён.

— Почему здесь моя кожа светлая?

— Потому что тебя зовут Альфри, но Шон мне нравится больше, — отозвалась Ирви.

Она взяла меня за руку. Такая хрупкая, невесомая ладонь легла в мою бледную руку.

— Больше нет времени откладывать. И пусть весь мир погрузится в Хаос, но теперь я решила — я расскажу тебе всё. Спрашивай.

— Почему Лидия вдруг попала в мой сон? Она так много для меня значит?

Ирви замерла.

— Я не могу ответить на этот вопрос.

— Почему?

— Потому что он лишён смысла. Это не сон, Шон. Это реальность. Это Фреска, и выглядит она именно так. Ты не засыпаешь, чтобы встретиться со мной, — она хитро улыбнулась. — Ты просыпаешься. Пошли быстрее, у нас мало времени. Вскоре чары вернут тебя назад.

В голове не укладывалось. Принять этот факт не получалось.

— Но я здесь не чувствую голода и боли! Ты достала расчёску и ножницы прямо из воздуха! А в реальности есть и боль, и голод, и желания. Есть всё. И ты мне говоришь, что вот это вот всё, лишённое ощущений — реальность.

— Ты не чувствуешь боли, потому что её чувствую я. Ты не чувствуешь жажды и голода, потому что их чувствую я. Ты чувствуешь это всё во сне, потому что я даю вам боль, радость, гнев, наслаждение... Всё это есть во мне и я часть вашего сна.

— Но ты же не спишь.

— Не спит только часть меня, безвольная и способная на мелкие фокусы, вроде сотворения расчёски и ножниц. Я не могла тебя придушить. Ашура настроил барьеры очень хитро, и каждое действие против вас ложилось отпечатком на меня. Я не могла тебе сделать ничего, Шон, но как я хотела! Великие Аэну и Аэти, я жаждала этого, хотела больше собственной жизни. Но прикончи я одного, и впала бы в не-жизнь, а мне нужно было разделаться со всеми вами тремя.

— Тремя?

— С тобой в первую очередь, — гнев изливался из её уст. — Потому что ты самый страшный враг, который смог смастерить ловушку — Оковы Сна. Подчинить и заточить ту, которую нельзя убить. И вам хотели помочь: Огненная Аманда, Рассекающий Клинок Самото и Железный Вильвер. Я сама их воспитала, и они обратились против меня. Дс Вильвера я добралась, — она облизала губы и мне показалось, что её рот полон острых клыков, а язык неестественно длинен. — Остальные добрались до меня.

— Ты всё ещё хочешь меня убить? — смутился я.

— Глубоко внутри — да. Но... Я не хочу тебя терять. Ты напоминаешь мне Лэнса: такой же спокойный и добрый, такой же заботливый и поддерживающий, такой же терпеливый и снисходительный. И даже то, что ты разговариваешь со мной после того, как я чуть всё не

испортила...

— А если я женюсь на Марго?

Она улыбнулась.

— Это твой сон — глупый. Делай в нём всё, что захочешь, — она вдруг смутилась. —

Но некоторые вещи мне можешь не рассказывать, — ещё больше смутилась она. — Оковы Сна — хитрый конструкт. Но он лишь магический конструкт — не более. А Марго — это твоя вера в тебя.

— Она ушла от меня. Разругалась и ушла.

— Не бывает так. Она лишь затаилась, — обнадѣжила меня Ирви.

Она закашлялась сухим непродуктивным кашлем, согнувшись пополам.

— Тебе хуже?

— Сил остаётся всё меньше. Мы пришли.

Она замерла, съёжилась, словно от холода, хотя ночь была тёплой. Ей нужно было сделать всего лишь шаг, но она стояла и поглядывала на меня своими огромными блеклыми глазами. Я приобнял её и она шепнула:

— Это место, которого я так старалась избегать, но я найду в себе силы подняться вновь.

Башня стояла на невысоком холмике. Деревья рядом сплелись корнями, не дав фундаменту обрушиться. Вход когда-то был завален огромным камнем, но лес сделал своё дело и корни, вьюны и вода подточили камень, который в итоге вначале раскололся, а после кусками съехал с холма, открыв небольшой проход.

— Место моего заточения, — пояснила Ирви.

Мы вошли внутрь. Башня представляла собой одну большую винтовую лестницу с небольшими окошками в два кирпича. Ступени вытесаны были из камня, скреплены скобами — опасная и странная конструкция. Поднимаясь наверх, я заметил выщербленные отметины — палочки по четыре, перечёркнутые пятой — счёт дней. Ими исписан был каждый кирпич, начиная от второго этажа башни.

— Столько дней я провела в заточении. Бессильная и безвольная.

— Почему...

— Почему вы восстали? А что рассказал Самото? Он всегда любил поболтать, всегда лояльно к тебе относился. Я не поверю, если он ничего не рассказал.

— Сказал, что был голод, а ты всё равно их обирала.

— Не их, а вас, — напомнила она. — Понимаешь, когда корабль идёт через шторм, капитан ведёт команду. И если команда верит в капитана, то как бы им ни было тяжело, они будут прорываться. Фреска летела в бездну. Как бы объяснить? Целый мир, всё, что ты знаешь, летело туда, где не было силы. Эта область наоборот вытягивает силы. Нужно было поменять курс, срочно. Избежать шторма. И я говорила вам, говорила много раз! Но никто из вас этого не видел. Вы видели лишь жадную и злую Мелиссу. Ох, говорил мне Лэнс бросить эту затею. Но как? Я же не могла оставить вас! Капитан не покидает корабля. А оставалось потерпеть совсем чуть-чуть! Но вместо этого вы предпочли войну. Не все, конечно. Были ещё Нерон, Ивис, Айла, Моана и Корвус. Вас было девять, девять больших кланов, вечнс грызущихся и воюющих, но живущих. И пятеро было на моей стороне, об этом тебе вряд ли кто-то говорил — этот факт предпочитают забыть. Почему, Альфри? — она скривилась от звука моего настоящего имени. — Почему ты решил пойти против меня?

— Я не помню, — пожал плечами я. — Но прошлое нужно оставлять в прошлом, так

ведь?

— Часто это выше наших сил. Смотри.

Мы добрались вершины башни, когда солнце вынырнуло из-за горизонта и принялось подниматься всё выше. С башни легко можно было окинуть взором весь лес. Моему удивлению не было предела, ведь лес был зелёным хорошо если на полкилометра, а дальше шли сухие деревья. Там, среди них, бродили костлявые твари, выискивая что пожрать — виверны.

За сухим лесом лежала такая же мёртвая земля, мёртвые луга и мёртвые поля. Там, на грани различимого взором, виднелись маленькие фигурки людей.

— Они живы. Их всё ещё много. Они страдают. Я всё чувствую. И они не забыли обо мне. Просят моей помощи не только Нерон, Ивис, Айла, Моана и Корвус, но и Виктория, Йомсбур, Ашура и Вортес. Весь мир вопит — больно слышать. Что вы натворили?

Она поглядывала на меня. Лицо её морщилось, словно от боли. Я не знал, что ответить, и, вздохнув, лишь спросил:

— Почему же это место живёт?

— Я невольно отдаю этому месту свою силу. Вы не стареете благодаря мне.

— Само то хочет выпить тебя до конца.

Ирви вначале удивилась, а после лишь вздохнула.

— Значит так тому и быть. Я приму это как милость.

Я ужаснулся.

— Но тогда разбудить тебя было бы...

— Нет, Шон! Как бы я ни хотела всё исправить, но у всего есть цена. Бессмертие есть и дар, и проклятье одновременно, потому что смертные тащат свои ошибки в могилу. Я же с ними живу. Вечность.

Мы принялись спускаться, протиснулись мимо камня, прошли заросшей тропой и остановились на краю поля.

— Я хочу тебе помочь, — честно признался я.

— Даже после того, что я рассказала, что тебя тоже ждёт расплата? Не надейся, Йомсбур, величайший в своём роде, заточивший бессмертную Мелиссу в Оковы Сна, что тебя минёт эта участь! — стиснув зубы, процедила она.

— А может всё же...

— Нет! — схватилась она за голову. — Не может быть так! Не после тысячи лет заточения! Я не смогу, ты не остановишь мою руку, вы все должны будете ответить! Все должны будете умереть! Но... — она заглянула в мои глаза, будто бы прощаясь. — Я полюбила тебя. Мне казалось, что это уже невозможно. Со всей той ненавистью и со всем тем злом, что вы совершили. Ты хочешь мне помочь?

Я уже не был так уверен, но всё равно кивнул.

Она попыталась толкнуть меня к дереву, но с тем же успехом могла попытаться сдвинуть гору. Я сам отошёл к корням, сел. Она села мне на колени, взяв ладонями мою голову.

— Тебе противостоят опасные противники. Само то и Аманда — хитрые и изворотливые, сильные чародеи, но ты — творец Оков, тебе по силам справиться. Может быть я и вру тебе прямо сейчас и возлагаю ложные надежды, но я так чувствую. Мне хочется верить в твой успех, а там что будет, то будет. И возвращайся ко мне.

— Хорошо, Ирви, — улыбнулся я.

— Но я не... — начала она говорить и осеклась. — Хорошо, Шон.
Она потянулась ко мне и поцеловала.

Глава 11. По праву сильного

Одного осознания того, что мир, в котором я прожил столько времени, оказался чем-то, подобным сну, было недостаточно, чтобы всё увидеть. Мелисса смотрела в мои глаза, а я понимал, что проваливаюсь. Проваливаюсь в сон, находясь в сознании. Я видел её, сосредоточенную, замершую, едва дышащую, ещё более бледную и хрупкую, чем она была при нашей первой встрече.

— Я не смогу долго удерживать тебя, — шепнула она мне на ухо. Её горячее дыхание обжигало до мурашек. — Не отвлекайся! — игриво поругалась она. — Тебе нужно научиться удерживать себя в сознании самому. Может быть, если у нас получится, то ты сможешь пережить перенос и не потерять память.

Я, не закрывая глаза в реальном мире, открыл их в мире сна. Тусклый свет заливал одну из комнат обширного подземелья. Я был прикован к стулу. У меня не было возможности разрезать пластиковые ленты, которыми меня примотали, но у меня было время, чтобы подумать.

В моей голове по-прежнему была неразбериха. Где-то на задворках памяти дремал Зануда. Звучали иногда слова Четвёртой, о том, что моё признание неуместно. Голос отца говорил, что он во мне разочарован. А ещё на обратной стороне век отпечатался символ глаза в шестиграннике.

— Что это за символ? — спросил тот я, который был сейчас под деревом. — Окровавленный глаз в шестиграннике.

— Вы объединились в «Наблюдающих за сном», так вы себя назвали. Этот символ — основа основ Оков Сна.

— Тогда, когда ты мне сказала подойти к реке и хотела, чтобы я увидел своё отражение...

— Прости, мне было забавно. А ещё хотелось знать наверняка: ты играешь со мной, или действительно всё забыл.

— Я смогу вспомнить?

— Не знаю, — честно призналась она. — А надо ли? Я бы не хотела, чтобы ты вспоминал, да и сама хотела бы забыть.

Куда смотреть, что делать, что понимать, как обращаться с новыми знаниями — ни на один вопрос я не мог дать ответа. Я очнулся, может быть даже раньше, чем ожидал Самото. Шевелиться я не стал, решив, что раз мне дали время, то я буду просто думать, наблюдать и вспоминать.

И по мере того, как я вспоминал, прикидывая и так и эдак события, со мной происходившие, все детали принялись складываться в одну большую картину. Правила вырисовывались простые и элегантные. Такие, что просто не верилось.

— Почему ты смеёшься? — спросила меня Ирви.

Я, сидящий под деревом, хохотал.

— Это так просто и очевидно, что даже немного обидно, почему я этого раньше не заметил.

— И всё же это просто и очевидно для тебя — создателя Оков Сна.

— То есть Самото и Аманда этого не понимают?

— Думаю, что не так детально и глубоко, как в это можешь погрузиться ты, — она

улыбнулась мне. — У тебя есть план?

— Пока нет, но думаю, что скоро будет.

В этом месте всё со всем взаимосвязано. И если бы не было глобальной сети, было бы что-то другое, на других базовых принципах, но по сути такое же. Даже если кажется, что вещи не связаны, то они связаны. Через трёх Первооснователей, через эмоции Мелиссы, через распределительные узлы или служебные утилиты. И бэкдоры, предоставленные Миротворцам, на самом деле не бэкдоры. И информацию Тёмный извлекал таким чудным способом, при помощи таких протоколов, которых просто не существовало.

И точно таким же чудесным образом, задним числом подменил мою программу, а следовательно и данные. Вполне вероятно, что выходили мы из здания Ашуры с теми данными, которые я ожидал, а вот уже по пути домой и произошла подмена. Когда помнишь только ту часть, которую тебе придумали, во всё это сложно поверить.

Но как бы мне не стирали память, я всё равно восстанавливал её. Я учился, поглощал новые сведения из самых разных областей, из самых разных специальностей, и все необходимые данные были собраны, не хватало лишь ключа, чтобы всё расшифровать. Однако даже с ключом я часто упирался в стену. Мои рассуждения не могли найти подтверждения, не были практически применимы. Именно тогда я чувствовал, как Мелисса ведёт меня за руку, услужливо показывает, на что обратить внимание. Пусть она и выражалась странно, используя слова «магия», «чары», «потоки», «структуры» и прочее, но я перекладывал это на понятный язык и пробирался через очередной слой абстракции. Без неё этот процесс занял бы недели и месяцы и над каждой загадкой приходилось бы подолгу ломать голову. Мелисса знала хитрости, с ней я справился за часы.

— Где он, дай мне посмотреть этому козлу в глаза, — ворвалась Аманда.

Белые волосы растрёпаны, глаза огнём горят.

— Тебе был дан шанс, но даже зная всё, ты всё равно сопротивляешься?

Девушка приблизилась. При других обстоятельствах я бы уже подумал, что она хочет меня поцеловать.

— То, что вы хотите совершить — неприемлемо, — буркнул я. — Она живой человек, такой же, как я, ты или Самото. Где, кстати, он?

Но я уже знал, что он за дверью. Мой новый софт с повышенным уровнем доступа (удивительно похожий на тот, что использовала Четвёртая) обозначил его алым силуэтом как цель для атаки. Прикоснуться к его системе я опасался.

— Не твоё дело. Это наш с тобой разговор. Самото сказал мне, что ты общался с этим чудовищем, благодаря которому мы все тут заперты. Втроём. На веки вечные.

— Ты не больно этому огорчена. Не потому ли что «веки-вечные» подходят к концу?

Она заулыбалась.

— А что там делать — снаружи? Ты хоть в курсе, что ты спишь? Нет? Так вот, сон гораздо веселее реальности. Там смерть, там страх, там пустота и безысходность.

— Эскопизм какой-то, — фыркнул я.

Она схватила меня за подбородок, резко дёрнула, заглядывая в глаза:

— Я по-твоему сбегая от реальности? Не будь меня, мы бы не заточили эту тварь. Как ты с ней говорил? Расскажи мне. Я просто хочу спросить, помнит ли она Лиорика Виктори, который остался без головы после встречи с ней.

Я вспомнил картину в одной из комнат у неё дома с горой трупов и человеком без головы. Холодок пробежался по телу.

Я переключил сознание на того себя, который сейчас сидел под деревом, передавая слова Аманды. Мелисса, сидящая у меня на коленях и смотрящая в глаза, чтобы поддерживать чары, смутилась:

— Я не хочу сейчас оправдываться, — строго заявила богиня. — Всему есть причина.

— Тому, что тебя сковали, тоже? — поинтересовался я от себя.

— Так получилось.

— Тогда зачем вся эта идея мести?

— Одно другого не исключает, — стиснула она зубы. — Да, я помню её брата, его гнев и ненависть. Я помню их всех, помню по именам, потому как каждый проклинал меня перед смертью, даже дети. Все они желали в тот момент лишь одного, а я не могла им это дать, потому что тогда погибло бы намного больше. Тебе, Шон, когда-нибудь приходилось делать выбор? Никто не даст тебе выбор между хорошим и плохим. Выбор будет между плохим и ужасным. Если тебе дают выбор — ты уже проиграл.

— Это слова моего отца.

— Это твои слова. Я с ними согласна.

Аманда уставилась на молчащего меня.

— Нечего сказать?

— Кроме того, что если вы в этот раз меня почистите, то я оставлю себе автоскрипт, который вынесет мне мозги.

Эту мысль я усилием воли протолкнул через все файерволы. Сообщение раскатилось по сети цитатой, уходя в самые её недры. Получится или нет? Я не знал, но надеялся, что я правильно понял своё же творение.

Аманда скривилась, глядя на меня.

— Сколько эмоций, какие страсти, — она села ко мне на руки. Я не отворачивался. — Может тогда не трагить на тебя сил? Одна моя попытка тебя убить не увенчалась успехом, хотя я была уверена, что ты себя расщепил.

— Расщепил? — состроил я дурочка.

— Ах, ты же ничего не знаешь. А всегда так кичился, что знаешь больше всех. Полагался на свои субличности. Как тебе живётся, когда ты совсем один-одинёшенек? Как же ты бесил своим умением создавать живое, не похожее друг на друга. Подпускать тебя к сублиčnostям — это кощунство. Правила, какие-то возмущения... Убить нужно было ту Миротворку сразу, а не тянуть, пока она не начала под твою дудку плясать. И оставить тебя наедине с самим собой, с твоей сутью... А кто ты по сути? Зануда! Ты с ума своим занудством сведёшь любого.

— Ты потому меня в постель затащила, что я тебя занудством с ума свёл?

— Ты тут ни при чём, — скривилась она. — Мне просто сказали так не делать, а я люблю перечить. Ты был моей опасной игрушкой, но оно того не стоило.

Она прислонилась к моей щеке, положила руки на шею и принялась давить, осуществляя мою мечту наоборот.

Ирви, сидящая на мне в реальности, принялась задыхаться.

— Меня... гхе... душат, — крикнул я, изображая, что хриплю. Мне было больно смотреть на задыхающуюся Ирви.

Самото ворвался, схватил Аманду за волосы.

— С ума сошла?!

— Да я любя, — промурлыкала девушка, вставая с меня и отходя в сторону. — Он весь

твой. Развлекайтесь, мальчики.

Я откашлялся, хотя в этом не было нужды. Мелисса не могла прокашляться ещё долго, словно рыба хватая воздух.

— Я не умру, — пояснила она хриплым голосом, — но мне будет больно.

Я сконцентрировался на сне.

— Отпусти меня, я помогу тебе. Тебе, но не ей. Сука бешеная, — простонал я довольно убедительно.

— Передумал? Условия будут другими. Ты останешься наравне с ней, не больше.

— Наравне не значит пресмыкаться, — резонно рассудил я. — Я её вышвырну отсюда, будет у меня в «воюющих странах» жить!

— То есть чистка не нужна больше? И мы вот прямо сейчас идём и накрываем Её колпаком? — переспросил Само, будто бы не верил.

Он не мог один этого сделать. Это было нечто, похожее на очень крупный файервол. Устанавливать нужно было его распределённо в разных частях системы и дальше незаметно перераспределять потоки исходящей из него энергии, маршрутизировать и балансировать их, иначе система уйдёт в асимметрию и будет под риском отказа. Теперь-то я понимал механизм, только вот не представлял на что я могу здесь повлиять. Нужно всего лишь время.

— Давай ты меня развяжешь, я перекушу, сообщу отцу, что всё в порядке, никакого суда с Миротворцами нам не нужно, и тогда мы всё провернём.

Само рассуждал, но недолго.

— Сейчас или в следующей жизни, — поставил он ультиматум. — Давай без выкрутасов. Ты либо делаешь, как я говорю, либо мы тебя почистим и будем ждать, пока ты поумнеешь. Может так и правильно: новая жизнь, новые возможности, новое видение ситуации.

— С ребёнка?

— Ты ещё не понял? Задним числом всё меняем. Ты был Шоном два месяца, мы хоть выдохнуть смогли. Ты такой зануда! Это просто ужас. Мы же договорились, что найдём способ захлопнуть ловушку до конца, перекрыть кислород. И мы искали девять сотен лет! Почти десять. И после этого всего ты заявил нам что?

— Расскажи мне, я же не помню, — пожал я плечами.

— Что смысл, оказывается, был не убить, а удержать, пока не остынет, и её нужно вернуть назад, с ней нужно поговорить. С кем? С ней?! Бред какой-то, — стал размахивать он руками. — Ну и что она может сказать? Смысл изначально был — убить, истощить за год. Но мы не смогли — она сильнее, чем кажется. Пришлось срочно возводить башню и запирали её там. А ты тут говоришь... Альфри, ты меня поражаешь иногда до глубины души.

— Я такого, естественно, не помню, — пожал я плечами.

Я всё пересказывал Ирви и та удивлённо смотрела на меня.

— Ты видимо много провёл времени в конструкторе, твои воспоминания исказились, — печально заявила Ирви. — Вашим желанием было, чтобы я убралась из Фрески. Но я... Как бы я вас всех бросила? После столько сил, что я в вас вложила. И я сказала «нет». Тогда ваша цель стала прозаичней — убить, — её глаза сверкнули.

— Извини меня за это.

— Это было давно и въелось слишком глубоко, чтобы просто взять и простить. Если я скажу, что простила тебя, то совру, а я не такая.

Само ухмыльнулся:

— Перед ритуалом верну тебе воспоминания. Без них ты всё равно мне не поможешь как следует.

Они у него, где-то у него. Но я в любом случае не смогу их получить, не проводя ритуал. Может они помогут мне что-нибудь подменить? Дадут инструмент?

— Идёт. Развязывай меня и веди.

— Другой разговор, — согласился Само́то.

...Несанкционированный доступ к данным...

Лидия пыталась меня контролировать. Я перенаправил доступ на Зануду. Тот сидел и по моему приказу в кафе ел жуков безвольной субличностью. Думал он о никчёмности своего существования, как и должен был. Лидия расплылась в улыбке, глядя на меня.

— Такая улыбающаяся ты мне больше по душе, — ухмыльнулся я.

— Как ты можешь ухмыляться, будучи таким жалким?

— Тебя заводит чувство собственного превосходства? Мы на равных теперь, можешь успокоиться.

— Да нет, тебе до меня ещё далеко.

Она пошала вперёд, раскачивая бёдрами.

— Ты собираешься им помогать? — удивилась Мелисса.

Я потянулся к ней, сгрёб в охапку, поцеловал, едва не потеряв связь с тем, кто во сне.

— Я не хочу выбирать между тобой и Четвёртой. Я хочу вернуть всё как было.

— Если сейчас пойдёшь за ними, то уже ничего не вернёшь, а я умру раз и навсегда, — грустно напомнила Ирви.

— Не переживай, я не собираюсь им помогать. Я собираюсь ими воспользоваться.

Мы шли долго длинными коридорами, пока внезапно Само́то не остановился. Впереди нам навстречу шагали пятеро вояк: все в одинаковом обмундировании Миротворцев. Спереди шёл ни кто иной как Седой собственной персоной. Видимо эта служебная сущность умирать и не думала.

— Господа, прошу меня извинить. Господин Шон обязан пройти с нами. Протокол двадцать восемь пункт «А».

Само́то стиснул зубы.

— Забирайте, я весь ваш, — развёл я руками

— Это отказ? Это чистка? — засуетилась Аманда.

— Отказ? Где я от чего отказываюсь? Господа, вы позволите мне остаться?

— Не имеем возможности, — отрезал Седой.

— Капитан Гривус, — произнёс Само́то. — При всём уважении, господин Шон крайне необходим нам, он прибыл по своей воле. Какой ещё протокол двадцать восемь в таком случае?

— Пункт «А», неосознанное влечение к смерти.

Я шагнул к ним. Аманда с Само́то переглядывались в растерянности, выпуская меня. Миротворцы обступили меня со всех сторон.

— Само́то, сделай что-нибудь? — выкрикнула Аманда.

— Мы обязаны соблюдать правила.

— Хуявила!

Бахнуло. Стоящий рядом потянул меня себе за спину. Тело его отлетело в сторону. Меня схватили и побежали вперёд.

...Несанкционированный доступ...

...Установка закрытого соединения...

...Шифрование данных...

...Принять приватный ключ?..

Принять, чего уж там.

— Шон, это я! Четв... Марго! — раздалось в голове радостное.

— Рад, что ты за мной пришла.

— Я получила твоё сообщение. Его все получили. Миротворцы на уши всех подняли.

Что происходит, Шон? Я ничего не понимаю! Ты выбрал меня?!

Эх...

Спереди вынырнул какой-то бугай, преградил нам дорогу. Миротворец, что бежал первым, снёс ему голову не сбавляя ходу. Ещё один выстрел. Я обернулся: Аманда тяжело дыша перезаряжала Мб.

Ворота спереди принялись закрываться.

— Успеем! — крикнула Четвёртая.

— Не успеем, — шепнул я и сосредоточился.

Реальность пошла волнами, сквозь неё я видел блеклые шестигранники, и прямо передо мной кровавый глаз, размером с человека. Я схватил Марго в охапку, прижал крепче и влетел в стену с вылезшим окровавленным глазом. Я словно нырнул в фарш — хлюпающий, податливый. Я видел вены, пронизывающие это пространство, и по ним текла совсем не кровь, но сырые и разрозненные данные. И видел я, что вены ветвились на капилляры. Я наблюдал, как тоненькая алая линия тянется от основного потока туда, где был Зануда, сидящий в кафе и ковыряющий еду без аппетита. Я потянулся к нему и влетел в его голову.

Марго повалилась на меня следом, упираясь в грудь руками и хлопая глазами.

Лицо у Четвёртой было задумчивое, но сомнений во взгляде не было. Рядом сидел Рамондо, приблизительно с таким же выражением. Сбоку от Рамондо пристроился отделившийся Зануда, молчащий по моему распоряжению.

Звякнул стеклянный звонок — в кафе вошла Ринжина и уставилась на всех нас.

— Что-то не так? Чего все такие удивлённые?

Я пододвинулся. Тётя Ри села рядом со мной.

— Шон сказал, что мы не личности. Нет, у меня в голове не укладывается, — буркнула Марго. — Шон, ты...

— Я уверен во всём, в чём говорю. Вы, как проекции, не в состоянии самостоятельно это осознать и скорее всего даже факт этого не примете.

— А кто мы тогда? — удивилась Ринжина. — И разве это важно?

— Это ахуеть как важно, — принялся активно жестикулировать Рамондо. — Мы — проекции его сознания. Он может нас переписать. Вся нашу грёбаную историю. А мы даже не заметим этого, как он сделал с Джеком!

— Не было никакого Джека, — вздохнул я, устав это доказывать.

— Так был же, — возмутилась Ринжина. — Весёлый такой парень, на тебя чем-то похож, когда ты не занудствуешь. Ерунду ты какую-то говоришь.

— Не ерунду, — мрачно заявила Четвёртая. — Мы придумываем себе объяснения, сами подводим под необходимые факты. Что я не умирала, что перестрелки у той пусковой шахты не было, что Шону дважды везло, что Тёмный с ним подрался, что с нами был Джек и ему прострелили голову. Но есть вещи, которые не вяжутся. Действительно как во сне. И это не тревожит, до тех пор пока не начинаешь задумываться.

— Например? — не поняла Ринжина.

— Почему ты не выстрелила в Шона из травмата? Почему не стёрла ему память и не сделала по-своему, раз перестрелки не было? Зачем Аманде было бить по голове Четвёртую? Откуда у Шона появились данные, хотя их Тёмный передал Джеку?

— Давай с конца. Джека мы подключили в сеть, — объявила Ри.

— Когда? Каким оборудованием?

— Он был у меня в клинике за день до того вечером? — включился Рамондо.

— Почему Джека не было на перестрелке, которой не было? Откуда Джек узнал, что оборудование понадобится? В голове ведь всё так складно получается, верно? — развела руками Четвёртая. — И вы, ребята, наверное не замечаете, но тоже меняетесь. В зависимости от... — она залилась краской. — От потребностей Шона.

— Получается мы все тут служим ему? И Аманда, и Самото, и Миротворцы? — удивился Шарлотта. — И мы что, разыгрываем сцены внутренних конфликтов нашего Йомсбура? Шон, сделай так, чтоб мы все жили счастливо.

— Это называется «воздействие». И мы здесь не одни. Нас четверо. Догадаетесь кто?

— Ты, наверное Самото, Аманда и Альфри, — предположила Ринжина.

— Кроме последнего угадала. Последняя — Мелисса.

— Богиня? — прыснула смехом Ринжина и вместе с ней расхохотался Рамондо.

— Я. Серьёзно.

— Гхм. Ну это ведь смешно, — развёл руками Рамондо. — Четвёртая, ну скажи, реально смешно!

— Было бы смешно, будь неправдой, — пожала она плечами. — Получается, что воздействовать могут и они тоже?

— Более того. Они могут противодействовать, — вздохнул я. — Лидия ходила за мной кругом хвостиком, даже в постель залезла, чтобы противодействовать мне. Не давала мне реализовать ни одну из моих субличностей. Рамондо, скажи, сколько мы знакомы?

— С детства. Только последний год не особо общались, — пожал он плечами.

— А ты, Ринжина?

— Полгода назад случилась облава в мою серверную, с тех пор не виделись.

— Я в этом облике существую только два месяца. Вы появились скорее всего на прошлой неделе, не раньше. Вы мне понадобились и я вас сделал. Остальные мне не принадлежали. Именно потому я чувствовал такой лютый холод отовсюду, от каждого члена моей команды — они все были субличностями Аманды и Самото. Я уверен, что Альфри — это субличность Самото. Хитро же они меня придавили!

Ринжина с Рамондо переглянулись. Встряла Марго:

— Я знаю, что звучит как бред.

— Дайте я покажу, — тут же нашёлся я. — Запомните, я сижу рядом с Ринжиной. Зануда, давай.

— А что я? Ну ладно, — пожал он плечами.

Он потянулся через Рамондо к Четвёртой, ухватил ту за ляжку. Четвёртая взвизгнула и... Всё перемешалось. Я оказался на месте, рядом с Четвёртой. Рядом со мной Ринжина. Напротив Рамондо и Зануда.

— Ну и что мы должны были увидеть? — удивился Рамондо.

Четвёртая уставилась на меня, в глазах взрывались фейерверки.

— Блять, — вздохнул я. — Это место старательно избегает парадоксов. Вы не заметили,

но мы только что все перемешались.

— Ну-ну, втирай нам тут, — буркнула Ринжина.

— Хорошо. Не важно, что ты видишь. Важно то, во что ты веришь. Кто верит в весь тот бред, что я сказал?

— Я верю, — тут же выпалила Марго и схватила меня за руку.

— А я не верю, но Глория меня не простит, — вздохнула Ри.

— А мне плевать. Мы с тобой из таких передраг выбирались! Я был единственным белым парнем на районе. Если бы не ты... — вздохнул Рамондо.

— Ты же понимаешь... Ай, что мне объяснять. У моих субличностей нет выбора.

— Есть у нас выбор, просто... — начала было Ринжина, но остановилась.

— Замяли. Слушайте сюда: меня не могут просто так убить, Самото и Аманда очень рискуют, если идут напрямую против меня. Им меня нужно схватить, а ещё развернуть поверх гробницы проект «Вечный Магнум». Вроде как они и вдвоём могут это сделать, но моя помощь была бы кстати.

— И что им тогда мешает? — вклинилась тётя Ри.

— Я мешаю, даже лишённый своего истинного потенциала. Увы и ах, я не помню, как устроено это место. Память моя где-то у Самото, но я не уверен, что хочу её назад. А вернее не я мешаю напрямую, а сам конструирую, весь наш мир.

— Миротворцы? — догадалась Марго.

— Да, они самые. Они необходимы, чтобы следить за целостностью системы. Они вмешались, когда произошла утечка данных. Они вмешались, когда мне угрожала опасность. И этим можно будет воспользоваться.

— Ну хорошо, то есть ты нашёл рычаг воздействия, — улыбнулась Ри. — Всегда был умным парнем. Но что ты собираешься делать?

— Он собирается разбудить богиню, — ответила за меня Четвёртая и надулась.

— Марго, — она всё ещё не отпускала моей руки. — Ты и она из двух параллельных реальностей. Мы высвободим её, и её в этой реальности не станет, понимаешь?

Она покачала головой.

В реальности Ирви расхохоталась.

— Ты так не любишь делить свою любовь?

— Я стараюсь, — развёл руками я.

— Но ты не хочешь выбирать.

— Если ты меня убьёшь, то выбирать и не придётся, — напомнил я и она смутилась, поглаживая меня по голове.

Во сне Марго всё ещё непонимающе смотрела на меня.

— Я хочу, чтобы ты выбрал, — надулась она.

— Четвёртая, — она вытянулась в струнку, не зная куда девать мою руку. — Возможно, мы все умрём. Может быть я совершаю самую большую ошибку в своей жизни. Может и выбирать не придётся. Давай отложим этот разговор. Я хочу, чтобы ты была рядом. По крайней мере пока.

— Я буду, — расплылась она в улыбке.

— Итак: в мире есть правила. Любое воздействие должно быть в рамках логики, иначе оно создаст парадокс, который устранил само воздействие. Тут понятно? — все кивнули. — Любое воздействие меняет прошлое. Тут тоже всё понятно — подмена причины и следствия. Здесь следствие важнее причины. Ясно? — снова кивок, хоть и менее уверенный. Рамондо

воздел очи к небу, соображая. — Нам противостоят те, кто так же знают эти правила — будьте начеку и всецело доверяйте только мне. Даже друг-другу не верьте.

— Это всё понятно. Разбудить Мелиссу. Миротворцы на нашей стороне. Я всё ещё не понимаю, что мы вчетвером можем сделать?

— Нет, не надо! — тут же принялся размахивать руками Зануда, глядя, как я расплываюсь в улыбке. — Ты безумен!

— Для начала захватим Йомсбур Инкорпорейтед.

Я вскоре научился тело удерживать в двух мирах одновременно. Мог даже одновременно разговаривать и в сознании, и во сне, но фокусироваться нужно было только на одном из миров. Ирви лежала у меня на коленях, прикрыв глаза. Она никогда не спала, ничего не ела и ничего не пила. Иногда она содрогалась от спазмов, похожих на приступы эпилепсии, иногда закашливалась.

Я поглаживал её по голове, сфокусированный на сне.

Марго лежала на плече, остывая после горячего секса, и потягивала вейп, пуская в воздух струйки дыма.

— Я всё равно не понимаю, что ты там нашёл в ней? Ну кроме факта, что она богиня.

— С самого первого дня, как я её увидел... — начал я и осёкся. — С учётом потерянной памяти, конечно. В общем я увидел отражение себя — измученную, истощённую девушку, которой нужна была помощь.словно кошка с подбитой лапой и обгоревшими усами, страшная, плешивая, голодная, дикая и шипящая на всё, что движется. Я увидел в ней Ирви. Мы её подобрали во взрослом возрасте.

...Несанкционированный доступ к данным...

— Я не знала, что у тебя была кошка.

Я точно так же обратился к её данным, теперь мне этот фокус был доступен. Родилась в Запределье в семье фермера, выучилась в шестнадцать, в восемнадцать уже было высшее, была замужем, но развелась.

— А я не знал, что ты была замужем.

Она посмотрела на меня, нахмурилась.

— Не делай так.

— То есть тебе можно, а мне нельзя?

Она помолчала немного.

— Да, — в голосе звучала обида.

Я рассмеялся.

— И вот я помогал Ирви, а потом вдруг, однажды, когда мне было тяжело и я сидел на камне и смотрел на воду, я даже не пошёл её искать — она сама нашла меня. Нашла и попыталась успокоить. Это было так... Неловко, что-ли, но так мило и искренне... То тепло, которое у меня отняли Самото с Амандой. Наверное, не пойдёшь они тогда на тот шаг, и не стал бы я искать помощи у кого-то, кого считал своим сном.

— И что? Вот я когда засыпаю и мне снится что-то такое очень праздничное и хорошее, мир начинает меня ещё больше угнетать. Чувство опустошённости, оно потом целый день как будто в говно вляпался — воняет, а понять не можешь откуда.

— Да, точно подметила. Так и было, но хотелось вернуться. Может Самото и Аманда пытались меня суициднуть или сломать окончательно, я не знаю. И я бы сломался. Когда меня повязали с этими данными, когда надавали заданий, что я не мог разогнуться, вот тогда, именно в тот момент.

— Но у тебя же тогда появилась я, — возразила Четвёртая.

— А ты бы не появилась, если бы я не вспомнил, что такое искренняя забота.

Она задумалась, пустила струю дыма.

— То есть во мне отразилась Ирви? Та, какой ты её видишь? То есть трахаясь со мной...

— Стой, не усложняй. Может быть ты и проекция, но ты вполне самостоятельная.

Помнишь, ты сделала выбор не идти за мной.

— Потому что ты не сделал выбор! — наехала она на меня.

— Вот про это я и говорю. Вы разные, но без тебя мне уже тяжело. Раньше как-то обходился, а теперь не могу.

Я посмотрел на часы.

— Ещё пару минут полежим.

В реальности Мелисса подняла голову.

— А без меня можешь? — спросила она вдруг.

— Ты... — захлебнулся я, понимая, что она видела всё, абсолютно всё. Я покраснел до кончиков ушей. — Ты подсматриваешь!

Она хитро улыбнулась.

— Ты на вопрос не ответил.

— Да, — взяв паузу на подумать выдал я. — К счастью или к горю, но и без тебя я не могу.

Я так и не понял, была ли она удовлетворена ответом.

Мы собирались в парке, куда выходили окна из офиса Альфри. Как обычно я, Зануда, Марго, тётя Ри, Шарлота и три новеньких, которых мне пришлось измыслить. Я построил их в рядок и каждого представлял:

— Это Тормоз, — сообщил я, указывая на длинного лысого поджарого парня, чешущего бороду. Тот никак не отреагировал, оправдывая своё прозвище. — Он у нас снайпер вместе с Занудой.

Подошёл ко второму: маленький, весь заросший волосами, в очках консервах, с автоматом на плече.

— Это Маленький Джо, мы с ним вместе в универе были на первом курсе, только он вылетел и пошёл в армию, там преуспел. Сейчас нам помогает.

— А чё там делов-то, струляй куда скажут, — буркнул Маленький Джо.

— А это, — нежным голосом произнёс я, глядя на огромного верзилу больше двух метров ростом с таким же огромным пулемётом, — Евгеша.

Он икнул, посмеялся.

— А почему Евгеша? — удивился Рамондо.

— Ошибка Евгеники, — грубым басом пожал плечами он. — Ток так надо мной смеются только друзяшки. Не друзяшки тоже смеются, но только один раз, ик.

— Всё понятно, — сглотнул Шарлотта. — Шон, какой план?

— Будем действовать тактикой агрессивного стелса. Никто не узнает, что мы здесь были, если никого не останется в живых, — пояснил я. — Но действовать будем аккуратно.

— Нам бы занять позицию повыше, — заныл Зануда. — А тут только низенькие хлюпенькие берёзки.

— Ложись прям тут у лавки — всё будет.

— Это ж бред! — завопил он.

— Это не бред, а приказ. Вы всё равно ничего не заметите. Так, — я почесал голову, —

надеюсь хоть разговор наш не забудете. План такой...

Изложив план, мы стали на позиции. Я вломился в систему, быстро восстановил на резервный ящик пароль от вычислительного кластера, отдал его Ринжине. Та принялась методично взламывать систему безопасности. Я просто сидел на лавочке. Лушил бы семки, но их под рукой не было, да и дорогое это было удовольствие. Четвёртая пряталась за деревом, чтоб её не было заметно. Ей нельзя было светиться до финального этапа.

— Босс, он же там, внутри, на восемьдесят седьмом этаже. А мы тут, внизу, на... нулевом, — принялся мямлить Евгеша. — Я не понимаю, босс, может нам реактивные ранцы надеть? Но там же системы ПВО засекут. Ну выключим мы камеры, а дальше что?

— Я тебе даже объяснять не буду, ты всё равно забудешь.

— Готово, — проронила Ринжина.

— А мне что делать? Шон, я только сейчас сообразил, — вякнул Рамондо.

— Будешь лечить, если понадобится. Так, все отошли, сейчас мы будем опускаться здание.

— Чего?! — не поняла Ринжина. — Ты серьёзно?

Я отдал приказ, пространство пошло волнами, исказилось, проступили шестигранники с окровавленными глазами — Наблюдающие За Сном, — и... Ничего не вышло. Я видел это здание тысячи раз, и ни разу не видел, чтоб оно было низкое, но мне нужно, чтобы восемьдесят седьмой этаж сейчас же сделался первым!

Я побил себя по щекам, отдал приказ ещё раз.

Земля загудела и здание принялось оседать, оставаясь таким же высоким, но теперь распространяясь на нереальное количество этажей в глубину. У меня на глазах оно принялось с хрустом опускаться, словно я ехал в лифте. Этаж мелькал за этажом, и в какой-то миг прямо перед моим лицом возник стоящий в окне Альфри Йомсбур.

Прежде, чем отдать короткий приказ, я заметил, что такие же по силе, но меньшие по масштабу изменения произошли зеркально в горах, там, где должна была быть Мелисса. Я оказался прав — любое воздействие даёт остальным участникам пропорционально сил, затраченных на воздействие для противодействия. Если они захотят завершить работу, то подарят мне... Впрочем рано было об этом ещё думать. В этом месте всё взаимосвязано и тихо мыслить не всегда получается.

Пятеро человек стояли с оружием за спиной у Йомсбура старшего.

Я встал, наставляя ему пистолет в голову. Охрана среагировала, принялась разбегаться и начинать стрелять. Затрещали разлетающиеся во все стороны окна, двое левых охранников тут же упали с простреленными головами, а правых поделили между собой Евгеша и Маленький Джо.

— Следить за выходами!

Я пошёл вперёд. Баллистический сопроцессор точно показывал направление движения пули — прямо промеж глаз Альфри Йомсбура.

— Ты всё же вернулся. Посмел! — холодно заметил Альфри.

— И как видишь — цел и невредим. А ты оказался треплом.

— День ещё не закончился, — пожал он плечами.

— Ты как-то говорил, чтоб я пошёл и взял ресурсы, которые у меня вроде как есть. Ирония в том, что они у меня есть, но их незаконно отняли, ведь ты — это я. Ты украл моё имя, мою внешность, мой пост, мою корпорацию и всю мою жизнь. Ты... Я даже не знаю, под чью дудку ты играешь. Я пришёл взять то, что моё по праву. Откажись от должности, передай официально её мне.

— Ты её получишь только через мой труп. Ты так жалок!

— Понятно, значит я ошибся в том, что ты творение Самото. Аманда и тут постаралась.

Марго, твой выход!

— Шон, я не могу. Там система защиты...

— Минуту, Шон, — крикнула Ри. — Уже работаю.

— Блять, ну вот почему? Ну конечно же, — хлопнул я себя по лбу.

Самото и Аманда создавали Альфри специально против меня.

Он улыбался. Из боковых дверей уже выбегали люди: со щитами, с автоматами. Джо принялся палить по ним, шестистволка Евгеша раскрутилась и выдавала выстрел за выстрелом не останавливаясь, я же стоял без движений. Ирви правильно говорила: они не могут причинить мне вреда. Только схватить, может быть ранить.

В плечо с силой толкнуло, пробивая поддоспешник из нанотрубок и кевларовый доспех. Ирви дёрнулась, застонала, хватаясь за плечо. Я стиснул зубы — она выдержит. Она всё вытерпит.

— Готово! — выкрик Ри, очень резкий и с надрывом.

Четвёртая выскочила, закрывая себе глаза, чтобы ничего не отвлекало от взлома, и Альфри вдруг побледнел.

— Всем прекратить, — произнёс он в общий канал.

Звуки борьбы стихли. Пошёл входящий вызов. Один за одним принялись подключаться все из совета директоров. Все разом и по очереди, включая меня, заходили на виртуальную конференцию, полностью имитирующую заседание. Код был объявлен красный — высший уровень важности. Люди вскакивали с постелей, вылезали из ванн, подтягивали штаны не успевая подтереться и подключались к конференции — вот что это значило.

— Господа, — сообщил Альфри. Руки его била дрожь, в руках был пистолет.

— Шон, — шепнула Марго. — Я такой скрипт первый раз вижу, он сработает?

Я же видел, как вокруг Альфри проявляется глаз с алыми капиллярами.

— Я здесь собрал вас по срочному делу. Как вы знаете, все эти годы я готовил приемника, моего приёмного сына Шона Йомсбура, чтобы он с достоинством мог представлять Йомсбур Инкорпорейтед. Он побывал во множестве отделов, в том числе и среди не самых законных. В каждом он проявил должное старание и упорство. Пришла пора мне передать ему место. Отныне он будет управлять Йомсбур Инкорпорейтед, после долгих трёхсот пятидесяти четырёх лет истории единоличного правления.

Трясущимися руками он поднёс пистолет к голове.

— За этим местом нет Небесного Полотна. Там один лишь мрак, а вы всего лишь пешки в их руках. Аминь.

Он выстрелил.

Я стоял, тяжело дыша, спрятал пистолет. Рядом подошла Марго. На руках в реальности у меня тяжело дышала, корчась от боли, Мелисса. Тело Альфри, немного постояв, завалилось на бок и упало, роняя из руки пистолет.

— Шон, последнюю строчку я не писала. Он сам её сказал, — Четвёртая была в шоке.

— А я вот не понимаю, босс, — возник Евгеша. — Зачем строить себе офис из обычного стекла на первом этаже? Это ж непрактично!

Ко мне подбежал Вирр, стягивая шлем. Он оказался в одной группе с защищающимися.

— Шон, что происходит? Почему господин Альфри... Ух ты ж бля! Ну на войне как на войне. Это ты его так?

— Застрелился. Он давно хотел на покой, — подыграл я. — А мне нужна твоя помощь.

Собирай всех, мы идём на войну.

— Куда? — округлились его глаза и он будто бы сжался от страха.

— На Ашуру и Викторию, на всех сразу. Я объявляю войну всему миру! — отправил я последнее в общий канал, и фраза улетела глубоко в сеть, разбираемая на цитаты.

Интерлюдия 3. Последний мудака

Самото и Аманда стояли около прозрачного куба с заточённой в него Мелиссой и ждали.

— Он ведь пойдёт, он совершит первый шаг? — переминалась с ноги на ногу Аманда.

— Ты же знаешь Альфри. Мы только возмущались, терпели да подвывали. Придётся признать, что план он прорабатывал грамотно и сработал он почти идеально. С Вильвером не угадал и с одним годом, который нужно было «потерпеть», тоже, но в остальном он оказался ближе всех к истине.

— Ну вот я всё равно не понимаю. Столько времени потратить на проработку чар, и отказаться. Совесть его, видите ли, грызть стала. Тут уж не до совести. Или я где-то не права?

— Мы предали свою богиню, которой служили. Что мы должны были ожидать? Ты лично пыталась Лэнса, выпытывала все до единой защитные чары Мелиссы. И он их выдал, все до одной.

— Это не потому, что он был слабым. Лэнс... — она облизалась. — Мы много дурного совершили. Пусть хоть наши труды не будут напрасными. Выпиваем её, обретаем божественность и поднимаем нашу Фреску. Помнишь, зачем мы это всё делаем?

— Чтобы наши дети больше не умирали, — вспомнил Самото.

— Да, именно так, — подтвердила Аманда. — А этот козёл купился на рассказы людоедки и ведёт себя как последний мудака. Я вот только не пойму — он что, просыпается?

— Да какая разница. Там снаружи делать всё равно нечего. Я просыпался полгода назад — барьер из виверн до сих пор держится, все наши чары: и гаситель боли, и око за око, и проклятое познание — всё держится, всё живо за счёт силы самой Мелиссы. Как же всё-таки хитро он всё провернул.

— Это меня и пугает. Вдруг что-то здесь похожее выкинет?

— Я уже думал, что может быть вернуть ему память? Но вместе с памятью вернуться и навыки — опасно. А в текущем состоянии он вряд ли на что-то способен: и знаний ему недостаёт, и цель слишком приземлённая — сделать всех равными. Он скорее пойдёт сейчас корпорации рушить и увязнет в конфликте с Миротворцами. О, что я говорил? Вот и первое глобальное воздействие. Давай, не зевай. Я начинаю, а ты подхватывай.

— Самото...

— А?

— Твоя конструкция вроде не проверена. Её нужно дорабатывать.

— Поздно сомневаться!

— Ты прав. Столько крови пролито. Нельзя допустить, чтобы всё было напрасно.

Глава 12. Чтобы дети не умирали

— Ирви, — шепнул я, зевая и поглаживая девушку по волосам.

Та лежала совершенно спокойно, только нездоровый румянец выдавал её напряжение.

— Что? — открыла она глаза.

Солнце вначале спряталось за вершины деревьев, после зашло за горизонт и мир принялся терять краски. В мире сна был ещё ранний вечер, однако с выключенным активным перехватом царил вечный серый полумрак.

— А вдруг сломать куб, в котором тебя держат, силой не получится?

— А я и не рассчитываю, что получится. Знаешь, такие чудеса только в сказке творятся.

— Что-то мне та Ирви, которая говорила, что у меня всё выйдет, больше нравится.

Она пожала плечами.

— Грустно осознавать свою неминуемую смерть. За тысячу лет я словно в заточении на Дне Миров побывала. Придётся заново учиться пользоваться чарами, — вздохнула она. — Мне самой нужна поддержка.

— Ну у тебя-то точно всё получится, — ухмыльнулся я.

Она лишь улыбнулась в ответ.

Свет померк, принялись загораться звёзды.

— Мы с Лэнсом бродили по разным мирам. Они отличались друг от друга, некоторые и вовсе были пустыми. Долго, очень долго мне было всё равно, куда мне идти, лишь бы с ним. Он вытянул меня, украл у моего учителя, украл под носом у самого бога, могущественного, не чета мне. Украл и... Я была его. Вся его. Что он говорил, то я и делала. Однако он всегда давал выбор. Эх, нужно было просто уйти.

Я почувствовал себя неловко.

— Ты так говоришь о нём... Есть же я, тебя утешаю, и никуда идти не нужно.

— Я тебя понимаю, Шон. Но что такое наши с тобой дни против наших с ним столетий? Я не отвергаю тебя, нет, не подумай такого! Просто... Понимаешь... — она села, заглянула мне в глаза.

В свете луны и звёзд, в залитом синевой поле, под развесистым вечнозелёным деревом её лицо казалось острым, хищным, опасным. Мне вновь показалось, что передо мной не милое личико, а хищная пасть опасного существа, способного наброситься и впиться в шею. Способного причинять боль.

— Слишком много решать, Шон. Ты должен понять, что всё это — твоя вина.

Я нехотя кивнул.

— Пусть ты и не помнишь. Однако за ошибки нужно платить — тут всё просто. Было просто. Я ходила по полю, всматривалась в ваши лица и воображала, что я с вами сделаю, будь у меня возможность хоть что-то сделать. Но ты пробудил во мне заботу и тепло.

Я думал, что она улыбнётся, обнимет меня, но она скривилась.

— И теперь мне тошно от той карусели мыслей, заложницей которых я стала.

Она закрыла лицо руками. Я её попытался обнять, но она одёрнула мои руки.

— Я не смогла сделать так, чтоб это продлилось подольше. Ты сам виноват.

— Да-да, я уже слышал, — вздохнул я и переключил фокус.

Во сне я сидел на жёстком искусственном покрытии огромного стадиона, окидывая взглядом последние приготовления. На трибунах копошились люди Йомсбура — мои люди

— во главе с Вирром: в экзоскелетах чуть больше чем три метра высотой, увешанные пушками. Кругом летали и патрулировали территорию дроны. В отдалении слышны были стрельба и взрывы.

Небо, затянутое серыми тучами, опустилось почти на головы. К серому смогу добавился едкий дым. Запах горелой резины и плавленного железа доносился со всех сторон.

Я наблюдал за всем, за чем мог наблюдать. Самото и Аманда что-то химичили — мне приходили порции сил, ими затраченных. Они хотели завершить свою часть тихо, без моего вмешательства. Их система была слишком сложной, чтобы манипулировать на расстоянии, поэтому они находились там, на месте. Их сеть влияния распространялась слишком далеко, да и система была слишком стабильной, чтобы пытаться нырнуть к ним и как-нибудь помешать, но это не значило, что ситуация безнадежная.

То, что я творил, давалось мне тяжело. Весь этот дым над головой, все людские крики, вся та паника и хаос. Я привык к этому месту. Этот город был мне родным. Я здесь родился и вырос, таковы мои воспоминания. Реальный мир я не знал. Выводя на улицы солдат, отдавая приказ стрелять по гражданским, я совершал сделку с совестью. Я сам не верил, что может заставить меня совершить нечто подобное. Но чтобы всё получилось, систему нужно было вывести из равновесия, сделать как можно больше шума.

В центре поля стоял пустой экзоскелет с автопилотом, держа круглый предмет — ядерную бомбу. Если её не хватит, чтобы пробудить Мелиссу, то я не знаю, чего хватит.

В отдалении от экзоскелета и расположилась наша команда: Четвёртая, Рамондо, трое новичков и Ринжина. Тётя Ри сидела справа от меня, Марго слева, Рамондо расхаживал взад-вперёд.

«После последних новостей из Йомсбур Инкорпорейтед об отставке через самоубийство генерального директора Альфри Йомсбура акции компании находятся в нестабильном положении. Финансовая составляющая в данный момент в крайней степени интересуется наших зрителей».

Девушка зачитывала текст с бегущей строки. Вполне себе красивая девушка, хотя с её работой и голограмма управилась бы. Я поставил её на паузу.

— Видела?

Четвёртая перевела на меня пустой взгляд.

— Новости? Шон, какие новости? Ты же в курсе, что ты людей убиваешь? Обычных, невинных. Детей там, матерей...

— Это клоны-рептилоиды, это не люди, — буркнул Рамондо, но ему тоже не сиделось. — Мы и сами не люди. Это же всё понарошку, Шон? Правда?

— Форменное безумие, — буркнула Ринжина.

— Для вас это совсем не понарошку, — вздохнул я и обнял Марго за плечи. — Я всё исправлю — обещаю. Нужно потерпеть. Но ты посмотри: в новостях первым делом про деньги.

Я пошарил ей канал, показал сводку, снял с паузы.

«Агрессивная политика Шона Йомсбура обусловлена его конфликтом с корпорациями. Никто не ожидал такого самоуправства. Впрочем, нового ничего нет и предпосылки для Третьей Корпоративной Войны были давно. У нас в эфире Сигизмунд Йозенбах — историк-эксперт. Вам слово».

Показался беловолосый дедок, определённо точно просто актёр.

«Спасибо, но нельзя это назвать Третьей Корпоративной Войной. Внутренние силы

Йомсбура вышли на улицы, устроили марш в сторону Ашуры и Виктории — ничего более. Так что прошу не относиться к этому серьёзно.»

— Ты слышала? — ухмыльнулся я.

— Ты треть города уже сравнял с землёй. Сколько там трупов? — всё возмущалась она.

Я взял её за плечи, заглянул в глаза.

— Ты со мной?

— Д-да...

— Ты мне веришь?

Она замялась.

— Да, — выдавила наконец.

— Тогда не переживай. Самото с Амандой специально подавляют панику. Ну ничего, тут мы посмотрим ещё.

«Ну что, я на месте», — раздался голос Зануды.

«Готов к жертве для всеобщего блага?»

«Знаешь, я не хочу умирать, но жить становится с каждым мгновением всё невыносимее. Я уже два дня не видел Ирви...»

«Тогда можешь её увидеть в последний раз».

— Шон, что случилось? Ты плачешь? — раздался голос Ирви в реальности.

Я выполнил запрос местоположения.

...Несанкционированный доступ к данным...

— Что ты делаешь? — округлились глаза Марго.

— Просто верь.

Она обняла меня, уткнулась в меня носом, всхлипывая.

— Это же район, где живут Гривусы. Там Адель. Там...

— Просто. Верь.

...Код доступа введён...

...Активировать детонатор дистанционно?..

Я позволил себе последние сомнения. Выдохнул.

Активировать.

Небо сделалось алым, хлопнуло волной ветра по ушам.

Прощай, Адель. Я всё исправлю. Верну и тебя, и твоего папу.

Со стороны Виктория Холдинг задул горячий ветер и там принялся подниматься чёрный радиационный гриб. Тучи смыло вместе со смогом, однако я не увидел яркое солнце на фоне ясного неба. Ощущение, что взрывом смыло само небо. Вместо него на абсолютно белом фоне, словно в операционном кабинете, принялись проступать ячейки изумрудных шестигранников. На некоторых красовались огромные, размером с дом, золотые руны, начертанные великанской кистью, но на большинстве были покрасневшие, вращающиеся во все стороны глаза. Шестигранники образовывали клетку, а эта клетка и была Оковами Сна.

— Мелисса великая, за что мы прокляты? Шон, я всё понимаю, — Марго плакала, — но это похоже на страшный сон. Только я не сплю.

— Это всё иллюзия, игра, — принялся я успокаивать её, поглаживая по спине. — Я сделаю нам маленький рай. Мы будем жить вместе в небольшом домике, заведём собаку. Я буду приходить к тебе каждую свою ночь, это будет долгая и счастливая жизнь.

— Я не хочу собаку. Я хочу дочку, — всхлинула Марго.

— Значит заведём дочку, — пожал я плечами.

«...Солдаты Йомсбур столкнулись с силами Миротворцев, но последние не успели мобилизоваться в достаточной мере и несут сейчас значительные потери...»

Я почувствовал толчок силы.

— Началось.

Сил прилило много. Само́то и Аманда решили закончить всё в один присест. Я видел трещащие по швам потоки данных, несущиеся по венам и артериям этого мира. Связь иногда обрывалась, иногда сыпались ошибки в систему, создавая гематомы. Диагностические тулы говорили о падении серверов и целых кластеров. И в этом рушащемся хаосе я прокладывал путь, смещая само пространство, создавая возмущение, невиданное ранее.

Лаборатория по разработке «вечного магнума» должна быть тут. Точка.

Пространство исказилось и часть стадиона исчезла.

Алый глаз вылез прямо из земли, с кровоподтёками и поблекшим хрусталиком. Он был огромным, метров двадцать в диаметре, возвышался уродливой сферой, выпучивался в небо. В его уголке собралась грязь, слеза и кровь. Он пошевелился, забегал в глазнице, моргнул несколько раз, раскидывая в стороны землю.

Спустя мгновение глаз налился, стал совершенно красным, яростно завращался. А в следующее мгновение он лопнул фонтаном крови, а из его недр принялась расти монструозная конструкция, сплошь состоящая из трубок, реле, силовых установок и мониторов с диагностической информацией. Посередине установки был прозрачный куб с лежащим в нём завернутым в белые простыни телом. Над этим кубом расположилась полусфера, состоящая из шестигранников. Каждый шестигранник мягко светился зеленоватым светом, на каждом из шестигранников был выгравирован свой золотой символ. Вот что они устроили — Оковы Сна внутри Оков Сна! Эту структуру, захлопнись она, нельзя будет разрушить извне, не зная к ней ключей и паролей.

Я встал, отряхнулся и пошёл к ним, сбивая каждую из их попыток дальнейшего воздействия.

— Альфри, не чуди! — раздался голос Само́то.

Он повернулся ко мне. Рядом стояла взъерошенная Лидия с немного опустевшим взглядом. Она будто бы взламывала кого-то, но я не видел кого и на всякий случай спрятал Марго за своей спиной.

— Я не позволю вам её убить. А ещё меня зовут Шон!

— Вся конструкция трещит, ты устроил тут... Ты всё же выкинул фокус! Эх, Альфри, от бесконечной агонии ты уже в спасители подался? Ты просто не понимаешь, что стоит на кону.

— Ваши жизни? — пожал я плечами и кивнул в сторону экзоскелета.

...Код доступа введён...

— Марго, держись за моей спиной, — предупредил я. — Сейчас будем совершать невозможное.

— Поняла, — донеслось по открытому каналу.

— Стой! Что ты хочешь сделать? — крикнул Само́то.

— Освободить её. Если бы вы помогли, может быть мне удалось бы её уговорить вас пощадить.

— Ты не понимаешь, она всех убьёт! Она не пощадит никого!

Ирви, лёжа у меня на руках, потянулась, словно кошка.

— Да... — протянула она.

Самото рассмеялся немного нервным смехом.

— Это всё твоя новая память, Альфри. Ты всё забыл. Позволь мне напомнить тебе! Позволь мне вернуть тебе тебя и ты сам увидишь, насколько смешны и нелепы твои действия.

— То есть ты признаёшь, что стирая мне память вы совершили ошибку?

Самото скривился, а я улыбнулся.

— Как говорил мне с самого моего ненастоящего угробленного и совершенно убогого детства мой холодный, никчёмный, лишённый каких-либо проявлений любви ненастоящий отец: совершил ошибку — пожинай последствия!

Огонь разгорелся у меня в голове, полились какие-то файлы. Аманда? Нет, она стояла так, замерев. Это был Самото. Когда? Пока я разговаривал? Что, я повёл себя как типичный злодей, которому заговорили зубы и он не успел нажать на кнопку? Огонь заполонил голову.

В реальности меня тоже трясло.

Я почувствовал тёплые и нежные, но такие хрупкие руки у себя на висках.

— Нет, не надо, не вспоминай! Прошу тебя, отринь эту память!

Я приоткрыл глаза, чтобы успокоить Ирви, но вместо этого увидел Аманду, нависающую над ничего не подозревающим безумно хрупкой девушкой прежде, чем разряд отключил меня.

— Господин Альфри? — уставился на меня мой слуга.

Я проморгался, приходя в себя и поплотнее укутался в плащ. Мне на секунду показалось, что я живу совершенно другой жизнью: Ирви, Четвёртая, что-то очень и очень тревожное и много пролитой крови. Что на меня нашло я не понял, выкидывая странные мысли из головы.

Я Альфри Йомсбур, глава рода Йомсбуров, правитель здешних земель, обширных и суровых, не самых бедных. Я Альфри Йомсбур, глава ордена Сна, Блуждающий Во Мраке Форм, живущий уже третий век, сменивший четвёртую семью, и всё равно чувствующий перчинку этого мира. Я Альфри Йомсбур — отец семьи Йомсбуров, у меня есть жена Маргс и дочь Аделина, а ещё огромное количество сыновей, внуков и правнуков от других семей, которые я покинул не раньше смерти своей суженой.

Мне было тревожно, ибо я ждал посла.

Конь проскакал рысью и вылетел из-за поворота, останавливаясь резко и едва не вставая на дыбы. С него слетел рыцарь, статный, светловолосый, с голубыми глубокими глазами — сэра Лэнс Нотре. Только он имел права говорить от Её лица.

— Господин Альфри, извините за задержку. Долго ждали?

— Не успел продрогнуть, — пожал плечами я.

Голую землю сковал мороз и маленькие жалящие снежинки снега ложились на неё, словно перхоть на лысину. С деревьев давно послетала листва. Наступало холодное и суровое время.

— Условия вы знаете. Те же, что и в прошлом году, — произнёс Лэнс.

— К сожалению я не могу предоставить ничего прямо сейчас, но мне было велено сопроводить Вас к Храму Огня на юге — требуется обсудить кое-что и я не уполномочен решать сам.

— Велено? — поднял он бровь.

— Сознаюсь, не велено, но предложено. И я рассудил это правильным. Доли магнума разные для разных стран и это оправдано, но мои подданные уже извелись за три года, они

не видят надежды — это плохо. Впрочем все слова потом. Отправитесь ли Вы со мной?

Лэнс пожал плечами. Он казался простым — Несгибаемый Лэнс, кого не может поразить ни меч, ни копьё, ни стрела, ни даже магия.

— Блуждающий Во Мраке Форм найдёт туда дорогу легко. Ведите меня, господин Альфри.

Я не долго думая запустил чары. В этот момент я удивился глубоко внутри, потому что сами конструкции вдруг показались непривычными. Я привык... К цифрам, графикам, формулам, программам, а не к этому. Откуда это взялось?

Хлопок, словно лопнул шарик, шум в ушах, узкий коридор и затем яркий свет. Здесь было жарко и я тут же скинул плащ. Рядом хлопал глазами мой слуга.

Зал бы большим и обширным. Пели фонтаны, под ногами сверкал начищенный мрамор, были развешены картины — обитель королевы Огненной Аманды Виктори. Сама она — беловолосая и прекрасная — сидела на резном деревянном троне в откровенном наряде, от взгляда на который можно было смутиться, ведь открытого тела там было намного больше, нежели закрытого. Рядом с ней стоял, обёрнутый в свободные одежды, Разящий Клинок Само́то Ашура, прибывший сюда из соседней страны. По другую сторону закованный в тяжеленные доспехи с огромным молотом в руках высоченный Железный Вильвер Вортес, так же пришедший издалека.

— Господа, чем обязан? — отозвался Лэнс.

— Мы хотим пересмотреть уговор. Наши земли за три года уже опустели и нам нужна передышка, — стал говорить Само́то. — Я понимаю, в чём спешка. Но нет ли в плане Великой какого-нибудь послабления? Нам нужен всего год — возродить поля, восстановить скот, дать возможность людям выдохнуть.

Лэнс стоял опечаленный, понурый.

— Сэр Лэнс, — заговорил я. — Какой смысл в мире, в котором не останется надежды?

— Она появится. Нужен год или два, и Она сможет сменить курс.

— А вот по моим расчётам магнума должно быть уже достаточно, — проронила Аманда. — Мои люди говорят, что Область Пустоты не настолько обширна, мы заденем её краем и... Я бы не хотела этого говорить, но выглядит так, будто вы нас за что-то души́те. За то, что на последнем балу я назвала платье Мелиссы недостойной её хозяйки?

Глаза Лэнса сверкнули, но он лишь покачал головой.

— Тогда объясни нам, о великий сэр. Где мои люди неправы? — с вызовом бросила Аманда.

— Я не смогу, вы знаете это хорошо. И уговор был, вы на него согласились. Сейчас если Она отвлечётся, это будет стоить нам многих месяцев трудов, а вам дополнительных трат и лишений. Я не имею права даже спросить. А надежда, господин Альфри, не умрёт в людях, пока они живы, а они выживут.

— Не все, — холодно заметил Само́то.

Да, не все, — подумалось мне. В моей ойкумене умрут многие. Уже этот год удалось пережить не всем и каждый десятый умер от мороза, голода и болезней. А на окраинах и каждый третий. В прошлом году похоронили Нолана и Виалетту, моих любимых внуков — оплакивали всем городом. Кто умрёт в этот раз?

Лэнс кивнул.

— Самым слабым придётся отправиться обратно в Великое Полотно.

Само́то подошёл ближе, заглянул сэру Лэнсу в глаза.

— Это нам не подходит.

То, с какой скоростью он выхватывал свою саблю, поразились все. Это был короткий росчерк стали, направленный в шею сэру Лэнсу, но сталь отскочила искрами, а кожа сэра Лэнса сделалась серой и каменной, глаза загорелись огнём. Он схватил Само́то за шкуру, тот вывернулся из одеяний, оставаясь совершенно голым. Рубанул ещё несколько раз. Я слышал отзвуки чар, накладываемых на его катану. Сэр Лэнс даже не закрывался, принимая чары своим телом.

Тем временем в руках у Аманды принялся разгораться шар.

— Альфри, выруби его!

Молчаливый Вильвер влетел в Лэнса с разгону, стараясь сбить с ног, но не смог. Лэнс размахнулся кулаком, ударил в щит. Огромный, тяжеленный щит вдавился, Вильвер пошатнулся, но не упал, принимая удар и замахнулся сам. Лэнс закрылся, с скрежетом отъезжая по мрамору на шаг.

С рук Аманды сорвался туго стянутый шар из яркого белого пламени. С вжухающим звуком он пролетел мимо Вильвера, который успел закрыться щитом, и жажнул по Лэнсу, взрываясь. Огонь охватил рыцаря, в разные стороны полетели горящие ошмётки его брони и одежды, оголяя серое каменное тело — Лэнс оставался невредим.

Переговоры пошли по альтернативному сценарию и я сжёг свиток, спрятанный в кармане. Чары развернулись и принялись просачиваться к Несгибаемому Лэнсу в голову. Его пошатнуло, взор его помутился, он поднял кулак, опустил на зазевавшегося Вильвера, который согнулся и повалился на мраморный пол, а после сам упал.

Немногим позже, когда тело уволокли в подвал, мы остались вчетвером.

— Мы отправили весть. Она согласится, Она точно ответит, — заверял Само́то. — Просто год отсрочки на выдачу заложника. Мы же не отказываемся?

Мне же было не по себе. Тревога и неприятное предчувствие не отпускало.

— А если не ответит?

— А куда она денется? — ухмыльнулась Аманда. — Альфри, ты молодец. Без тебя туго пришлось бы. И не придётся никем жертвовать. Мы делаем это для того, чтобы наши дети больше не умирали, — напомнила она.

— Да, чтобы дети больше не умирали, — повторил я. — Дальше вы сами?

— Да, спасибо. Мы твои должники, — хлопнул меня по плечу Само́то.

Я пробыл там до вечера и открыл обратный портал.

Сразу было непонятно, что поменялось, но уже отсюда я почувствовал металлический привкус на губах. Вдыхать воздух было неприятно. Портал меня вынес в километре от моего дома: небольшого, но добротного, в котором разместились и моя семья, и семьи моих потомков от предыдущих браков.

Серые тучи заволокли небо, падал снег, заметая землю и превращая её в белую, однако всё ещё не нарядную: с проплешинами, с грязью.

Я понял, что не так. Я не слышал мысли, я не чувствовал своих людей.

Первое обезглавленное тело я нашёл, вынырнув из-за поворота. Там же было и второе, и третье, и даже десятое. Люди вначале бежали из города, после наоборот вглубь города — спасения не было. Я шёл, а в голове крутилась мысль: «Это ведь всего лишь сон, правда? Это не может быть правдой?».

Осознание произошедшего пришло минутами позже и ноги сами перешли на бег. Сердце зашлось от боли. Я ошибся! Я совершил ошибку! Но я ведь ничего не сделал! Я же

просто хотел защитить своих людей! Мы должны были поговорить с Ней. Почему так произошло?

Я влетел в свой дом, словно ураган, прошёлся по комнатам, не найдя никого, и только с замиранием сердца отправившись на второй этаж я нашёл их. Голова Аделины с перекошенным от боли, но всё ещё таким красивым личиком смотрела застывшим взглядом на меня с резного столика. Рядом лежало запачканное запёкшейся кровью её тело, наряженное в белое платье. В углу сидела жена, положив руки на грудь и держа в своих руках своё же вырванное из груди сердце. Жена, Марго, так похожая на Четвёртую — отметил про себя я. Такая же маленькая, с чёрными волосами и миленьким личиком.

Я подошёл к ней, сел рядом, обнял и разрыдался, начиная слышать мысли жителей соседнего города. Они просили пощады и защиты.

На меня смотрело мёртвое лицо моей дочери и в тот миг моя растерянность сменилась жгучей яростью, давая мне совершенно новую цель. Все слова, которые говорили про Мелиссу Самото, Вильвер и Аманда — они оказались правдой. Эта тварь обязана умереть!

Я отправился назад в Храм Огня, сообщил о том, что узнал не успевшим разъехаться магистрам и те пришли в ужас. Метались, стонали. Я-то знал, что моей стране конец. Свои же страны они могли ещё уберечь и эта неотвратимость гибели была хуже, чем уже совершившееся.

Аманда, схватившись за голову, сидела в углу, поглядывая на нас. Самото ходил взад-вперёд. Вильвер стиснув зубы напяливал шлем.

— Я разберусь с ней. Моя армия справится! — грозным басом пытался он себя успокоить. — Мы выйдем против. Кто она против целого войска? Она — одна единственная подлая тварь! Я не пушу её за свои стены, и всё будет хорошо, — заявил он.

— Не будет, — вздохнул я и холодно окинул всех взглядом. — У меня есть план.

— Такой же, как этот?

— Этот был не мой, — пожал я плечами.

Внутри была пустота, и лишь жгучий огонёк боли помогал мне двигаться.

Вильвер не ответил ничего, просто собрался и уже почти ушёл, когда я окликнул его:

— Нам нужна будет твоя помощь, приятель. Я смогу на тебя рассчитывать?

Он подумал недолго:

— Да, как же иначе. Так всегда было.

С этими словами он вышел, не скрывая дрожь в руках, понимая, что детали всё равно пройдут мимо него. Я же не стал терять времени:

— Я, кажется, знаю, как нам выгнать её, но нужна помощь каждого, кого мы сможем найти, — вздохнул я. — Та, которая может убить ребёнка, вырезать беззащитных, вырвать сердце у безоружной женщины, заставить смотреть как... — глаза защипало. — Это не богиня, это чудовище!

— И в чём же план? — перебил меня Самото.

— Мы просто убьём эту тварь!

Я потёр глаза, утёр нос и сел за работу.

И я творил. Не спал, не ел, только лишь творил. Сложные чары, иллюзорные структуры. Вначале пробовал классические пентограммы, но заклинание не выдерживало проверки и я рискнул, раскрываясь перед запретным знанием, с которым ещё два десятка лет назад поклялся завязать. Я повредил себе руку, экспериментируя, обрушил целый этаж, но результатом был доволен — гексогональная, состоящая из шестигранных структур

конструкция оказалась устойчивой и крепкой.

Это напоминало капкан на зверя, в котором чем больше он дёргается, тем сильнее затягивается удавка. Но нужно было вначале на зверя этот капкан набросить. Пытать Лэнса и выпытывать у него защитные чары Мелиссы уговорить Самото и Аманду было не проблема. В самую суть моих чар они не лезли, удовлетворившись тем, что нам понадобится несколько дней на подготовку и год, чтобы её одолеть. По крайней мере по предварительным расчётам. Было много проблем, которые я решал.

Первое: я не доверял никому, требовалось создать такой конструкт, в котором мы за год друг друга не убьём, потому любая потраченная там сила должна была усиливать оставшихся, создавая баланс. Я слышал, как Аманда с Самото шушукались о чём-то, что-то про силу и божественность — такие интриги за спиной неизбежны, но они мне определённо не нравились.

Второе: кроме прочего Мелисса там оказалась бы так же участницей, её нужно было заставить не спать в реальности и погрузить в сон в Оковах Сна, лишит всех её сил. Кроме этого необходимо было наладить огромное количество защитных чар, чтобы обезопасить наши тела.

Третье: если жизнь одного из четверых (я рассчитывал на Вильвера) Наблюдающих за Сном будет под угрозой, структура сама позаботится о том, чтобы тот оказался в безопасности. Причинить вред в Оковах Сна всё ещё можно, но становится весьма проблематично.

Четвёртое: структуру нельзя менять. Она сама будет сопротивляться изменениям.

И самое главное, пятое: если кто-то угодил под действие Оков Сна, на котором есть метка Алого Глаза, то Оковы Сна разрушатся и сотворятся заново, дабы обезопасить Наблюдающих за Сном. В последнем было главное предназначение Миротворцев — не допустить причинения вреда мне, Аманде, Самото и самим Оковам Сна.

Я завершал приготовления, касаясь той боли, что жила внутри, с трепетом ожидая, когда я смогу насладиться болью Той, Которая сделала ужасные вещи с моей семьёй.

И неожиданно я очнулся, приходя в себя в совершенно другом месте.

Ночь, блеск луны, лёгкий сухой и тёплый ветер, колышущаяся высокая трава.

Мелиссу схватили за волосы и она вскрикнула.

Я улыбнулся, глядя на то, как эта тварь корчится от боли. Поделом ей, она ведь... Помогала мне все эти два месяца. А до этого я нашёл её в гробнице и смог проникнуть в мысли, увидеть, понять... А до этого она оторвала голову моей Аделине...

Память смешалась, я заметался.

Марго с вырванным сердцем...

Ирви, скрючившаяся и бессильно хватающаяся за руки беловолосой бестии.

Аманда швырнула богиню в траву, руки её загорелись огнём.

— Не надо! — крикнул я Аманде, но та меня не слышала, а у меня не было времени, чтобы осознанно закончить хоть одни чары, да и сил не было так же.

Во сне я вышел из ступора, глядя на ухмыляющееся выражение Самото. Напитанное силой пространство ума ускорило течение времени и в реальности огонёк в руках Аманды лишь принялся разгораться.

— Увидел?

— Давай высушим эту тварь, — бросил я в сердцах, вспоминая оторванную голову моей родной дочери, чей образ и имя я перенёс в ребёнка Гривусов.

— Что?! — не поняла Четвёртая, покрикивая по защищённому каналу. — Шон, ты спятил окончательно?

— Верь и не проморгай! — лишь успел командовать я.

Четвёртая полупала на меня глазами, ничего не понимая.

Я перехватил часть чар и зелёный купол принялся разгораться.

— Ты не пожалеешь, — шепнул Самото.

Я лишь кивнул.

В реальности в руках у Аманды был уже приличный шар, меняющий свой цвет с алого на белый.

Во сне купол разгорелся до конца, символы сияли ярко, резонируя с теми, что были в небе. Послышалась стрельба — Миротворцы пытались прорваться через выставленную мной оборону и не допустить изменения Оков Сна. Какой-то нэтраннер полез ко мне в голову и тут же сработали скрипты Ринжины.

— Не знаю, что ты там делаешь, но поторопись, — буркнула тётя Ри.

Купол принялся опускаться и я, толкнув Самото в плечо, что было сил побежал вперёд, искажая само пространство. Плечом я сбил Аманду, не успевшую даже в стойку стать и, скользя, поднырнул под закрывающийся купол.

Звуки приглушились — купол сомкнулся, засветились символы. Тут было необычайно тихо, спокойно и сонно. Я почувствовал дикую слабость, зевнул, проблемы навалились на плечи, будто бы я тот самый Шон Зануда с десятью отчётами, нашкодивший на работе и завтра меня вызовут на ковёр. Самото и Аманда тянули из меня силы? Потому я чувствовал себя вечно уставшим?

В реальности огонёк Аманды вдруг внезапно погас, но и Ирви закашлялась.

— Что ты наделал? — округлились глаза у Самото, стоящего за пределами купола с открытым ртом.

— Давай, — командовал я Четвёртой по закрытому каналу.

Она стояла и всё так же лупала глазами. Я знал, что у неё появился специальный скрипт. Она Миротворка и у неё одна цель — заставить нас жить любой ценой. Целых два Наблюдателя за Сном попались в капкан — нужно всё перезагружать и срочно. У неё теперь бесконечные права в системе, таких нет и не было ни у кого из нас. Оковы Сна должны быть перезагружены, а Ирви в этот момент сможет освободиться.

Но она медлила. Смотрела на меня печальным взглядом и медлила.

— Я не могу этого сделать, Шон. Она ведь проснётся, и вы будете вместе. Без меня. Меня тут не будет. Ничего не будет. Я ведь даже не человек.

В глазах её были слёзы. Она упала на колени.

— Пожалуйста, Марго... — попросил я, не зная, что ещё можно сказать.

— Может лучше пусть вы все умрёте? И я вместе со всеми? В пустоте нет боли. В пустоте вообще ничего нет, — она разрыдалась.

Самото, стоявший и смотревший на всё с безумным взглядом, вдруг приободрился, глядя на заламывающую руки Четвёртую. С подлой ухмылкой он глянул на меня, на Аманду. Его глаза загорелись пламенем, в руках появилась катана, переливающаяся изумрудным в свете горящих шестигранников.

Я понимал, что всё идёт по плану Самото даже лучше, чем он сам того ожидал. Вместе с тем я чувствовал всё нарастающую слабость, с которой невозможно было бороться. В реальности я привалился к дереву, рядом на руки ко мне повалилась Аманда, бледнее на

глазах.

— Но какой смысл в смерти? — продолжала Четвёртая. — Такой же, какой и в жизни, когда в этом мире мне не будет больше места. Шон, я приношу в жертву себя, слышишь? Мне не будет места, но я всё равно сделаю то, что ты попросил! Потому что люблю тебя...

Запахтели пневматические подъёмники, затрещали диагностические панели, фиксируя множественные отказы самых разных систем, купол принялся подниматься, а прозрачный куб из непробиваемого стекла с треском принялся рассыпаться. Тело, лежащее там, зашевелилось.

В реальном мире, залитом синим светом луны, шевельнулась высокая трава. Тело Мелиссы, неестественно выгнувшись, принялось медленно подниматься, пока девушка не встала на ноги. Её глаза сверкнули горизонтальными золотыми зрачками. Её губы растянулись в неестественную улыбку от уха до уха, а рот наполнился острыми зубами.

— Наконец-то... — кровожадно шепнула она.

Глава 13. Чудовище

Купол погас, стрельба прекратилась, за спиной шевеление стихло, всё замерло. Тишина. Я вглядывался в лицо Само́то, он смотрел на меня.

— Убеди её поговорить, — произнёс он. — Мне нужно поговорить!

В реальном мире Мелисса замерла, раззевая широкую пасть. Глаза сверкали золотом в лунном свете, волосы плыли, словно под водой. Вот она стояла, а вот её не стало, таким резким был рывок. За один прыжок, поднявший в воздух клок земли, она оказалась поодаль Аманды и взмахнула рукой. Вспышка огня озарила поляну — Мелисса отпрыгнула в сторону, двигаясь слишком быстро для любого живого существа. Аманда отвечала так же быстро, посылая вспышку за вспышкой.

— Ирви, стой! — попытался я докричаться до неё. — Давай поговорим, не нужно никого убивать!

Она не слушала.

Во сне сильные и нежные руки взяли мою шею в захват.

— Стой, ещё не поздно всё исправить! — крикнул Само́то.

От Само́то Ашуры вдруг со свистом отскочила пуля. Одна, вторая. Я видел Четвёртую, которая выхватила пистолет и нажимала на спусковой крючок до тех пор, пока патроны не закончились. Само́то же был окружён некоторым подобием кинетического щита — он просто изменил правила игры вокруг себя и продолжал их менять.

В реальности я не почувствовал удавку, однако увидел её результат — Мелисса остановилась, хватаясь за горло. На то и был расчёт: отвлечь её и меня, чтобы сделать свой ход — с ними не о чем разговаривать.

Я рванул к замешкавшейся Аманде, врезал ей с левой, сбив чары, которые обожгли ей руки, поднырнул под её удар и ловко взял в захват. В реальности её удерживал я, во сне — она меня.

Во сне я попытался отбиться, ударить локтём, но Аманда держала меня крепко.

— Альфри, почему? — шепнула она. — Я всегда так завидовала твоей власти, но ты распоряжаешься ей так глупо.

Она давила изо всех сил.

— Марго, беги отсюда! — скомандовал я.

Четвёртая бросила на меня взгляд заплаканных глаз и подчинилась.

Само́то взмахнул мечом, подходя ко мне.

В реальности я заметил, что Само́то стоит рядом в стойке, собираясь сделать стремительный выпад. Я сжимал Аманду в захвате — сил не хватало её придушить, хотя так хотелось, и толкнул Аманду вперёд, к Мелиссе, сокращая дистанцию. Ужасающе выглядящий монстр рванул ко мне навстречу — сложно представить, что когда-то это была Ирви, добрая, помогающая, беззащитная и хрупкая, словно травиночка. Сейчас это было зубастое нечто с удлинившимися когтями, с золотыми глазами, с плывущими во все стороны волосами, оторвавшее голову моей дочери, вырвавшее сердце моей жене. Почему, зачем я помогаю?

У меня же есть выбор: помочь ей или помочь Само́то с Амандой, с которыми меня связывает тысячелетняя история. На деле это выбор из разных сортов говна. Когда у тебя есть выбор, он никогда не между хорошим и плохим — я это отлично уяснил.

Во сне Аманда дёрнулась у меня за спиной и коротко вскрикнула.

В реальности я видел, как из последних сил распахнулась зубастая пасть, как когтистые лапы схватили девушку за плечи, как с чавкающим звуком зубы сомкнулись, обдавая меня тёплой кровью. Из гортани Аманды вырвался хлюпающий вой и девушка повалилась на землю, лишившись носа, глаз, щёк, губ и верхней челюсти. Мелисса выплюнула зубы, размазывая кровь по лицу и медленно перевела взгляд своих хищных глаз на Самото.

Во сне Мелисса не просыпалась, лишь шевелилась. Аманда ещё стояла, из глаз её текла кровь, а тело неестественно быстро бледнело.

— Что ты творишь, Альфри? После всего, что она сделала, ты выбрал эту тварь? Осознанно? — бросил мне Самото.

— Выбирал бы лучше, не будь вы такими уродами!

— Она убьёт меня, а после возьмётся за тебя. Не важно, помогаешь ты ей сейчас или нет — мы являемся причиной её страданий, а она — причина наших. Здесь не будет мира.

— Пусть так, но это я виноват, что её заточили.

— Тогда будешь ещё виноват за всех невинных, таких же как твоя семья, которых она распотрошит или сожрёт!

Он рванул, взмахнул катаной. Я распахнул портативный веерный щит, отпрыгивая и принимая удар вскользь.

В реальности Мелисса повела носом, наклонила голову на бок на удлинившейся шее, сорвалась с места, в два длинных прыжка оказалась около Самото. Тот взмахнул катаной. Его движения были столь быстрыми, что глаз не смог их различить. Шлейфом брызнула кровь, окрашивая траву в тёмный, непонятно какой цвет в ночной мгле. Мелисса не издала ни единого звука, полоснула когтями сама, но Самото вовремя отскочил, обладая какой-то нечеловеческой реакцией.

Она была жива и абсолютно цела не смотря на режущий удар заговорённой сабли.

— Впитала, — буркнул Самото. — Ты не сможешь лечиться вечно!

От Мелиссы исходила сила, она сворачивалась тугими клубками вокруг неё и в ней самой, питая её изменённое тело. От Самото чувствовалось силы не меньше, той, которую он успел поглотить.

Во сне Самото напирал на меня.

— Я не хочу с тобой драться, Альфри! Я обязан жизнью твоему плану, а я человек чести, и всё это всего лишь необходимость, — оправдывался он. — У тебя есть власть сковать силу Мелиссы вновь! Воспользуйся ею, иначе мы все будем мертвы.

— Вы все заслуживаете смерти! — зло прошипела та тварь, в которую превратилась Мелисса.

Я принял очередной удар Самото и рванул в сторону, отбегая к Четвёртой.

Действительно, у меня была опция, новая утилита в операционке, которая поменяла бы реальность нужным образом, мешая потоки силы улетучиваться наружу.

Я наблюдал за тем, как на равных в реальности дерутся тёмная богиня с Самото. Клинок мерцал в свете луны, трава подгибалась от порывов ветра, создаваемых скоростью движения противников. В какой-то момент я подвернулся под руку и Мелисса сбила меня, втапывая в землю. Я застонал и отполз, всё ещё наблюдая.

Может быть Самото был прав? Сомнения подгрызали мою решимость. Что, если я вновь совершаю ошибку? Что, если она убьёт и меня, и всех людей Фрески из-за наших ошибок? Одной больше, одной меньше...

— Марго, — подбежав к ней, я взял её лицо в свои руки. — Слушай сюда, слушай внимательно. Рубани по Само́то скрпитом-суицидом, который ты использовала на охрану. Помнишь?

— Не сработает, — покачала она головой.

— Сработает. Но тогда, когда я скажу. Шя́рлёттэ! — позвал я.

— Кто, я? — удивился Рамондо. Первый раз я его имя назвал правильно, а он ещё переспрашивает!

— Тащи сюда снайперку.

Он завертел головой.

Самото же стоял, не шевелясь, явно вовлечённый полностью в битву с Мелиссой. Его движения в реальности ускорились. Мелисса тяжело дышала, во все стороны разлетались брызги её крови, а сама богиня не могла дотянуться до ставшего слишком быстрым мечника.

Он тратил силу, я её подбирал — пора было её использовать.

— Ринжина, подбирай пароль, вот тебе интерфейс.

Я кинул утилиту, появившуюся у меня в операционной системе. Любые изменения в конструкторе были прозрачно видны и для меня тоже.

— Это что за херота? — удивилась Ри.

— А теперь встали все за мной и ни шагу! — скомандовал я и, досчитав до трёх, активировал заряд.

Стоящий в отдалении, прямо напротив нас робот шевельнулся, в его руках бомба зашелестела механизмами, а после взорвалась. Я навалился плечом. Самото тоже дёрнулся. Вокруг Мелиссы образовался купол. Такой же купол, похожий на зонт, удерживал в руках я, и за моей спиной образовывался сегмент, словно тень, который огибала и взрывная волна, и радиация, и порывы ветра и сама огненная смерть, что разразилась рядом. Я резал собой взрыв.

В какой-то момент стало совсем тихо. Так тихо, что я услышал шёпот Четвёртой:

— Ты волнорез, Шон. За тобой спокойно.

Я ухмыльнулся и схватил снайперку, раскладывая телескопическую треногу для стрельбы из позиции стоя. Вокруг бушевал огненный шторм, глаза заливал едва стерпимо яркий свет, и лишь тёмный силуэт Самото оставался пятном виден в этом бушующем аду.

В реальности тени мелькали, но я видел, что Мелисса двигается медленно. Если бы она была такой же свежей, как в начале боя, она бы смогла достать Самото, отвлётшегося на ядерный взрыв. Но сейчас она тоже была измотана.

Огненный шторм принялся стихать и я среди яркого слепящего света увидел фигуру Самото. Ринжину била дрожь, из всех отверстий в её голове текла кровь, но я видел, что защита Самото больше не идеальна.

— Четвёртая!

...Данные отправлены...

Скрипт начал свою работу незаметно для Самото.

Моя очередь. Выстрел — пуля пролетела к цели, ударилась о щит — тот лопнул. Я передёрнул затвор. Ещё один выстрел. Самото дёрнулся, чтобы уклониться, но сработал скрипт и он замер. В груди принялось растекаться пятно крови.

В реальности его движения замедлились непозволительно сильно. Он сделал неловкий выпад. Мелисса изогнулась, клацнули её острые зубы, брызнула кровь, на траву упала перекушенная рука.

— Ты будешь сожалеть! — обратился он ко мне в момент, когда Мелисса, подойдя к нему вплотную, укусила его за лицо. Хруст ломающихся костей раздался на весь лес.

Тело без половины черепа со свищущей во все стороны кровью постояло немного, упало на колени, а после завалилось на бок.

Мелисса взглянула на меня своими жёлтыми неморгающими глазами. Она медленно, словно крадась, подходила всё ближе, облизывая губы. Острые когти блестели в свете луны.

— На колени! — грозно произнесла она.

Первым желанием было упасть.

А может нужно было просто захлопнуть её? Закинуть под колпак Аманду, а с Само́то поделить силу? Вид этого монстра меня обескураживал. Я терялся, не знал, что делать. Помогать ей? Вдруг перехотелось. Меня обманули? Скорее недосказали. От этого не легче.

Но я не послушался. Всё же она была моей Ирви. Все её слова про мою смерть укладывались теперь в голове в стройные логичные конструкции. Это моя Ирви. Это не Мелисса Нотре, что воплотилась в Ирви. Это Ирви и есть! Но чем больше я пытался себя убедить, тем меньше в это верил.

— Что ты собираешься делать? — с дрожью в голосе спросил я.

В глазах твари стояло удивление. Её волосы разлетались в разные стороны, лицо было человеческим, а рот сомкнулся и губы не казались больше уродливой пастью. Лишь глаза с золотыми вертикальными зрачками выдавали в ней монстра.

— Ты... — захлебнулась она, тяжело дыша.

— Я хочу знать, что я совершил: правильный поступок или очередную ошибку.

У меня колотилось сердце, подкашивались колени.

А вдруг Само́то прав?

— Исполнить долг отмщения, — сообщила она мне, а сама всё больше и больше напоминала Ирви. — Но я не хочу! Давай... Давай... — она замаялась.

Я слушал, не перебивая.

— Прошое нужно оставить в прошлом, — смущённо проронила она. — Давай поступим иначе! Ты не такой как они. Я поверю во всё, что угодно, но не в то, что ты согласился...

— Я согласился, Ирви. И мы совершили много ошибок.

— Они совершили, да, — в глазах её блеснули слёзы. — Я не могу оспорить свою же клятву. Я не... Ты всё искупил! Ты меня освободил, ты достоин искупления. Я дарую тебе искупление, да, — выпалила она и выдохнула, краснея. — Давай накажем их всех, за смерть Лэнса, за предательство. Всех, кроме тебя.

Она протянула мне окровавленные руки. Я не спешил их брать.

— То есть Само́то был прав? Я своими руками убью оставшихся в живых невинных людей?

— Не зови их невинными! Они всё знали, ничего не сделали, нарушили уговор. Они виновны в своей участи. Я их не проклинала, они сами себя проклинали!

— Тысяча лет прошла, Ирви.

— Дети ответственны за клятвы отцов, таков закон! Идём со мной и вместе накажем заслуживающих наказание, — жарко говорила она и подошла почти вплотную.

Образ её пасти, полной зубов, сбивал с толку. Это больше не та беспомощная и хрупкая Ирви. Это беспощадная Мелисса Нотре, тёмная богиня.

— Они не виноваты, — заступился я в очередной раз. — Я виноват. И я готов.

Я встал на колени. Раз ошибки нельзя исправить, то самое время забрать их с собой в могилу.

— Возьми мою жизнь в обмен на их жизни, прошу. Если всё то хорошее, что было, для тебя имеет хоть какое-то значение. Моя жизнь теперь твоя, делай, что хочешь, — я склонил голову.

— Твоя жизнь — моя? — удивилась Мелисса, холодно переспрашивая.

Я стоял, опустив голову, и ждал удара. Прости, Четвёртая-Марго. Никакого домика и спокойной жизни, к сожалению, не будет. Извини, Ирви, что подвёл тебя, но такова уж реальность. Впрочем — какая разница. Слишком много крови на моих руках.

— Тогда я хочу, чтобы твоя жизнь была моей, — заявила Мелисса. Нет, не Мелисса, а Ирви.

Я открыл было рот, чтоб возразить. Сердце моё упало. Я готов был к смерти, а не к вечным мукам. «Смертные тащат ошибку в могилу. Бессмертные же с ошибками живут».

— Хочу, чтобы ты был моим, следовал за мной, слушал меня и подчинялся мне и только мне! Теперь ты мой. Навсегда. Ой, нет! Я передумала. На тысячу лет — за каждый год моего заточения. Решено. Поднимись с колен!

Я не спешил.

Быть в рабстве, в котором я был последние тридцать лет, только тысячу? Прислуживать ей, убившей мою семью? Подчиняться ей? Изощёренная пытка, страшнее которой сложно придумать.

Но в её голосе звучала радость. Она нашла выход. И эта радость в голосе словно лучина развеивала мрак в моей душе. Может быть всё выйдет не так уж и плохо? В конце концов она ведь моя Ирви.

И я встал.

Она взглянула на меня, сияя от счастья.

— Я принимаю твою сделку, Шон Йомсбур.

Она протянула окровавленные руки с острыми когтями вместо ногтей. Я взял её за руки своими трясущимися потными ладонями.

— И отныне я не Мелисса Нотре, а Ирви Йомсбур.

— То есть я останусь жив? — с опаской переспросил я, даже не зная, чего больше опасаться услышать. Зануда уговаривал бы его убить, Агрессивный Шон пытался бы всеми силами уговорить оставить ему жизнь. Я был и тем, и другим.

— Угу, — кивнула она.

— А ты никого не будешь убивать?

— Буду, когда надо будет, — пожала она плечами, всё ещё держа меня за руки.

— А Четвёртая?..

Она расхохоталась.

— Это ж твой сон, дурачок.

Она потрепала меня по волосам и поцеловала. Поцелуй со вкусом чужой крови, от которого меня едва не вырвало. Внутри я испытывал смешанные чувства, но огонёк надежды разгорался всё больше и больше, и я обнял её, прижимая к себе, а она казалась мне всё такой же хрупкой и невесомой девушкой, снившейся мне два месяца: высокие деревья, восходящее солнце, лёгкий туман, тепло, свежий лес, мягкий мох, птичьи трели, тихий шум далёкой воды и образ девушки с неопрятными чёрными волосами, бледной и худой, с живым взглядом.

Эпилог. Спустя время

За дверью слышны были голоса, пахло жареным мясом.

— Когда уже папа проснётся? — раздался детский голос.

— Я уже говорила. Папа иногда спит сутками, у него тяжёлая работа, — голос Четвёртой. — Сегодня День Перемен, должен проснуться. И не смей папу не пускать спать, Глория!

— Но я... — начала она.

— Глория, — более строго произнесла Четвёртая.

— Ну... я поняла... — протянула моя мелкая. Всё равно будет, я знал. — Мама, а что такое День Перемен?

Я встал, оделся и вышел из комнаты на кухню.

В глаза ударил яркий солнечный свет летнего солнца.

Пятилетка с тёмной кожей, немногим светлее моей, и с одуванчиком чёрных жёстких волос рванула ко мне, переворачивая стул, и повисла у меня на шее.

— Ты же меня позавчера видела, — ухмыльнулся я, отдирая её от себя. — Четвёртая!

— Отпусти папу, — скомандовала Марго и сама подошла ко мне.

Маленькая, с тёмными волосами и выбритым под разьёмы виском. Она чмокнула меня в губы.

Я уселся за стол, потягиваясь. Пусть и сон, но правила должны были быть везде.

В двери постучали. Как раз вовремя.

Я подошёл к двери, встречая гостей.

— С Днём Перемен, дружище! — хлопнул меня по плечу Майклсон, поседевший за годы, с холодным и острым взглядом, таким, каким я его помнил.

Рядом стояла с отсутствующим взглядом барышня Аделина, уже почти взрослая, переписывалась видимо с кем-то и нас не слушала. Но на меня взглянула, улыбнулась мне. Около неё — её мать и жена Майклсона Елена.

— Мы тут не сговариваясь, — улыбнулась старая злая тётя Ри и не дожидаясь сунулась в дом. — А ты всё никак не съедешь из этой халупы, год за годом прозябаешь...

— Не прозябает, а наслаждается жизнью, — возник Рамондо.

Они завалились в маленькую кухню, расселись за небольшой стол, а я стал рядом с Четвёртой, принялся помогать со стейками.

— Шон, мне нужно было тебе кое-что сказать, но я не успела, — обратилась Четвёртая ко мне. — Это может подождать, но мне всё чаще такие странные реалистичные сны снятся. Какие-то роботы, взрывы, узкоглазый мужик с катаной в руках. Может мне обследоваться?

— Мне тоже, — покраснела Елена. — Будто бы... Будто бы Майка в живых нет.

— А вы меня всё равно не переплюнете по странности снов, — заявил Рамондо. — Мне снилось, что мы на футбольном поле, там кругом стреляют, а потом взрывается бомба, а я прячусь за Шона... и выживаю!

— А это и не сны, — улыбнулся я, обводя всех взглядом. — Это всё было, просто в другой жизни. Я как-нибудь расскажу полную историю. Кстати это и ответ на вопрос, что такое День Перемен. Это день, когда всё изменилось, корпорации лишились армии, обложились по плешь налогами и мир принялся жить по другим законам.

— По каким другим? — возмутилась Ри. — Дед, ты кажется забыл свои таблетки.

Собравшиеся поддержали Ринжину дружным хохотом, лишь Марго посмотрела на меня с совершенно другим взглядом. Она верила. Всегда верила. Она и была моей верой в меня.

— Выдумщик, — улыбнулась она. — Дорогие гости, сегодня у нас стейки из свинины и спагетти как... тогда... У тебя на квартире... — округлила она глаза.

— Не удивляйся ты так, всё это было, — улыбнулся я и обнял её.

Мы общались и смеялись, всё как раньше, и пусть я знал, что это всего лишь сон, но просыпаться мне не хотелось. Здесь я исполнил все обещания, пусть о них и никто не помнил, как я не старался пробудить их память — конструкт обязан быть логичным, и подобные события просто не укладывались в головы проекций. Здесь я вернул к жизни всех, кого не стало, упразднил то, что должно было быть упразднено, дал безопасную мотивацию для развития, убрал то, что на мой взгляд было несправедливым и опасным. Там же, снаружи, меня ждала возня длиною ещё в девятьсот девяносто пять длинных лет: работа на шахтах, налаживание связей, контроль за храмами. Ух.

И реальный мир после пробуждения Истинной Владычицы Фрески, к сожалению, не стал лучше. Кровавая грызня не закончилась, Мелиссе приходилось доказывать своё право на существование, доказывать свою правоту. Я был на её стороне не только лишь потому, что клялся, а ещё и потому, что видел, что она делает хорошие и правильные вещи. А ещё за то, что винил себя за прошлые ошибки, которые, в отличие от сна, не исправишь. Но в ту ночь я не ошибся и бесконечно радовался этому.

Отношения наши после той ночи немного откатились, остыли, сделались более формальными. Ирви была хорошей, она просила называть её как раньше — Ирви. Иногда мы подолгу сидели в её Замке В Облаках и смотрели на вечно замершее в одной точке солнце и плывущие тучки снизу. Подолгу разговаривали, гуляли за руку, она иногда меня целовала, но дальше дело не заходило. Мы словно два подростка кружили вокруг, каждый пробирался через свои раны. Кружили, ранились друг о друга и исцеляли друг друга.

Я всё же надеялся, что спустя время я смогу перестать винить себя и её, оставлю прошлое в прошлом и смогу полюбить всем сердцем, а она привяжется ко мне так же, как привязалась когда-то к Несгибаемому сэру Лэнсу. Это может произойти однажды, но не сейчас.

Неожиданно быстро за пустыми беседами и подколками, когда Рамондо собирал руки в щепотки и эмоционально оправдывался, а Майклсон хихикал, похрюкивая, пролетел целый день и наступил вечер. Гости разошлись, мы ещё сидели в полумраке. Глория зевала, Марго пускала струйки дыма в потолок, я не хотел уходить.

— Пойду, пора работать, — встал я из-за стола. — А тебе, мелочь пузатая, пора спать, — потрепал я Глорию по её пышным волосам.

Марго встала, обняла меня.

— Папа работает во сне? — удивилась Глория, выискивая своего роботизированного медведя.

— Нет. Я всё вспомнила, — надулась Марго и зло зашептала мне на ухо: — Папа во сне ходит к другой женщине!

Я рассмеялся, погладив её по щеке, от чего она пошла мурашками.

Это было так странно, находиться тут, в моих личных Оковах Сна. В идеальном месте, далёком от всех бед. В мире, придуманном мной. В утопии, в тотальном уходе от реальности. Я сгрёб Марго в охапку и поцеловал её. Этот маленький идеальный мирок давал мне сил нести свет в тёмную реальность и восполнял силы. Ведь это то, что сон должен

делать.

Когда-то я сбегал из сна в реальность. Сейчас же всё поменялось.

Я понимал, что этот сон когда-нибудь окажется лишним, не обязательным. Но не раньше, чем когда реальность станет походить на сон. Когда проблемы не будут так больно ранить, а дела не будут отнимать столько сил. Когда-нибудь я скажу Марго Йомсбур прощай, и оставлю её образ где-то глубоко в моей памяти, вместе со всеми дорогими мне, но умершими людьми.

Когда-нибудь, спустя время, но не сейчас.

Больше книг на сайте - Knigoed.net